

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 1 2021 / ТОМ 27

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ /
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся
ОБЩЕСТВЕ**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ /
СОЦИОЛОГИЯ**

**СОВРЕМЕННЫЕ /
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ /
КУЛЬТУРА**

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ /
И ЮБИЛЕИ**

ISSN 2308-829X

ISSN 2308-829X

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 1 / 2021

Том 27

DOI: 10.19181/nko.2021.27.1

Рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2021

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), руководитель Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и Кафедры «ЮНЕСКО» по социальным и гуманитарным наукам, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Заведующий редакцией

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Состав редакционной коллегии

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (Москва, Россия).

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра партийно-политических исследований, Институт Европы РАН (Москва, Россия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН (Москва, Россия).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, директор центра государственно-частного партнерства, профессор кафедры управления проектами и программами, РАНХиГС (Москва, Россия).

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор Кафедры социологии Факультета журналистики, МГИМО; профессор Кафедры общественных связей и медиаполитики Факультета журналистики, РАНХиГС (Москва, Россия).

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, Российская государственная специализированная академия искусств (Москва, Россия).

Орлова Ирина Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии знания, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Орлова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, РАНХиГС (Москва, Россия).

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Объединенного центра социологии и экономики знания, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, первый проректор, «Московский государственный технологический университет» «СТАНКИН» (Москва, Россия).

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, Воронежский филиал РАНХиГС (Воронеж, Россия).

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, председатель редакционного совета журнала «Социологические исследования», зав. кафедрой теории и истории социологии РГГУ (Москва, Россия).

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, генеральный директор, ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга» (Москва, Россия).

Иностранные члены редакционной коллегии

Айгуль Забирова, доктор социологических наук, профессор, доцент кафедры социологии, Университет ОАЭ (Эль-Айн, ОАЭ).

Мацей Ковалевски, доктор философии, профессор, руководитель Института социологии, Щецинский университет (Польша).

Мариус Вакарелу, доктор философии, Национальная школа политических исследований и государственного управления (Румыния).

Миролjub Евтич, доктор философии, профессор, Факультет политических наук, Белградский университет (Сербия).

Фламиния Сакка, профессор, руководитель программы политических наук и международных отношений, Университет Тушии (Италия).

Вирендра Сингх, доктор философии, профессор, Центр исследований в области развития, Аллахабадский университет (Индия).

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий Кафедрой прикладной социологии Факультета социологии, Ереванский государственный университет (Армения).

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Head of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Main researcher, Head of the Center for Political Science and the UNESCO Department of Social Sciences and Humanities ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Main Researcher of the Center for the Sociology of Religion and Socio-cultural Processes ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Social Security and Risk Management ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Head of the Editor

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Members of the editorial Board

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Socio-political Technologies, National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Gubkin University) (Moscow, Russia).

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of the Center for Party and Political Studies, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Science Chief of the Institute of Psychology RAS (Moscow, Russia).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief of the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Sciences, Director of Centre for Public Private Partnership, Professor of the Department of Project and Programme Administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia).

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Main Researcher of the Center for Social Security and Risk Management (Moscow, Russia).

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Department of Public Relations and Media Policy Faculty of Journalism, RANEPA (Moscow, Russia).

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Professor of The Russian State Specialized Academy of Arts (RSSAA) (Moscow, Russia).

Irina B. Orlova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Knowledge, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty) Lomonosov Moscow State University (MSU) (Moscow, Russia).

Irina V. Orlova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, RANEPA (Moscow, Russia).

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Joint Center for Sociology and Economics of Knowledge, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Andrey Y. Pinchuk, Doctor of Political Sciences, First Vice-Rector of the Moscow State University of Technology "STANKIN" (Moscow, Russia).

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociological Sciences, RANEPa Voronezh branch (Voronezh, Russia).

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation Issues, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Center for Social and Socio-political Research ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Main Researcher of ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Main Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Head of Department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities (RSUH) (Moscow, Russia).

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Main Researcher of the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Foreign members of the editorial Board

Aigul Zabirova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Assistant professor, Sociology department, United Arab Emirates University (Al Ain, UAE).

Maciej Kowalewski, Ph.D., Professor, Head of the Institute of Sociology, University of Szczecin (Poland).

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, Lecturer, Counsellor of Rector and Vice-rector, National School of Political Studies and Public Administration (Romania).

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, Political Science, University of Belgrade (Serbia).

Flaminia Sacca, professor of Political Sociology, head of the Political Science and International Relations Programme at Tuscia University (Italy).

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor of Globalization and Development Studies, Centre for Development Studies University of Allahabad (India).

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University (Yerevan, Armenia).

Содержание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

- Гаджиев Х. А.*
Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества 8
- Илларионова Э. О.*
Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда 21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Лазукина А. О.*
Доверие к органам власти в период пандемии: гендерный аспект 33
- Новоженкина О. П.*
Национальные цели и задачи развития Российской Федерации
в мнениях граждан 45

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Берёзкина Е. Ю.*
Гендерная тема в избирательных кампаниях
итальянских популистских партий на выборах в Европарламент в 2019 г.:
дискурс в СМИ и социальных сетях 58
- Громова Е. И.*
Гендерные особенности социальной мобильности
во властных структурах разных регионов России и мира 69

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

- Яковлев А. В.*
Семантика и прагматика слов «коммунизм» и «коммунистический»
и некоторые проблемы восприятия произведений И.А. Ефремова
о далёком будущем 80

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

- Дирекция и Ученый Совет ИСПИ ФНИСЦ РАН*
30 лет на службе науки и России 92
- Ананьин М. А.*
Л. С. Рубан: жизнь в науке 96

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2021
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2021

Content

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

- Gadzhiev Kh. A.*
Political feedback in conditions of social digitalization 8
- Illarionova E. O.*
New forms of employment in the context of digitalization of the labor market 21

POLITICAL SOCIOLOGY

- Lazukina A. O.*
Trust in government during the pandemic: gender aspect 33
- Novozhenina O. P.*
National goals and objectives of the development
of the Russian Federation in the opinions of citizens 45

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Berezkina E. Y.*
Gender related topics in the European parliament election campaigns
of the Italian populist parties in 2019:
ideas reflection in the media and social networks 58
- Gromova E. I.*
Gender features of social mobility in power structures
of different regions of Russia and the world 69

POLITICAL CULTURE

- Yakovlev A. V.*
Semantics and pragmatics of the noun communism
and of the adjective communist and challenges in understanding
prof. Efremov's science fiction novels about remote future 80

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

- Directorate and academic council ISPR FCTAS RAS*
30 years in the service of science and Russia 92
- Anan'in M. A.*
L. S. Ruban: Life in science 96

© ISPR FCTAS RAS, 2021
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2021

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.1

УДК 323.2

Х. А. Гаджиев¹

¹ Российский университет дружбы народов.
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Обратная связь – одно из наиболее значимых составляющих для функционирования политической системы. От развитости её каналов и механизмов, а также от эффективности её учета в политическом процессе в немалой степени зависит не только социально-политическая стабильность, но также и устойчивость выстроенной политической системы. В цифровую эпоху, когда в обществе значительно более интенсивны коммуникативные процессы и более открыт процесс обмена мнениями, у власти, с одной стороны, появляется значительно больше возможностей по мониторингу, анализу и учету обратной связи с целью корректировки проводимого политического курса, но с другой – от неё требуется более оперативная реакция и принятие решений. Прежде всего это связано с масштабным охватом современной жизни людей онлайн-средой. Здесь для власти возникло много угроз и рисков, связанных с вероятностью деструктивного воздействия на общественное мнение и попыткой манипулирования им. Все сказанное актуализирует вопрос об особенностях политической обратной связи в условиях цифровизации. С этой целью в представленной статье предпринята попытка выявления сущности политической обратной связи и её значимости для современного политического процесса; обозначены основные её компоненты и их роль в функционировании политической системы; проанализирован её потенциал в условиях цифровизации, с точки зрения повышения эффективности принимаемых властью решений и адекватной реакции на запросы и требования общества; наконец, проиллюстрированы возможные ключевые препятствия на пути реализации потенциала политической обратной связи.

Ключевые слова: политическая обратная связь, политическая система, политическая стабильность, цифровизация, цифровизация общества, открытость государства.

Для цитирования: Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 8-20. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.1

Процесс цифровизации перманентно проникает во всё новые ниши общественной жизни. В науке понятие «цифровизация», пожалуй, одно из наиболее часто употребляемых в

последние годы. При этом сложность и многогранность рассматриваемого явления, охват им самых разных областей и сфер, существенно затрудняет возможность формулирования

универсального определения. Не претендуя на всеохватность, будем отглатывать от того, что цифровизация в самом общем плане раскрывается в трех ипостасях, органично дополняющих друг друга и достаточно репрезентативно отражающих суть данного феномена. Во-первых, в наиболее узком смысле цифровизацию можно определить как глобальный переход от использования аналоговых технологий к цифровым; во-вторых – как масштабное внедрение в различные сферы человеческой деятельности и в целом в общественную жизнь цифровых технологий; наконец, в-третьих, в наиболее широком смысле – как процесс, ведущий к повышению значимости цифровых технологий в жизни общества и переход на качественно новый уровень их использования, как изменение самой ценности цифровых технологий [1, с. 150-151].

Цифровизация, с нашей точки зрения, – это глобальный, унифицированный процесс, черты которого сформировались и продолжают свое развитие без централизованного государственного контроля. И отдельно взятое государство, имея возможности, например, по ограничению темпов цифровизации, определенных сфер ее распространения, рамок использования формируемого ею пространства, вместе с тем, не имеет возможности принципиально изменить характер и сущность данного процесса [2, с. 36].

Образовывая на своем пути массу проблем и ставя множество новых вопросов, цифровизация, тем не менее, выглядит как нечто неоспоримое среди направлений развития социума. Очевидно, что этот процесс не мог обойти и столь важную сферу, как политика. В политической плоскости процесс цифровизации

проявляется достаточно многогранно. Он затронул немало аспектов взаимодействия общества и власти, а также поставил вопрос о возможных изменениях в краеугольных политических механизмах. Думается, одними из самых существенных изменений стали изменения в открытости государства.

Как справедливо отмечается в некоторых исследованиях, в современном мире можно наблюдать возникшую у власти беспрецедентную проблему управления своей открытостью. Развитие информационно-коммуникационных технологий поставило представителей власти в ситуацию непростого информационного риска, когда их неприемлемые действия в информационном пространстве, став общедоступными, могут привести к серьезным последствиям и проблемам: чувство лояльности и поддержки граждан может смениться неприятием и отторжением. Возникшая степень «видимости» власти породила новую форму её уязвимости, когда неосмотрительное замечание, комментарий, неудачный жест или даже выражение лица, могут быть зафиксированы камерами и стать доступными для многомиллионной аудитории, вызвав у неё негативную реакцию [3, с. 203].

Категория «открытость государства», как правило, включает три базовых компонента: 1) информационную открытость, предполагающую прозрачность деятельности публичных органов власти и эффективно работающие механизмы «обратной связи»; 2) открытость данных, предполагающую готовность органов власти активно передавать имеющиеся данные негосударственным контрагентам, повышая для них предсказуемость своих действий;

3) принцип «открытого диалога», предполагающий сотрудничество между государственными институтами и институтами гражданского общества, а также позволяющий гражданам непосредственно влиять на принятие решений публичных органов власти¹.

Каждый из указанных трёх параметров имеет важное значение как для государства, так и для общества. При этом, как представляется, их можно рассматривать как три уровня открытости государства (в приведенной последовательности), где каждый последующий уровень более сложный с точки зрения реализации, с учетом особенностей политического процесса и специфики принятия решений. Поэтому вполне понятно, если говорить о реальном развитии в сторону открытости государства, почему многие современные государства делают акцент на первые два уровня (аспекта) открытости государства – информационную открытость и открытость данных. Они в наименьшей степени вмешиваются в сложный политический процесс. В свою очередь, принцип «открытого диалога», где граждане могли бы реально участвовать в принятии решений, очевидно, в полномасштабном виде труднореализуем даже в развитых демократиях.

Вместе с тем примечательно, что для поддержания социально-политической стабильности и повышения эффективности политиче-

ской системы особое значение имеет информационная открытость и ее ключевая составляющая – «обратная связь».

Политическая обратная связь и ее основные компоненты. Непрерывные изменения в современных обществах, связанные с виртуальным информационным полем, привели к тому, что обострилась необходимость в значительно более активном учёте властью социальных запросов, поступающих непосредственно в динамике политического процесса, и более оперативной реакции на них. Сегодня политическая власть не может совсем не учитывать такую реакцию, не может не реагировать на потребности и «запросы» граждан [4, с. 84-85] (хотя бы формально), если они уже циркулируют в виртуальном информационном поле и активно обсуждаются. Общественное мнение зависит не просто от проводимой политики, но также от ее видимости и доступности для широкой публики [5]. Более того, на сегодняшний день многие граждане хотели бы иметь широкие возможности (упрощенные процедуры) обращения к органам власти и повышения гарантии разрешения своих проблем [6, с. 77].

Принцип обратной связи предполагает, что политический процесс представляет собой довольно сложное явление, при котором всё происходит не по принципу одностороннего воздействия власти на общество, но также имеет место и обратное воздействие. Общество – это не «пассивный» объект политики, оно может менять конфигурацию основных условий властвования, менять положение субъектов политики и их стратегию поведения в политическом поле. Проявления обратной связи можно видеть в политической динамике [7].

¹ См.: Беттин И., Бертяков А., Комин М., Пархимович О., Цыганков М. Оценка открытости государственных информационных систем в России: аналитический доклад // Счётная палата РФ: [сайт]. 2020. URL: <https://u.to/TQMgGw> (дата обращения: 12.01.2021); Открытость в условиях пандемии COVID-19: дайджест / Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ // Счётная палата РФ: [сайт]. 2020. URL: <https://u.to/XAMgGw> (дата обращения: 12.01.2021).

В самом общем смысле под обратной связью можно понимать контролирующее и регулирующее обратное воздействие, обусловленное передачей информации и имеющее своей конечной целью повышение организованности системы [8, с. 108]. Обратную связь применительно к системе отношений «власть-общество» (где власть выступает в роли субъекта управления, а общество – объекта) можно рассматривать как реакцию управляемого объекта на воздействие управляющего субъекта в виде информации о состоянии первого и его изменениях в соответствии намеченной «программой» [9, с. 114].

Обратная связь, как правило, выражается в форме определенных действий и информации (о поведении объекта, о восприятии и выполнении принятых решений и т.д.) [10, с. 149]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает О. Ф. Шабров, в политическом процессе обратная связь может иметь явный или латентный (скрытый) характер. Касательно латентной обратной связи важно сразу подчеркнуть, что она намного более непредсказуема и может быть опасной, поскольку субъект политической власти лишается при таком раскладе видеть собственные ошибки и

необходимым образом реагировать на них [11].

Если попытаться визуально представить базовые составляющие обратной связи и достроить знаменитую схему Д. Истона [12, р. 384] (см. рис. 1), то её можно изобразить (см. рис. 2) как исходящие от общества сигналы явной и латентной обратной связи. Они агрегируются и артикулируются в «воронке требований», а затем уже получившиеся требования принимаются двумя типами механизмов обработки в последовательном и поочередном порядке: сначала они обрабатываются «механизмами мониторинга и анализа» (внешними и внутренними по отношению к политической системе), а затем полученные в них выводы и прогнозы поступают в «механизмы учета и корректировки курса».

Как указано в предложенной нами схеме, в явной обратной связи будет выделяться две направленности: поддержка и сопротивление. Поддержка в явной обратной связи будет проявляться, например, в результатах голосования на выборах и референдумах. Сопротивление в явной обратной связи будет проявляться, например, в форме митингов, забастовок, пикетов, отдельных жалоб граждан в компетентные органы, петиций и т.д.

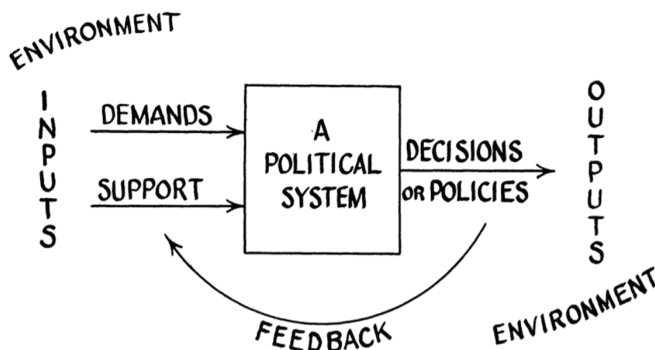

Рисунок 1. Политическая система. Схема Д. Истона

Рисунок 2. Политическая система и политическая обратная связь

Поддержка или несогласие – направленности, обозначенные в латентной обратной связи, могут проявляться, например, в явке на выборы и референдумы, в информации из свободных и независимых СМИ, в отношении общества к представителям власти и выстроенной системе законодательства. Как справедливо подмечено в некоторых исследованиях, недовольство в латентной обратной связи может быть какое-то время даже неосознаваемым и проявляться в таких реакциях, как неуважение граждан к органам власти и закону, социальный нигилизм, низкая мотивация к труду [11].

В «классической» схеме Д. Истона требования и поддержка выделяются как два разных типа поступающих на «входах» в политическую систему сигналов. Однако, на наш взгляд, поддержка проводимого политического курса – это тоже требование: требование сохранить текущий политический курс. Ведь с практической точки зрения очевид-

но, что поддержка исходит только от части общества, даже если эта часть представляет собой подавляющее большинство. А значит, есть другая часть – та, которая не разделяет такое отношение к проводимому курсу. Соответственно, она требует его изменения, либо вообще смены власти (оговоримся, что условно можно выделить также те части общества, которые политически пассивны, вообще никак не проявляют свое отношение к политике и готовы принять любой итоговый расклад, до тех пор, пока он как-либо не повлияет, например, на их социальное положение). Таким образом, поддержка – это разновидность требования, которую следует отличать от сопротивления (в случае с явной обратной связью) или несогласия (в случае с латентной обратной связью), которые как раз и предполагают требования по изменению «статус-кво». Говоря иначе, это те самые реакции, которые относятся ко второй, не принимающей текущий курс, части общества.

Как видно из сказанного, речь идет о четырех видах каналов обратной связи, но у которых две направленности – положительная (поддержка в явной или латентной форме) и отрицательная (сопротивление или несогласие). В каждом из четырех каналов аккумулируется огромное число сигналов, исходящих от общества. Все они, проходя через обозначенные каналы, образуют в конце каждого из каналов определенный уровень соответствующего отношения: 1) поддержки в виде действий; 2) сопротивления в виде действий; 3) поддержки в виде мнения; 4) несогласия в виде мнения. Далее, попадая в общую «воронку», данные требования агрегируются и артикулируются, формируя целостную картинку для последующей переработки в «механизмах мониторинга и анализа» (как внешних, так и внутренних).

«Механизмы мониторинга и анализа» предназначены для сбора и анализа информации об общественном мнении, о сложившихся социальных запросах и для определения фактического уровня социальной поддержки политического курса и субъектов власти. Такого рода механизмы могут быть и в самой политической системе (внутренние), и за ее пределами (внешние). К первым можно отнести, к примеру, специализированные государственные структуры по мониторингу и по формированию статистической информации, доклады и отчеты о ходе исполнения принятых решений [13, с. 115]. Ко вторым, – проводимые различными организациями научные исследования, социологические замеры и пр. При этом подчеркнем, что внешние «механизмы мониторинга и анализа», как правило, либо функционируют без какой-либо связи и взаимодействия с властью, либо, наоборот, поддержива-

ются и финансируются ею (вплоть до того, что выполняют её заказ). Правда, в то же время информация из внешних «механизмов мониторинга и анализа», которые не поддерживались и не финансировались, также может использоваться властью без непосредственного взаимодействия с проводившими мониторинг и анализ структурами. Последнее, однако, довольно редко встречается на практике.

Что касается «механизмов учета и корректировки курса», то они служат для отбора и преобразования наиболее важных выводов и прогнозов, полученных на основе мониторинга и анализа, в конкретные меры по корректировке проводимого политического курса. Здесь уточним, что в указанных механизмах учитываются не все выводы и прогнозы, а только те, которые будут определены как наиболее важные и требующие учета.

Таким образом, можно констатировать, что обратная связь – это довольно сложно выстроенное явление, которое состоит не только из совокупности каналов, как это утверждается в ряде исследований [14, с. 79]. Более того, вероятно, каналы – это даже не самый главный компонент в структуре обратной связи. Ведь не менее важны два указанных выше типа механизмов. Возможно, от них зависит даже больше, если говорить об эффективности обратной связи: если в каналах только организуется поток социальных запросов и требований, то от «механизмов мониторинга и анализа», а также «механизмов учета и корректировки курса», вообще зависит, будет ли воспринята поступившая информация политической системой для корректировки курса.

Отметим, что именно каналы обратной связи представляют особый интерес, если говорить о возможно-

сти совершенствования обратной связи посредством внедрения цифровых технологий. Именно такой шаг может значительно ускорить процесс функционирования всех компонентов обратной связи и упростить процесс обработки смыслов и требований в «механизмах мониторинга и анализа».

Значимость политической обратной связи. К сожалению, нередко значение обратной связи для общества и политической системы необоснованно недооценивается в ходе политического процесса. Вместе с тем важно исходить из того, что обратная связь есть общий принцип управления, она обязательно имеет место в политическом управлении [11] и влияет на функционирование политической системы. То есть не идет речи о том, может она быть или нет: она есть всегда. Здесь необходимо ставить вопросы с другими акцентами. В какой степени учитывается обратная связь в политическом процессе и при принятии решений? Насколько развиты каналы и механизмы обратной связи? Наконец, имеет существенное значение вопрос о резонансе эффективного использования обратной связи и для общества, и для политической системы.

Развитая структура обратной связи и широкий учет её сигналов имеет очевидные преимущества. Так, **для политической системы** такая обратная связь, во-первых, может давать ценную информацию для последующей корректировки выбранного и реализуемого политического курса, как было показано выше. При эффективном мониторинге и анализе требований из «воронки» обратной связи, а также выборе из этого массива необходимых и полезных ориентиров, после качественного мониторинга

и анализа общей картины обратной связи, власть может эффективно выстраивать свои шаги в политическом процессе и корректировать реализуемый курс. При этом не менее важно, чтобы получаемая информация была максимально объективной. А для этого должны быть созданы не только условия, стимулирующие самоорганизацию и политическую активность граждан, но также условия максимальной гарантии свободы слова.

Во-вторых, грамотное использование каналов и механизмов обратной связи властью является важнейшим фактором обеспечения и поддержания стабильности и устойчивости выстроенной политической системы. Блокировка каналов явной обратной связи или их игнорирование властью, равно как и игнорирование латентной обратной связи, может создавать иллюзию политической стабильности и социальной поддержки, но при значительном уровне накопления социального недовольства все это способно привести к социальному взрыву и тотальной дестабилизации.

В-третьих, эффективно работающая обратная связь вкупе с решением властью наиболее значимых для общества проблем, «диагностированных» посредством мониторинга и анализа полученной информации, может крайне позитивно сказываться на последующей общественной поддержке власти и ее легитимности. Последнее, в свою очередь, также благоприятно влияет на политическую стабильность.

Если говорить о преимуществах развитой и эффективной обратной связи **для общества**, то здесь также можно выделить несколько значимых пунктов. Во-первых, конечно, выстроенная в таком ключе обратная

связь – это возможность для граждан быть «услышанными»; возможность акцентировать внимание власти на актуальном проблемном поле, в соответствии с которым крайне важно выстраивать или корректировать политический курс.

Во-вторых, это означает более активное политическое участие, что предполагает более высокую вероятность для граждан получить возможность не просто влиять на принятие каких-либо решений в рамках уже выстроенного курса (т.е. корректировать его), транслируя информацию об актуальном проблемном поле, но также как бы катализировать принятие новых решений с учетом этого поля; выступать с общественными инициативами. Конечно, общественные инициативы – это, наверное, наиболее сложный сегмент в обратной связи, тем не менее, он вполне адаптируем и может быть эффективен. К примеру, власть может принимать решения с учетом поднятых в общественных инициативах предложений, взяв за основу только их какие-то важные принципы. Сразу скажем, что такие начинания, как общественная инициатива и другие похожие формы социального влияния на принятие решений, одновременно можно отнести к принципу «открытого диалога», о котором речь шла в самом начале. Но только в тех случаях, когда выдвигаемые инициативы имеют реальные шансы на полную реализацию и, действительно, рассматриваются властью на постоянной основе. Иными словами, это уже другой, более высокий уровень взаимодействия и сотрудничества власти и общества.

В-третьих, развитая система обратной связи может постепенно повышать уровень самоорганизации. Граждане, зная, что их мнение прини-

мается властью во внимание, становятся более активными в плане политического участия.

И, наконец, в своем идеальном варианте обратная связь способна задавать развитие управляющему воздействию со стороны системы органов власти и в целом придавать гибкость ее организационной структуре [15, с. 6].

Потенциал политической обратной связи в условиях цифровизации. С той поры как форсированно стали развиваться цифровые технологии, не просто упростилась возможность совершенствования каналов обратной связи, а также «механизмов мониторинга и анализа», но также было сформировано немало новых вариаций в этой плоскости. Кроме того, указанные ранее преимущества развития и эффективного использования структуры обратной связи стали более весомыми. Сегодня каналы обратной связи, при их цифровой «модернизации», способны значительно более оперативно и качественно работать [16, с. 204].

Так, онлайн-площадки позволяют гражданам намного оперативнее обмениваться мнениями и формировать актуальное проблемное поле. Особая роль в этом принадлежит социальным сетям. Последние не просто так стали активно использоваться политиками на современном этапе: все чаще можно увидеть персональные страницы представителей власти, на которых выкладывается информация о результатах деятельности. Такого рода страницы, с одной стороны, позволяют их владельцам демонстрировать плоды своей работы и достижения, а с другой – видеть реакцию аудитории. И самое главное, зачастую на этих же страницах для пользователей оставляют воз-

возможность писать комментарии. Разумеется, чаще всего такие страницы ведет специалист или целая команда специалистов, а не сами представители власти, но это не мешает систематизировать получаемую в виде комментариев пользователей информацию и делать на её основе выводы. Подобная информация служит своего рода обратной связью.

Кроме того, цифровые технологии позволяют создавать специальные площадки для таких институтов, как обсуждение законопроектов, электронные петиции и т.д. Посредством использования огромной аудитории Интернета, такие начинания приобретают значительно больший охват аудитории и потенциал для мобилизации.

Известно, что результаты выборов (фактические) и иных мероприятий, предполагающих участие граждан (например, голосования и референдумы), также являются своего рода элементом обратной связи для власти. Однако всегда стоит вопрос о явке избирателей. Проблемы с низкой явкой могут быть связаны с различными факторами, но внедрение дистанционного электронного голосования имеет много предпосылок для серьезного повышения данного показателя (хотя не стоит забывать и об имеющихся здесь место рисках). Соответственно и обратная связь в данном аспекте будет более репрезентативной. Хотя в то же время понятно, что высокая явка нужна не каждой власти: все зависит от политического режима и от конкретной ситуации.

Вместе со всеми преимуществами и потенциалом, нельзя не сказать о проблемах и в целом об изменениях в системе отношений «власть-общество», которые появились в функционировании структуры обратной

связи в условиях цифровизация. Первое и одно из наиболее значимых из них связано с риском манипулирования общественным мнением [17, с. 43]. Это серьезная проблема. Так, создание петиций, выступление с общественной инициативой, реакция на различных интернет-площадках на проводимый политический курс (в виде комментариев, а также других форм виртуальной активности) могут искусственно инициироваться, например, со стороны оппозиции или со стороны внешних деструктивных сил. Понятно, что цель таких шагов скорее связана с собственными интересами инициаторов, нежели с актуальным проблемным полем общества или определенных социальных групп.

Второе изменение связано с тем, что современные общества становятся значительно более требовательными к власти. Людей уже трудно представить без активного использования цифрового пространства и его инструментов. Будучи интенсивно вовлеченными в среду с огромным массивом самой разнообразной информации, в том числе информации о политическом процессе, граждане становятся все более требовательными к результатам проводимого политического курса. Видя альтернативные модели власти и результаты их функционирования, они нередко изначально («по умолчанию») очень критически воспринимают принимаемые властью решения и в целом политический процесс, усложняя тем самым возможность стратегического политического планирования: положительные результаты, сопоставимые с результатами властей других стран (вне зависимости от разных «стартовых условий»), граждане ждут от своей политической системы

в самые кратчайшие сроки. В свою очередь, возможные попытки со стороны власти контролировать цифровое пространство и коммуникационные процессы, в том числе с целью ограничить их негативное влияние на общество и политическую стабильность, могут привести к острой социальной реакции и даже сопротивлению (не просто так появился термин «цифровое сопротивление»).

Третье важнейшее изменение, которое вообще можно назвать одним из наиболее значимых препятствий на пути создания развитой структуры обратной связи, – сложившееся цифровое неравенство. Оно, как известно, возникает в результате действия трех основных факторов: 1) социального неравенства (выражается в том, что часть граждан имеет возможность приобретать и использовать компьютерную и мобильную технику, а другая, ввиду низкого уровня доходов, – не имеет); 2) неравенства навыков и знаний по использованию цифрового пространства; 3) территориального неравенства (это выражается в доступности технологий в различных странах) [2, с. 35].

В целом на сегодняшний день сложно говорить о полной реализации потенциала компонентов обратной связи, посредством использования цифровых технологий. Причин здесь немало, но одной из ключевых является «вечный» вопрос власти о сохранении своих позиций: реализовывая те или иные механизмы обратной связи в цифровом пространстве, в большинстве случаев власть одновременно стремится исключить или в лучшем случае минимизировать возможность усиления позиций внесистемной оппозиции [18, с. 458]. Поэтому в мировой практике такие механизмы цифровой обратной связи

лишь номинально зафиксированы, скорее похожи на тренд информационного обмена в технократических традициях, чем на принципиальное изменение подходов к компонентам обратной связи [19, с. 45] и их совершенствование посредством цифровых технологий. Тут необходимо, как представляется, особо подчеркнуть, что «механизмы мониторинга и анализа» и «механизмы учета и корректировки курса» должны быть нацелены в конечном счете не просто на сбор информации, исходящей от общества (такой подход нередко связан с попыткой лишь формально проиллюстрировать населению, что его мнение берется во внимание власти и учитывается), но на реальный анализ, учет этой информации и последующее корректирование политического курса в соответствии с актуальным для граждан проблемным полем.

Вместе с тем все сказанное не отменяет очевидного вывода о том, что развитие компонентов обратной связи – важнейшая составляющая современного политического процесса и имеет весомый потенциал для политической системы и общества. А для раскрытия потенциала, думается, должно быть также немало важных сопутствующих условий: высокая степень интереса граждан к политике (во многом зависит от типа политической культуры и уровня доверия к политическим институтам), постоянная высокая политическая активность граждан и высокий уровень самоорганизации общества и т.д. Особое значение для раскрытия этого потенциала, конечно, имеет широкое и эффективное использование возможностей процесса цифровизации и стремление власти реально двигаться в данном направлении.

Библиографический список

1. *Гаджиев, Х. А.* Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147–171. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.07>.
2. *Гаджиев, Х. А.* Цифровизация общества – проблема или новые возможности для власти? // В сборнике: «"Как живешь, Россия?". Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы». Материалы Декабрьских социально-политических чтений (Москва, 10 декабря 2019); под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива, 2020. С. 33-37.
3. *Грачев, М. Н.* «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 200–208.
4. *Карнаушенко, Л. В.* Функционирование института государства и научно-управленческая проблема установления обратной связи с гражданами // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 82-85.
5. *Soss, J., Schram, S. F.* A public transformed? Welfare reform as policy feedback // American Political Science Review. 2007. № 101(1). P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055407070049>.
6. *Тихонов, А. В., Богданов, В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.
7. *Moynihan, D. P., Soss, J.* Policy feedback and the politics of administration // Public Administration Review. 2014. № 74(3). P. 320–332. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12200>.
8. *Захарова, С. А.* Общественное мнение как обратная связь между политическим субъектом и населением // Социология власти. 2007. № 4. С. 107-113.
9. *Шарков, Ф. И.* Основы теории коммуникации. М.: Социальные отношения, Перспектива, 2002. 320 с.
10. *Охотский, Е. В.* Теория и механизмы современного государственного управления. М.: Юрайт, 2013. 701 с. ISBN 78-5-9916-2266-0.
11. *Шабров, О. Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. 200 с.
12. *Easton, D. A.* An Approach to the Analysis of Political Systems // World Politics. 1957. Vol. 9, № 3. P. 383-400. DOI: <https://doi.org/10.2307/2008920>.
13. *Ковальцев, Г. И.* Обратные связи в системе государственного управления // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2015. № 5 (83). С. 112-118. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2015-5-112-118>.
14. *Галкин, А. А.* Модернизация, обратная связь и публичная сфера // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 1(60). С. 69-84. DOI: 10.30570/2078-5089-2011-60-1-69-84.
15. *Медведева, Ю. А.* Тенденции и факторы развития обратной связи в современной системе государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. № 12. С. 1-7.
16. *Санников, Г. Г.* Оптимизация обратной связи при предоставлении государственных услуг: принципы и механизмы // Вестник современной науки. 2015. № 5(5). С. 200-205.
17. *Протасов, В. И., Славин, Б. Б.* Совершенствование инструментов электронной демократии с использованием технологий коллективного интеллекта // Информационное общество. 2017. № 2. С. 43.
18. *Чугунов, А. В.* Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4(17). С. 453-459.

19. Богданов, В. С. Социокультурная (цивилизационная) и институциональная обусловленность технологий обратной связи в работе звеньев властно-управленческой вертикали / В. С. Богданов, К. Э. Гусейнова, А. А. Почестнев // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 4. С. 35-50. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-35-50.

Дата поступления в редакцию: 20.01.2021.

Принята к печати: 12.02.2021.

Сведения об авторе:

Гаджиев Ханлар Аляр оглы, кандидат политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов. Москва, Россия.
e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru
AutorID РИНЦ: 874575

Kh. A. Gadzhiev¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, Russia

POLITICAL FEEDBACK IN CONDITIONS OF SOCIAL DIGITALIZATION

Abstract. Feedback is one of the most significant elements for political system's functioning. Not only social and political stability depend on the effectiveness of its channels and mechanisms, and the extent of it being taken into account in the political process, but also resilience of the political system constructed. During the digital age, when the political processes in society are much more intensive in the society and the process of opinion exchange is more open, authorities, on the one hand, have significantly more opportunities for monitoring, analysis and consideration of feedback in order to correct the political course being pursued, and on the other hand, rapid response and decision making are required from authorities. It is primarily connected to the great degree of penetration of the online-environment into peoples' lives. Here emerged many threatens and risks for authorities connected with the possibility of destructive impact on public opinion and attempt to manipulating it. For this goal the article tries to define the essence of political feedback and its significance for today's political process; its basic components and their role in political system's functioning are stated; the potential of political feedback from the point of view of enhancing the effectiveness of decision made by the authorities and adequate response to the public enquiries and demands; finally, the main possible barriers on the way of realization of political feedback.

Keywords: political feedback, political system, political stability, digitalization, social digitalization, state's openness.

For citation: Gadzhiev Kh. A. (2021) Political feedback in conditions of social digitalization. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 8-20. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.1

References

1. Gadzhiev Kh. A. (2020). Digital space as a field for political confrontation of authorities and opposition. *Political Science (RU)*. No 3. P. 147–171. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.07>. (In Russ.).
2. Gadzhiev Kh. A. (2019). Is digitalization of society a problem or new opportunities for power? *December sociopolitical readings "How do you live, Russia?" The Russian social state and civil society in the implementation of a breakthrough strategy: results and reserves*. Ed. by S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov, T. K. Rostovskaya. M. : Perspektiva publ. P. 33-37. ISBN 978-5-88045-417-4. (In Russ.).
3. Grachev M. N. (2012). "E-democracy" or "end of democracy"? *Vlast' i politika: institucional'nye vyzovy XXI veka*. [Power and politics: institutional challenges of the XXI century]. Political Science: Yearbook 2012. Ed. by A. I. Soloviev. M. : ROSSPEN publ. P. 200–208. (In Russ.).

4. Karнаushenko L. V. (2019). The functioning of the institute of state and the scientific and managerial problem of establishing feedback from citizens. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. No 1 (43). P. 82–85. (In Russ.).

5. Soss J., Schram S. F. (2007). A public transformed? Welfare reform as policy feedback. *American Political Science Review*. No 101 (1). P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055407070049>. (In Eng.).

6. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. (2020). From “clever regulation” to “clever management”: social problem of digitalization of feedbacks. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No 1. P. 74-81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0. (In Russ.).

7. Moynihan D. P., Soss J. (2014) Policy feedback and the politics of administration. *Public Administration Review*. No 74(3). P. 320–332. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12200>. (In Eng.).

8. Zakharova S. A. (2007). Public option as the feedback between the political subject and the population. *Sotsiologiya vlasti*. No 4. P. 107-113. (In Russ.).

9. Sharkov F. I. (2002). *Osnovy teorii kommunikatsii*. [Basics of communication theory]. M. : Sotsial'nye otnosheniya, Perspektiva publ. 320 p. (In Russ.).

10. Okhotskiy E. V. (2013). *Teoriya i mekhanizmy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya*. [The theory and mechanisms of modern public administration]. M. : Yurayt. 701 p. (In Russ.).

11. Shabrov O. F. (1997). *Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitiya*. [Political governance: stability and development problem]. M. : Intellect publ. 200 p. (In Russ.).

12. Easton D. A. (1957). An approach to the analysis of political systems. *World Politics*. Vol. 9, No 3. P. 383-400. DOI: <https://doi.org/10.2307/2008920>. (In Eng.).

13. Koval'tsev G. I. (2015). Feedback in the system of state administration. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No 5(83). P. 112-118. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2015-5-112-118>. (In Russ.).

14. Galkin A. A. (2011) Modernization, Feedback and the Public Sphere. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. No 1(60). P. 69-84. DOI: 10.30570/2078-5089-2011-60-1-69-84 (In Russ.).

15. Medvedeva Yu. A. (2007). Trends and factors in the development of feedback in the modern system of public administration. *Public administration. Electronic bulletin*. No 12. P. 1-7. (In Russ.).

16. Sannikov G. G. (2015). Optimization of feedback in the provision of public services: principles and mechanisms. *Vestnik sovremennoi nauki*. No 5(5). P. 200-205. (In Russ.).

17. Protasov V. I., Slavin B. B. (2017). Improving e-democracy tools with the use of collective intelligence technology. *Information Society*. No 2. P. 43. (In Russ.).

18. Chugunov A. V. (2016). E-participation as G2C feedback channel: institutionalization issues. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ehkonomika i upravlenie*. Vol. 5, No 4(17). P. 453-459. (In Russ.).

19. Bogdanov V. S., Guseinova K. E., Pochestnev A. A. (2017). Sociocultural (civilizational) and institutional conditionality of the feedback technology in work of the elements power-management vertical. *Research result. Sociology and Management*. Vol. 3, No 4, P. 35-50. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-35-50. (In Russ.).

The article was submitted on January 20, 2021.

Accepted on February 12, 2021.

Information about the author:

Khanlar A. Gadzhiev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, Russia.
e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. В настоящее время в рамках процесса цифровизации рынка труда происходят структурные изменения – появляются новые формы и виды занятости. Глобальным трендом последних лет является рост числа сотрудников, работающих удаленно, что приобретает особую значимость в условиях сложной эпидемиологической обстановки в мире. Сегодня женщины гораздо больше рискуют остаться лишенными возможности пользоваться преимуществами цифровых инноваций, потерять рабочее место в результате роботизации и вынуждены прилагать гораздо больше усилий для достижения уровня заработной платы работников-мужчин. В статье рассматривается типология новых нестандартных форм занятости, их отличительные особенности, автором выделены основные преимущества и риски, связанные с широким распространением новых форм занятости в контексте цифровизации рынка труда. В рамках исследования затронут гендерный аспект, особое внимание уделено анализу инновационных форм занятости и вовлечению женщин в инновационные команды, ИКТ и STEM-специальности. Описаны факторы, влияющие на формирование инновационного поведения и увеличение численности слоя инноваторов в рамках эффективно функционирующих национальных инновационных систем. Обозначены пути координации государственных, предпринимательских и научно-исследовательских структур в рамках «коллективного действия», направленного на стимулирование научно-технического прогресса в процессе развития экономики знаний, цифровой экономики. Также автором выделен ряд фундаментальных причин социально-психологической незащищенности работников и работниц, связанных с применением нестандартных форм занятости, отмечены в общем виде пути решения проблем в области нестандартной занятости и нивелирования гендерного неравенства в условиях развития цифровой экономики.

Ключевые слова: гендерное неравенство, цифровизация рынка труда, новые формы занятости, нестандартная занятость, инновационная занятость, социальный слой инноваторов, инновации, трансформационные процессы рынка труда, прекариатизация, человеческий капитал, гуманитарная экспертиза инноваций, экономика знаний.

Для цитирования: Илларионова Э. О. Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 21-32. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.2

Сегодня изменения в мировой экономике, обусловленные четвертой промышленной революцией и развитием процесса цифровизации, оказывают существенное влияние на большинство сфер общественных отношений. В частности, в сфере труда и занятости происходят структурные изменения – появляются новые формы и виды занятости. В результате четвертой промышленной революции в настоящий момент наступила качественно новая стадия в развитии информационного общества [1].

Процесс цифровизации рынка труда способствует не только появлению новых форм занятости, но также диктует изменения в «карте профессий». Большая часть производственных процессов обязанностей специалистов может быть автоматизирована, некоторые профессии исчезают, давая место появлению новых, требующих специальных профессиональных навыков и компетенций, высокого уровня квалификации в области естественных, технических, математических и инженерных наук (STEM-специальностей).

В последние десятилетия на рынке труда широко распространена нестандартная занятость – форма трудовых отношений, отличающаяся от стандартной бессрочной полной рабочей занятости, регламентированной трудовым законодательством большинства стран. Согласно отчету Международного бюро труда, к нестандартным формам занятости принято относить следующие формы отношения работодателя и работника: замаскированные трудовые отношения, временная (срочная) занятость, работа на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и другие многосторонние трудовые отношения основанные на условиях срочности, а также самостоятельную занятость [2; с. 6-10]. В условиях высокотехнологичного производства и цифровой экономики возникают новые нестандартные формы занятости среди которых можно выделить: аутсорсинг (outsourcing – использование работодателем внешних услуг), аутстаффинг (outstaffing – выведение персонала за рамки штатного расписания), краудворкинг (crowdworking – выполнение многими исполнителями определенных частей (участков) работы), фриланс (freelance – выполнение работы по запросу без привязки к конкретному работодателю), инновационная занятость.

Глобальным трендом последних лет является рост числа сотрудников, работающих удаленно, что приобретает особую значимость в условиях сложной эпидемиологической обстановки в мире. В целом, основным отличительным признаком новых нестандартных форм занятости является удаленность от основного места работы и использование цифрового формата общения с работодателем в качестве основного [3]. Так-

же новые формы занятости имеют наиболее широкое распространение в рамках модели «есопому on-demand», которая предполагает предоставление услуг по требованию работодателя непосредственно в момент необходимости.

Для работника распространение таких форм занятости имеет ряд преимуществ и недостатков, среди которых особо отмечают нарастание гендерного неравенства в контексте цифровизации рынка труда. Говоря о достоинствах новых нестандартных форм занятости можно выделить: способствование инновационному развитию рынка труда путем использования новейших практик на рынке труда; создание возможностей для трудоустройства для категорий граждан, которые не могут по тем или иным причинам претендовать на рабочие места в рамках бессрочной стандартной занятости (молодежи, пенсионеров, отдельных групп женщин, инвалидов); повышение мобильности работника, гибкий график, увеличение работоспособности за счет оптимизации использования рабочего времени сотрудников; создание рабочих мест принципиально нового характера без географической привязки; расширение возможностей для работников участвовать на рынке труда в качестве самозанятых; упрощение бюрократических процедур, связанных с наймом и увольнением; создание условий для реализации креативного потенциала; высвобождение свободного времени работника, которое может быть потрачено на досуг и осуществление семейных обязанностей; возможность организации труда на основе новых концепций гибкого руководства проектной деятельностью (SCRUM, Kanban, Agile, Lean и др.). Возможность трудиться дистанционно значительно

увеличивает вероятность международного сотрудничества, способствует протеканию позитивных глобализационных процессов, международной интеграции труда.

Основные проблемы, связанные с применением нестандартных форм занятости, лежат в области социально-психологической незащищенности работника и имеют ряд фундаментальных причин.

Принято считать, что возникновение новых форм занятости в мире обязано распространению неолиберальных идей в 1960-1970 годах [4]. Согласно концепции неолиберализма, забота о частном экономическом благополучии лежит в сфере ответственности самого индивида; государство, профсоюзы и другие структуры, обеспечивающие социальную защиту граждан, воспринимаются через призму «рынка», выступая в роли предприятий, связанных конкурентными отношениями, что мешает им реализовывать функции поддержания социальной справедливости, приводит к снижению стандартов в сфере труда. Развернутая критика социально-трудовых аспектов неолиберализма широко представлена в работах известных социологов И. Валлерстайна, Л. Вакана и др. П. Бурдьё в известном диалоге¹ с немецким писателем Г. Грассом отметил: «безответственность – определяющий принцип неолиберальной системы», подразумевая необходимость озаботиться восстановлением социального обеспечения в условиях «неолиберальной глобализации» [5]. Реализация неолиберальных идей действительно обеспечила рост и повышение эффективности в экономике, но, как отмечает видный

российский социолог Ж. Т. Тощенко, привела также и к «колоссальной деформации социальной структуры, безработице, созданию социальных групп, социальные позиции которых стали расплывчатыми, неустойчивыми, неопределенными» [4]. Этой деформации посвящены труды британского экономиста и социолога Г. Стэндинга, который в своей работе «Прекариат: новый опасный класс» свидетельствует о формировании так называемого «прекариата» (от англ. precarious – «нестабильный», «неустойчивый», – объединенного со словом «пролетариат») [6]. Появление этой новой социальной группы вызвано возникновением обусловленного неолиберализмом «глобального трудового процесса» [7] и переходом к гибким трудовым отношениям. Появление новых форм занятости происходит и за пределами специфического класса прекариат, в условиях цифровой экономики новые формы занятости распространены повсеместно. Американский социолог и журналист Д. Брукс говорит в своей работе «Бобо в раю: откуда берется новая элита», о том, что для современного мира характерно также появление другого класса – «бобо» (от франц. «bourgeois bohemian», богемная буржуазия). Данный класс может быть охарактеризован как «успешный прекариат», более образованный и изначально более обеспеченный. Для бобо характерны все те же нетипичные формы занятости: фриланс, стартапы, удаленная работа, занят тот же креативный класс, однако социальные последствия деятельности этого класса гораздо более оптимистичны: рост инновационного потенциала, создание принципиально новых продуктов, конструирование новых стандартов ведения бизнеса и проч.

¹ Бурдьё П., Грасс Г. Безответственность – определяющий принцип неолиберальной системы: Диалог 1999 г. / Подгот. к печ. А. Толлегин; Пер. с нем. и фр. Журнал «Диалог» // Диалог. 2000. № 4. С. 4–8.

Как уже отмечалось, широкое распространение новых форм занятости влечет за собой ряд проблем: социальная незащищенность, отсутствие перспектив самореализации, нестабильный заработок, потеря профессиональной самоидентификации, статусный диссонанс; это говорит о том, что «мир столкнулся с новой формой отчуждения» [4, с. 10]. Еще в прошлом веке социолог и философ Э. Фромм говорил о том, что отчуждение – основополагающий фактор современного капиталистического общества. Неорганично встроенные (за счет нестандартной занятости) в структуру капиталистического общества люди чувствуют себя «бессильными, противостоящими лишь себе и своим собственным силам» [8, с. 20-22].

Более того, цифровизация и развитие автоматизированных производств способствуют сокращению рабочих мест в реальном секторе экономики и увеличению занятости в сфере обслуживания. Д. Гребер в рамках работы «Бессмысленные профессии» отмечает, что в современном мире возрастает количество профессий, связанных с выполнением абсолютно излишней, бесполезной работы, которая «ничему не служит», а существует лишь для того, чтоб поддерживать существование капиталистической экономики путём увеличения предложения рабочих мест. Дж. Кейнс предсказывал сокращение рабочей недели до 15 часов, однако сегодня мы наблюдаем лишь увеличение времени, проводимого на рабочем месте в большинстве секторов экономики несмотря на увеличение доли автоматизированных и цифровизированных производственных процессов, не требующих присутствия человека. В Японии существует феномен Каро-си (яп. 過労死 каро:си), связанный со

смертью от переутомления на рабочем месте. Д. Гребер настаивает в своей работе, что существование бессмысленных профессий приводит работника к экзистенциальному кризису, лишает его жизнь наполненности смыслом – такое положение дел демонстрирует несостоятельность рынка и свидетельствует о фундаментальных изъянах капиталистической системы: «вместо уменьшения времени работы и освобождения населения Земли для занятий своими собственными проектами, увлечениями, мечтами и идеями, мы стали свидетелями вздутия не столько сферы «услуг», сколько административного сектора, создания сферы финансовых услуг и телемаркетинга, беспрецедентного расширения секторов корпоративного права, управления образованием и здравоохранением, человеческими ресурсами и публичными отношениями. Причем численность занятых в них даже не учитывает всех тех людей, чья занятость связана с осуществлением безопасности, административной и технической поддержкой этих отраслей и дополнительных сфер деятельности <...>, которые существуют только потому, что все остальные люди тратят большую часть своего времени на другую работу» [9].

Таким образом, процесс цифровизации рынка труда и появления новых нестандартных форм занятости предоставляет не только возможности для поступательного развития общества, но также влечет за собой возникновение социальных вызовов и рисков. Одним из наиболее значимых рисков является увеличение гендерного неравенства. В нестандартную занятость по всему миру вовлечен больший процент женщин (57%), чем мужчин [2, с 25-30]. Современная женщина, как правило, вынуждена

сочетать профессиональную самореализацию, выполнение домашних и семейных обязанностей, поэтому нестандартная занятость дает женщинам ряд определенных преимуществ – возможность работать на дому, придерживаться гибкого графика работы, уделять больше времени семье. Однако отсутствие социальных гарантий, нестабильность трудовых отношений, затрудненный карьерный рост и сравнительно более низкая оплата труда являются факторами, провоцирующими социальную незащищенность, психологический дискомфорт и усугубляющими гендерный разрыв в обществе в целом.

В ходе дальнейшего развития процессов трансформации рынка труда, цифровизации мировой экономики, согласно отчету Всемирного экономического форума в Давосе² женщины потеряют 3 млн. рабочих мест, получив лишь 550 тыс., в то время как мужчины потеряв 4 млн. получают 1,4 млн. рабочих мест. В исследованиях Европейского института гендерного равенства (EIGE) отмечается [10], что сегодня женщины гораздо больше рискуют остаться лишенными возможности пользоваться преимуществами цифровых инноваций, потерять рабочее место в результате роботизации и вынуждены прилагать гораздо больше усилий для достижения уровня заработной платы работников-мужчин.

В условиях кризиса женщины также остаются гораздо более незащищенными, чем мужчины. Так, по данным исследовательского института (ADPRI)³ в условиях пандемии COVID-19 в США гораздо чаще

увольнениям подвергались женщины, вынуждено выбирая для себя нестандартные формы занятости вместо стандартной бессрочной полной рабочей занятости.

Причинами гендерного разрыва в условиях цифровизации являются:

Во-первых, по оценкам ОЭСР⁴ в целом, количество женщин, использующих цифровые технологии и инструменты на 327 млн. меньше, чем мужчин, такой значительный разрыв обусловлен недостаточным уровнем компьютеризации и информатизации в развивающихся странах. У женщин в среднем на 26% меньше шансов иметь смартфон, чем у мужчин. В Южной Азии и в Африке эти доли составляют соответственно 70% и 34%.

Во-вторых, относительно низкий охват женщин образованием в рамках дисциплин «цифрового мира» (STEM и информационные и коммуникационные технологии [ИКТ]). В среднем, в мире женщины составляют около 20% от общего числа выпускников в профессиональных областях, связанных со STEM и ИКТ. Среди выбирающих высшее образование в области STEM женщины составляют лишь 34%, продолжить обучение на программах постдокторального образования решает еще меньший процент – 26%. По данным Организации экономического сотрудничества и развития лишь 0,5% девочек выразили желание стать профессионалом в области ИКТ, в то время как 5% мальчиков уже в детском возрасте задумываются о развитии в данной сфере⁵.

Отдельным фактором являются также существование в обществе

² The Future of Jobs Report 2020 // World Economic Forum. 20.10.2020. URL: <https://u.to/1D4cGw> (дата обращения 04.02.2021).

³ Там же.

⁴ Bridging the digital gender divide include, upskill, innovate // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <https://u.to/D0AcGw> (дата обращения 01.02.20210).

⁵ Там же.

предубеждений и социокультурных норм, побуждающих женщин не стремиться активно участвовать и профессионально самореализовываться в областях технических наук. Женщины чаще выбирают карьеру в секторе образования, оказания социальных услуг. Кроме того, женщины чаще, чем мужчины, берут на себя ответственность за уход за семьей и тратят в 2,6 раза больше времени, чем мужчины, на неоплачиваемый уход и домашнюю работу, что зачастую не позволяет им своевременно воспользоваться возможностями повышения квалификации или профессиональной переподготовки и ведёт к дальнейшему увеличению гендерного неравенства.

Необходимо признать, что на текущий момент до сих пор даже в развитых странах остаются неразрешенными базовые проблемы в области гендерного неравенства, такие как: дискриминация в оплате труда по гендерному признаку, наличие так называемого «стеклянного потолка» – ситуации в которой женщина не может продвинуться в системы корпоративной иерархии выше определенного уровня, крайне низкое участие женщин в руководящих органах и сфере принятия решений.

Так, согласно уже упомянутому исследованию Европейского института гендерного равенства (EIGE), в среднем, в Европейском союзе значение Индекса гендерного равенства составляет 68 из 100, что указывает на существование серьезных проблем в данной области и необходимость сосредоточения усилий для ликвидации гендерного неравенства. В качестве основных причин гендерного разрыва в условиях цифровизации авторы исследования выделяют низкую представленность женщин

в областях STEM, так как женщины склонны выбирать для профессиональной самореализации области образования, креативного менеджмента, медицины и творчества. Также, как правило, женщины обладают более низким уровнем профессиональной подготовки в связи с тем, что вынуждены затрачивать время на выполнение семейных обязанностей и теряют время, находясь в декрете, что зачастую не позволяет им своевременно воспользоваться возможностями для повышения квалификации.

Еще одним ключевым направлением, необходимым для комплексного рассмотрения проблемы формирования новых форм занятости в условиях цифровизации, является анализ развития инновационной среды, в которой существуют работники, так как для успешного функционирования цифровой экономики первостепенным является активное использование инноваций. В настоящий момент основным вектором развития стран стало формирование экономик нового типа, «где сектор знаний играет решающую роль, а производство знаний является источником экономического роста» [11]. В последние годы около 75% прироста ВВП развитых стран обеспечивает инновационный сектор экономики [12, с. 25]; в разы увеличивается доля работников «высокотехнологичной сферы», возрастает численность инновационно-промышленных предприятий (сегодня в ЕС около 50% предприятий активно используют инновационный подход [12] в ходе функционирования). Новые инновационные формы занятости возникают в специфическом слое общества, представленным инноваторами. Согласно определению Российского

статистического ежегодника, инноватор – это работник, профессионально занимающийся исследованиями и разработками, непосредственно осуществляющий создание новых знаний, продуктов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Как правило, имеющих высшее образование.

Отдельно заметим, что развитие инновационного слоя в социальной структуре общества возможно только в благоприятной инновационной среде, которая может развиваться в рамках эффективно функционирующей национальной инновационной системы (далее НИС), где базовым экономическим механизмом является конкуренция, в рамках которой происходит «процесс созидательного разрушения» (Й. Шумпетер).

Сегодня для развития НИС следует, в первую очередь, использовать инновационный потенциал молодежи, т.к. согласно исследованиям⁶ в области демографии будущего, численность молодежи в предстоящие годы будет продолжать увеличиваться. В докладах фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) отмечается⁷, что такое изменение демографической структуры населения через инвестиции в человеческий капитал дает возможность многим странам плодотворно использовать «демографический дивиденд», а его значение будет в большей степени зависеть от инвестиций в развитие молодежи. Кроме того, «страны, которые в ближайшее время займутся решением проблем молодежи, окажутся во второй половине века на авангардных позициях. Их население будет более образованным и здо-

ровым, рабочая сила – более производительной, экономика будет расти». Однако развитие НИС в секторе научно-инновационной деятельности молодежи в отличие от «возрастного» осложнено рядом проблем: часто такая деятельность не носит системного характера и приносит незначительные результаты.

В ряде исследований отмечается, что как среди молодежи, так и среди старшего поколения значительную роль играет участие женщин в инновационных командах, создании инновационных продуктов. Однако, на сегодняшний день женщины менее задействованы в инновационном секторе экономики и получают меньше финансирования на инновационные проекты несмотря на то, что изобретения, созданные смешанными или женскими командами имеют более широкий технологический диапазон (и, следовательно, могут быть более экономически ценными) чем те, в которых задействованы только мужчины. Состав инновационных команд по всему миру отражает широко распространенные социокультурные стереотипы. Отметим, что участие женщин в изобретательской (патентной) деятельности увеличивается, при нынешних темпах роста к 2080 г. женщины будут задействованы в половине всех запатентованных изобретений.

Для форм инновационной занятости характерны следующие признаки: работа по срочным трудовым договорам, предметом которых выступает достижение определённого результата на основе равенства сторон; наличие системы гибкой оплаты труда согласно поставленным задачам; трансформация отношений работник-работодатель, при которой работник самостоятельно устанавливает

⁶ Доклад о народонаселении мира в 2014 году. UNFPA. 2014. С. 14. ISBN 978-0-89714-983-9.

⁷ Там же, С. 13.

ливают и выполняет КРІ; размытие профессиональных границ в ходе которого работник приобретает «поливалентную» специализацию [13]; формирование производств смешанного типа с частичным привлечением собственного капитала и средств производств.

В целом, инновационная занятость является принципиально новой формой занятости, возникающей в условиях цифровизации рынка труда, предполагающей наличие в обществе социального слоя инноваторов, которые через реализацию инновационного поведения осуществляют создание принципиально новых продуктов и услуг. Как было отмечено выше, формирование инновационного поведения и увеличение численности слоя инноваторов невозможно без создания эффективно функционирующих НИС. Поддержание инновационных форм занятости населения, развитие инновационной инфраструктуры является необходимым для реализации стратегического преимущества страны на международной арене, обязательным атрибутом высоконкурентной экономики. В рамках каждой страны создается индивидуальная стратегия инновационного развития, формируются инструменты поддержки и совершенствования инновационной траектории, разрабатывается собственная модель инновационного продвижения.

Залогом успешного формирования НИС и создания необходимой инфраструктуры и инновационной базы является государственная поддержка приоритетных направлений научно-технического развития (НТР) и стимулирование инновационной активности частного сектора. В свою очередь, разработка гибкой модели стимулирования научно-тех-

нического прогресса требует определения науки и образования как ключевых приоритетов развития. Инновационное развитие требует координации государственных, предпринимательских и научно-исследовательских структур в рамках коллективного действия (collective action). Одним из наиболее перспективных направлений организации коллективного действия в сфере НТР является государственно-частное партнерство (ГЧП). Растущая практика использования этого института позволила выработать механизмы, позволяющие ориентировать ГЧП на достижение стратегических, долгосрочных, крупномасштабных и междисциплинарных задач. Значительным преимуществом государственно-частного партнерства является возможность действовать в рамках ограниченных бюджетных возможностей государства, растущей коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Для государства развитие ГЧП позволяет при поддержке бизнеса масштабировать социальные и экономические выгоды от государственных инвестиций в НИОКР, проводить более эффективную коммерциализацию результатов исследований, снижать издержки на инфраструктурное обеспечение научных исследований. Имплементация государственно-частного партнерства позволяет уже на «нулевом цикле» сочетать фундаментальную глубину исследований с «экономическим эквивалентом» – рыночным продуктом, добавленная стоимость которого может быть распределена, в том числе, и на финансирование последующих разработок.

Роль государств в формировании слоя инноваторов в социаль-

ной структуре общества состоит как в прямых, так и в косвенных мерах поддержки инновационной деятельности. Прямыми формами поддержки являются: финансирование НИР и ОКР в форме грантов и субсидий инноваторам и отраслевым предприятиям. Опосредованные формы поддержки деятельности инноваторов включают: введение систем льготного налогообложения, нормативно-правовое, методическое и информационное обеспечение деятельности инноваторов; создание венчурных фондов, бизнес-инкубаторов, технопарков, инновационно-технологических центров, инжиниринговых центров, центров сертификации, трансфера технологий, центров коллективного пользования, центров научно-технической информации, центров инновационного консалтинга и др.

Заметим, что идея «экономики знаний» была давно признана в России, уже в 2000 г. в рамках концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества отмечается, что конкурентоспособность страны зависит от глобальных трендов, «формирования нового типа экономики XXI в. – «экономики знаний» или «инновационной экономики»⁸, в рамках государственной национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» отмечается необходимость создания глобальной конкурентоспособной цифровой инфраструктуры, обеспечения условий для высокотехнологичного бизнеса. Следует особо подчеркнуть, что население России неоднозначно оцени-

вает последствия цифровизации экономики, которая несёт значительное количество рисков, в том числе для женщин [14].

Таким образом, решение проблем в области нестандартной занятости и нивелирования гендерного неравенства в условиях развития цифровой экономики предполагает:

- в первую очередь, разрешение базовых проблем в области гендерного неравенства, обеспечение равного доступа как женщин, так и мужчин к интернету и мобильной связи, цифровым инновациям, преодоление дискриминации в оплате труда по гендерному признаку, устранение «стеклянного потолка», увеличение доли женщин в руководящих органах бизнеса и власти, сфере принятия решений;
- расширение инвестиций в человеческий капитал для использования инновационного потенциала молодёжи, формирование установок молодого поколения особенно для девочек и девушек на построение карьеры в областях ИКТ и STEM, обеспечение достойных условий труда в данных отраслях;
- обеспечение инновационного развития стран, путем координации государственных, предпринимательских и научно-исследовательских структур в рамках коллективного действия, содействие увеличению доли слоя инноваторов в социальной структуре общества. Формирование женских и смешанных инновационных команд, вовлечение

⁸ О концепции государственной политики РФ в области международного научно-технического сотрудничества. Приказ Министерства науки и технологий от 04.02.2000 г. № 25.

- женщин в инновационный сектор экономики, в частности обеспечение присутствия женщин в STEM-дисциплинах (Science, Technology, Engineering, Mathematics) и высокотехнологичных секторах экономики;
- совершенствование трудового законодательства в соответствии с новыми требованиями рынка труда, устроение пробелов в нормативных актах и повышение уровня социальной защищенности работников нестандартных форм занятости;
 - повышение уровня сознательности государств и общества, осведомленности о существовании цифрового гендерного разрыва, элиминацию культурных стереотипов в отношении женщин на рынке труда;
 - улучшение анализа и сбора статистических данных, отражающих реальное положение дел в области гендерного неравенства на рынке труда;
 - реализацию эффективной социально-экономической политики в области гендерного равенства, создание равных условий для женщин и мужчин по совмещению семейной жизни и работы;
 - проведение гуманитарной экспертизы новых феноменов в трансформационных процессах общества на рынке труда с целью выявления фундаментальных причин социальной напряженности и нивелирования рисков, сокращения неравенства в обществе.

Библиографический список

1. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография / Под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М. : Перспектива, 2019. 800 с. ISBN: 978-5-905790-44-7.
2. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах: Обзорная версия / Международное Бюро Труда. Женева : МБТ, 2017. 39 с. ISBN 978-92-2-431001-0.
3. *Пондо, Е. А.* Цифровая трансформация рынка труда в современных условиях // Горизонты экономики. 2020. № 2 (55). С. 43-54.
4. *Тощенко, Ж. Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.
5. *Валлерстайн, И.* Канкун: конец неолиберальной агрессии / Пер. М. Десятовой // СКЕПСИС: [сайт]. 2003. URL: <https://u.to/VTwcGw> (дата обращения 07.02.2020).
6. *Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
7. *Голенкова, З. Т.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5-15.
8. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. М. : АСТ, 2009. 284 с. ISBN 978-5-17-057712-5.
9. *Каплуненко, А. М.* Феномен «бессмысленной занятости» в контексте развития цифровых технологий в России // Цифровая экономика и рынок труда будущего: мате-

риалы всерос. науч. конф. (СПб, 14 декабря 2018 г). СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 17-23. ISBN 978-5-8290-1843-6.

10. *Papadimitriou, E., Norlén, H., Del Sorbo, M.* JRC Statistical Audit of the 2020 Gender Equality Index. Publications Office of the EU, Luxembourg, 2020. ISBN 978-92-76-24507-0. DOI: 10.2760/39645.

11. *Давыденко, Е. В.* Модели национальных инновационных систем: зарубежный опыт и адаптация для России // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50). С. 23-26.

12. *Усатова, Л. В.* Формирование и развитие региональной инновационной системы: теория и практика / *Л. В. Усатова, М. В. Владыка.* М. : Дашков и Ко, 2010. 170 с. ISBN 978-5-394-01165-8.

13. *Ваховский, Е. В.* Трансформация занятости в условиях инновационного развития экономики : дис. ... канд. экономических наук : 08.00.05 / Ваховский Евгений Вячеславович ; РАНХиГС. Саратов, 2016. 171 с.

14. *Velikaya, N. M., Velikaya T. V.* Human capital and digitalization of public life in the public opinion of Russian residents // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues: материалы конф. (Москва, 15 ноября 2019). М. : РУДН, 2020. С. 698-706. DOI: 10.22363/2686-8199-2020-7-698-706.

Дата поступления в редакцию: 09.02.2021.

Принята к печати: 26.02.2021.

Сведения об авторе:

Илларионова Элина Олеговна, аспирант 1 года обучения,
Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ). Москва. Россия.
E-mail: 82ei82@gmail.com

E. O. Illarionova¹

¹Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

NEW FORMS OF EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE LABOR MARKET

Abstract. Nowadays as part of the process of digitalization of the labor market there are structural changes: new forms and types of employment appear. A global trend in recent years is the increase in the number of employees working remotely, which has significant value in difficult epidemiological situation in the world. Today, women are far more at risk of being deprived of the benefits of digital innovations, job losses due to robotics and automatization, have to put much more effort to achieve wage levels of male workers. The article examines the typology of new non-standard forms of employment, their distinctive features. The author highlights the main advantages and risks associated with the wide spreading of new forms of employment in the context of the digitalization of the labor market. The study touches upon the gender aspect, special attention is paid to the analysis of innovative forms of employment and the involvement of women in innovative teams, ICT and STEM-specialties. The factors influencing the formation of innovative behavior in national innovation systems are described. The ways of coordination of state, business and research structures within the framework of "collective action" aimed at stimulating scientific and technological progress in the development of the knowledge economy, the digital economy are outlined. The author also highlighted a number of fundamental reasons for the socio-psychological insecurity of male and female workers associated with the use of non-standard employment, noted in general terms ways of solving problems in the field of precarious employment and leveling gender inequality in the context of the development of the digital economy.

Keywords: gender inequality, digitalization of labor market, new forms of employment, non-standart employment, innovative employment, social strata of innovators, innovations, transformational processes of labor market, precariat, human capital, humanitarian expertise of innovation, knowledge economy.

For citation: Illarionova E. O. (2021) *New forms of employment in the context of digitalization of the labor market. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 21-32. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.2*

References

1. *Strategiya proryva i tsifrovaya real'nost' Rossii. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2019 godu: [monografiya].* (2019). [Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019]. Ed.by G. V. Osipov [at al.] M. : Perspektiva publ. 800 c. ISBN: 978-5-905790-44-7. (In Russ.).
2. *Nestandartnye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektivy resheniya v raznykh stranakh: Obzornaya versiya.* (2017). [Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Overview]. Geneva : MBT. 39 c. ISBN 978-92-2-431001-0. (In Russ.).
3. Pondo E. A. (2020). Digital transformation of the labor market in modern conditions. *Gorizonty ehkonomiki.* No 2 (55). P. 43-54. (In Russ.).
4. Toshchenko Zh. T. (2015). Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No 6. P. 3-13. (In Russ.).
5. Wallerstein I. (2003). Cancun: the end of neoliberal aggression. Transl. by M. Desyatova. *SKEPSIS.* URL: <https://u.to/BTwcGw> (last request 07.02.2020). (In Russ.).
6. Standing G. (2014). *The Precariat: The New Dangerous Class.* [Russ. Ed.: Prekariat: novyi opasnyi klass]. Transl. from Eng. by N. Usova. M. : Ad Marginem. 326 c. ISBN 978-5-91103-209-8. (In Russ.).
7. Golenkova Z. T., Goliusova Yu. V. (2013). New social groups in modern stratification systems of global society. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika.* No 3. P. 5-15. (In Russ.).
8. Fromm E. (2009). *Escape from Freedom.* [Russ. ed.: Begstvo ot svobody]. Transl. from Eng. by A. Laktionov. M. : AST. 284 p. ISBN 978-5-17-057712-5. (In Russ.).
9. Kaplunenko A. M. (2019). The phenomenon of “meaningless employment” in the context of the development of digital technologies in Russia. *Tsifrovaya ehkonomika i rynek truda budushchego: materialy vseros. nauch. konf.* (SPb., 14.12.2018). [The digital economy and the labor market of the future]. SPb. : LGU im. A. S. Pushkina publ. P. 17-23. ISBN 978-5-8290-1843-6. (In Russ.).
10. Papadimitriou E., Norlén H., Del Sorbo M. (2020). *JRC Statistical Audit of the 2020 Gender Equality Index.* Publications Office of the EU, Luxembourg. ISBN 978-92-76-24507-0. DOI: 10.2760/39645. (In Eng.).
11. Davydenko E. V. (2014). Models of national innovation systems: foreign experience and its adaptation in Russia. *Problemy sovremennoi ehkonomiki.* No 2 (50). P. 23-26. (In Russ.).
12. Usatova L. V., Vladyka M. V. (2010). *Formirovanie i razvitie regional'noi innovatsionnoi sistemy: teoriya i praktika.* [Formation and development of a regional innovation system: theory and practice]. M. : Dashkov i Co. 170 p. ISBN 978-5-394-01165-8. (In Russ.).
13. Vakhovskii E. V. (2016). Transformatsiya zanyatosti v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya ehkonomiki. [Transformation of employment in the context of innovative economic development]. Dis. ... kand. ehkonomicheskikh nauk : 08.00.05. RANKhIGS. Saratov. 171 p. (In Russ.).
14. Velikaya, N. M., Velikaya T. V. (2020). Human capital and digitalization of public life in the public opinion of Russian residents. *Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues: materialy konf.* (Moscow, 15.11.2019). M. : RUDN publ. P. 698-706. DOI: 10.22363/2686-8199-2020-7-698-706. (In Eng.).

The article was submitted on February 09, 2021.

Accepted on February 26, 2021.

Information about the author

Elina O. Illarionova, post-graduate student,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
E-mail: 82ei82@gmail.com

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.3

УДК 323.2, 316.346.2

А. О. Лазукина¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия

ДОВЕРИЕ К ОРГАНАМ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются различия выбора поведенческих паттернов на основе социального доверия и недоверия у мужчин и женщин. Суть рассматриваемой проблемы состоит в том, что пока мало кто из исследователей изучал недоверие как феномен, характерный для россиян, и практически никто не рассматривал разницу в характерности доверия/недоверия для мужчин и женщин и влияние этих показателей на уровень социально-психологического самочувствия населения, и как следствие, на социальную напряженность в обществе (если рассматривать эту проблему в ключе доверия и недоверия власти). В материале анализируются исследования по вышеуказанной тематике, проведенные в декабре 2020 года в г. Санкт-Петербург.

Изучение изменений в уровне доверия показали, что в северной столице уровень недоверия федеральной власти у женщин увеличился гораздо серьезнее, чем у мужчин, а небольшой экскурс в историю и аналогии с революционными ситуациями прошлого заставляют задуматься об устойчивости нынешней системы и необходимости властным структурам предпринимать серьезные меры для урегулирования взрывоопасной ситуации. Особо остро проблема стоит в Санкт-Петербурге, т.к. непопулярные действия местных властей во время пандемии COVID-19 создали предпосылки повышенной нагрузки именно на женщин, которым нужно было фактически самостоятельно заниматься обучением детей, продолжать работать в новых условиях и фактически полностью обеспечивать жизнедеятельность всей семьи в жестких условиях изоляции и психологического и информационного давления.

Анализируя данные исследования и ситуацию в целом, автор приходит к выводу о необходимости в нынешних сложных условиях властям больше уделять внимание положению женщин и увеличить адресные мероприятия поддержки для улучшения социально-психологического самочувствия населения.

Ключевые слова: доверие, недоверие, мотивы объединения, протестное поведение, гендер, гендерные фрейм, политическое пространство, социально-психологическое самочувствие.

Для цитирования: Лазукина А. О. Доверие к органам власти в период пандемии: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 33-44. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.3

Статья посвящена особенностям гендерного выбора поведенческих паттернов на основе социального доверия и недоверия и влияние данного аспекта на степень доверия к ор-

ганам власти. Суть рассматриваемой проблемы в том, что пока мало кто из исследователей изучал недоверие в качестве характерного для россиян феномена, и практически никто не

рассматривал разницу в характерности доверия/недоверия для мужчин и женщин. На изучении именно этих вопросов мы сконцентрировались в ходе исследований, которые были проведены в декабре 2020 года в Санкт-Петербурге.

Вопросы эти представляются чрезвычайно важными, поскольку, **во-первых**, значимость нарастающего социального недоверия в современном российском обществе столь высока, что может играть основную роль в качестве стимула социальных перемен; **во-вторых**, в процессе борьбы за равные права женщин и мужчин в течении последних 150 лет, мало кто задумывался об этом аспекте разницы между мужчинами и женщинами с точки зрения дихотомии доверие/недоверие; **в-третьих**, сложнейшая социально-экономическая ситуация 2020 года, вызванная пандемией COVID-19 и осложнённая социально-политическими протестами, вызывает определённую настороженность из-за возникающих исторических аналогий с началом прошлого века.

Сегодня тема социального доверия и недоверия актуальна как никогда, о чем свидетельствуют не только социологические исследования, но и явная озабоченность власти этим вопросом [1]. 4 февраля 2021 года вышел новый ежегодный указ президента страны о ключевых показателях эффективности деятельности руководителей регионов страны, который был подписан и опубликован на сайте Кремля. Уже второй год в списке из 20 показателей на первом месте стоит «Доверие к власти».

Этот факт не вызывает удивления, поскольку Россия уже не первый год занимает последнее место во всемирном Рейтинге Доверия к общественным институтам и институ-

там власти, ежегодно формируемом в рамках проекта американской исследовательской компании Edelman уже на протяжении 20 лет. По данным рейтинга, индекс доверия россиян за 2019 год составил 29 баллов из 100, что ниже, чем в предыдущем 2018 году на 7 пунктов¹. Таким образом, Россия заняла не только первое место с конца в рейтинге Доверия, подтвердив свое лидерство по недоверию, но и стала лидером по уровню роста этого показателя.

Таким образом, нельзя отрицать факт того, что россияне испытывают недоверие к общественным институтам больше всех в мире. Ряд исследований доказывает, что у этого феномена есть свои культурно-исторические предпосылки. Так, С. Е. Вершинин приходит к этому через раскрытие архетипической составляющей и исторической обусловленности значимости понятия «недоверие» в русской культуре до периода прихода демократических ценностей в политическое пространство нашей страны. Он говорит о «недоверии» как о ведущей социальной ценности советского периода и раскрывает этнокультурные особенности восприятия дихотомии понятий «доверие» и «недоверие» в рамках исторического экскурса [2].

Сразу следует отметить, что существуют не только социокультурные основы недоверия, имеют место, в том числе, те взгляды и паттерны поведения, которые были заложены в общественное сознание политической доктриной, долгое время формировавшей политическое пространство территории нашей страны, в частности, марксистско-ленинской политической философией. Воззре-

¹ The 2020 Edelman Trust Barometer // Edelman. 19.01.2020. URL: <https://u.to/Uk4cGw> (дата обращения 13.01.2021).

ния Маркса, в большинстве своем, являются философией подозрения, онтологически аргументированной и основанной на отчуждении [3, с. 472-473]. Опираясь на этот послыл, он, в своей работе, выстраивает цепочку социально-политических отношений советского периода в обществе: от легитимизации феномена социального подозрения до активации и поощрения социальной критики, которая выступает и по сей день в форме полноценной процедуры для анализа деятельности, как отдельных индивидов, так и общества в целом [4, с. 65].

Архетипический контекст недоверия в российском обществе подкрепляется и другими исследователями. Однако, этот феномен имеет «вирусный» характер, то есть до какого-то момента он находится в «спящем состоянии», а в «благоприятной» среде нарастает. По мнению Г. М. Заболотной [5], триггером «пробуждения» социального недоверия является снижение качества жизни.

Сегодня уже очевидно, что архетип социального недоверия разбужен и набирает силу, о чём свидетельствуют результаты недавних опросов. Так, АНО «Левада-центр» провел исследование в конце января – начале февраля 2021 года, где среди опрошенных респондентов президенту страны доверяют больше всего только 29%². О тревожных симптомах в обществе свидетельствуют и данные ВЦИОМ, где очевидно, что динамика доверия руководителям страны падает, а недоверия – нарастает³.

В ноябре-декабре 2020 года было проведено исследование, посвященное оценке значимости женщинами

и мужчинами – жителями Санкт-Петербурга – социального доверия и недоверия после почти года пандемии, а также степени их доверия к людям из разных социальных страт, поскольку, как мы уже писали выше, эта тема представляется нам не только важной, но и мало изученной. Исследование проводилось в рамках проекта «*TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics*», который был инициирован Датским институтом культуры. Финансирование исследовательской части проекта проводилось р/а Нева, а полевые работы были организованы ИК «ВЛ Групп». В качестве основного метода исследования был выбран онлайн опрос, выборка составила 2500 респондентов (статистическая погрешность выборки $\pm 3\%$), среди которых было опрошено 1160 мужчин (46,4%) и 1340 женщин (53,6%), в возрасте от 16 до 70 лет, что коррелирует с данными генеральной совокупности (население Санкт-Петербурга).

В данной статье мы не будем останавливаться на всех аспектах данных, полученных в ходе этого исследования, но обратим внимание на моменты, которые представляются нам особенно значимыми в контексте поднятой проблематики. Ведь именно уровень социального недоверия становится ключевым фактором формирования турбулентности в политическом пространстве территорий. Чем выше его уровень, тем выше социальная напряженность, размывание устоявшихся ценностных ориентиров, турбулентность политического пространства. [5, с. 71]. Именно на оценке этого показателя мужчинами и женщинами мы и сконцентрируемся в данной статье.

В последние году все больше исследований, которые сконцентриро-

² Президентские рейтинги и положение дел в стране // Левада-Центр. 04.02.2021. URL: <https://u.to/UVIcGw> (дата обращения 09.02.2021).

³ Доверие политикам // ВЦИОМ. URL: <https://u.to/1IcGw> (дата обращения 09.02.2021).

ваны на возрастных гендерных группах, и меньше тех, кто говорит о той огромной разнице восприятия действительности и реакции на те или иные социальные явления, которая характерна для гендерных фреймов. Есть тренд на размывание границ между полами, в то время как мужчины и женщины очень разные по своим физиологическим особенностям, по психологическим реакциям и по социальным паттернам поведения, о чем написала в своей блистательной книге «Невидимые женщины.

Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных» британская исследовательница Кэролайн Криардо Перес [6].

Первое, что хотелось бы отметить, большинство участников исследования как мужчины, так и женщины сошлись во мнении, что «Доверие важно во всех сферах жизни, так как это основная система социальных отношений в обществе», согласившись с этим высказыванием в той или иной степени (см. рис. 1).

Рисунок 1. Сводная диаграмма оценок степени согласия с высказываниями по теме «Доверие», где 1 совершенно не согласен, а 5 – полностью согласен

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

В то же время 25% мужчин сочли (поставили оценку «5» или «4»), что доверие важно только в личных отношениях, а среди женщин таких респондентов оказалось значительно меньше – лишь 17,2%. Кроме того, 57,8% мужчин согласились (поставили оценку «5» или «4») с высказыванием о том, что доверять в нашей жизни нельзя никому, а среди женщин этот процент оказался ниже (54,5%). Еще большая разница в оценках наблюдается между представителями рассматри-

ваемых гендеров относительно высказывания «Большинство людей попытались бы обмануть, если бы им представилась такая возможность» – 38% (Топ-2 среди мужчин) и 21% (Топ-2 среди женщин). Разница, как мы видим, весьма значима – 17 п.п. Это отражение феномена «социального подозрения», о котором мы писали выше, как об архетипически значимом для жителей нашей страны. При этом очевидно, что мужчины более склонны к недоверию, чем женщины.

Этот факт подтверждается всеми полученными данными в ходе исследования. Так участникам исследования задавался вопрос о том, какова их самооценка изменений за последний год в плане собственного доверия к тем или иным людям из разных социальных групп (см. таб. 1). Результаты показали, что 15,9% участников исследования стали меньше доверять всем вокруг

по сравнению с предыдущим годом. Хотя 72,7% участников исследования считают, что степень их доверия к окружающим никак не изменилось, а 6,7% респондентов отметили, что их доверие даже возросло. Для нас в данном случае интересен факт гендерных различий. Для наглядности мы разместили данные по снижению степени доверия в сводную таблицу.

Таблица 1

Оценка роста недоверия к людям из разных социальных групп за прошедший год
 (% положительных ответов про уменьшение доверия от общего числа респондентов)

Стал/стала больше не доверять	В среднем	Мужчины	Женщины
Близким родственникам (b)	3,2	3,7	2,6
Знакомым (n)	4,8	6,0	3,7
Жителям Скандинавии (q)	5,2	8,6	2,2
Сотрудникам спасения (r)	6,0	6,9	5,2
Друзьям (a)	6,8	8,6	5,2
Учителям, преподавателям (f)	8,0	8,2	7,8
Социальным работникам (g)	8,4	12,1	5,2
Сотрудникам, с которыми работаете (c)	9,6	11,2	8,2
Соседям (j)	9,6	13,8	6,0
Сотрудникам Общественного транспорта (u)	11,2	12,9	9,7
Продавцам в магазине (p)	12,8	13,8	11,9
Сотрудникам туристических компаний (o)	14,4	15,5	13,4
Сотрудникам Страховых компаний (i)	14,4	17,2	11,9
Банковским служащим (h)	16,0	20,7	11,9
Руководству учреждения, где вы работаете (d)	18,0	22,4	14,2
Сотрудникам служб ЖКХ	19,2	21,6	17,2
Врачам (e)	20,0	22,4	17,2
Сотрудникам полиции	22,0	25,0	19,4
СМИ (w)	33,6	33,6	33,6
Руководству района, где Вы живете (k)	23,2	23,3	23,1
Руководству города (l)	41,2	34,5	47,0
Руководству страны (m)	41,6	35,3	47,0

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

В ходе исследования были выявлены группы респондентов, у которых повысилась недоверие к окружающим людям. Такие жители Санкт-Петербурга встречаются как среди мужчин, так и среди женщин, однако, как

наглядно демонстрируют данные таблицы 1, мужчины в значительно большей степени подозрительны и недоверчивы. Их оценка роста собственного недоверия к людям распространяется практически на все социальные

группы, и она почти во всех случаях (в 20 из 22 групп) превышает оценку роста собственного недоверия к окружающим у женщин. Есть исключение из сформированного тренда, оно представляет некоторый парадокс: у женщин значительно в большей степени выросло недоверие к власти, а именно, к руководству страны и руководству города. Разница с мужчинами составляет порядка 13 п.п.

Опасность высокой степени недоверия заключается в том, что оно как ржавчина подтачивает общество изнутри и одновременно запускает процессы турбулентности в политическом пространстве территорий, так как нарастание этого феномена становится основой для протестного поведения. Особенно опасно нарастание протестного поведения среди женщин. Ведь именно женские протесты стали триггером Великой русской революции 2017-2022 гг., как писал в своих мемуарах Лев Троцкий и большевик Василий Каюров в своих записках о событиях того времени [7]. Позже Троцкий писал в «История русской революции»: *«они шли на кордоны солдат смелее, чем мужчины, хватались за винтовки, просили, почти приказывали: «Бросайте ружья и присоединяйтесь к нам»* [8].

Если развернуть политическое время вспять, мы увидим, что эпизод первый Февральской революции начался с беспорядков 23 февраля (8 марта по новому стилю), именно в день, когда сегодня мы празднуем «Международный день трудящихся женщин». Об этом событии будущий великий социолог Питирим Сорокин, а тогда еще совсем молодой человек, записал в своем дневнике следующее: *«Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теорией. Революцию начали голодные*

женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия» [9]. Эта простая и понятная истина многократно опровергалась историками и социологами, события тех дней многократно переписывались, но факты есть факты и не стоит их игнорировать.

Обострение у женщин такого рода протестного поведения, основанного на недоверии к власти, формируется под влиянием целого ряда системных факторов, изменение которых оказывается критичным для жизнедеятельности и влияют на социально-психологическое состояние, так как они полностью меняют среду обитания и пространственные контексты. Мы сравнили состояние этих системных факторов на февраль 2021 года и февраль 1917 года (см. таб. 2).

Итак, сравнение изменения системных факторов в таблице двух периодов: на февраль 2021 года и на февраль 1917 года (с разницей в 104 года) показывает тренд на нарастающую опасность для существующей власти. Этот эффект можно назвать кризисом социально-психологического состояния, которое определяется не только удовлетворённостью всеми составляющими качества жизни, которые однозначно пострадали как во время пандемии, так и в преддверии Февральской революции, но реализацией социальной справедливости при распределении социального вознаграждения [10]. Здесь как раз и кроется, с нашей точки зрения, самый опасный в социально-политическом плане сюжет. Ведь именно женщины, утратившие доверие к самодержавию, свергли его в феврале 1917 года.

Таблица 2

Сравнение системных факторов, которые оказываются критическими для формирования протестного поведения у женщин

Системные факторы	Состояние системных факторов на февраль 2021 года	Состояние системных факторов в период февральской революции 1917 года
Социальные факторы, где в основе стиль жизни и взаимоотношений в обществе, система коммуникаций и взаимодействий и т.д.	Полностью поменялся стиль жизни и взаимоотношений в обществе (изоляция), система коммуникаций и взаимоотношений перешла в онлайн	Промышленная революция и Первая мировая война изменили привычный уклад жизни женщин в России. Они вынуждены работать и обеспечивать семью.
Экономические факторы	Падение рубля, падение экономики, повышение стоимости продуктов, пострадали услуги, где задействованы женщины	Полное обнищание и нехватка продовольствия в столице России
Культурологические факторы, где в основе ценности, принципы, герои и архетипы, поведенческие паттерны, символы, традиции и т.д.	Смена традиционных парадигм, новые герои, новые информационные потоки, фрагментарность и одновременная доступность любой информации, обесценивание СМИ, как правдивого источника информации, масочный режим, институализация новых гендерных фреймов.	Сексуальная революция, движение суфражисток и других течений за равноправие женщин. Полная смена гендерных поведенческих паттернов и установок.
Институциональные факторы	Власть теряет влияние на массы и не способна обеспечить запросы для обеспечения нормальной повседневной жизни: снять масочный режим, обеспечить достойной заработной платой ключевые «женские» профессии: учителя, врачи и т.п. Расслоение доходов населения на всех уровнях, включая региональный [1].	Власть теряет влияние на массы и не способна обеспечить запросы для обеспечения нормальной повседневной жизни: остановить войну, обеспечить продовольствием население.
Средовые факторы	Пандемия (коронавирус), изоляция и переход в онлайн, нарастание протестного поведения, политический раскол в обществе	Война, пандемия (Испанка, тиф), нарастание протестного поведения, политический раскол в обществе на патриотов и пацифистов

Что касается современности, рост недоверия со стороны женщины связан с тем, что достаточно продолжительные условия экономического характера на фоне пандемии создали слишком большое напряжение поля неопределенности, порожденное угрозами нищеты и смерти. Г. М. Заболотная в своей статье пишет, что ухудшение условий среды обитания жителей территорий, обнищание и отсутствие перспектив развития превращают ситуативно-психологический феномен, которым является социальное недоверие, в одну из характеристик массового сознания [5, с. 72], что полностью меняет предпосылки,

обеспечивающие жизнеспособность политического пространства [11]. Это нашло отражение и в проведенном нами исследовании (см. табл. 3).

Женщины за 2020 год в большей степени, чем мужчины почувствовали ухудшение финансового положения. При этом разница составила 9,7 п.п. Интересным здесь представляется тот факт, что гендерные различия в отношении оценки состояния своего психического здоровья и как следствие социально-психологического состояния оказались гораздо более значительны. Они составляют 20,5 п.п. между мужчинами и женщинами (см. табл. 4).

Таблица 3

Оценка изменения финансового положения за прошедший год (в %)

Каким образом за последний год изменилось ваше финансовое положение?	В среднем	Мужчины	Женщины
Осталось без изменений	32,2	38,8	28,4
Улучшилось	8,4	10,3	6,7
Ухудшилось	55,2	50,0	59,7
Затрудняюсь ответить	3,2	0,9	5,2

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

Таблица 4

Оценка изменения психологического здоровья за прошедший год (в %)

Каким образом за последний год изменилось ваше психологическое здоровье?	В среднем	Мужчины	Женщины
Осталось без изменений	35,2	42,2	29,1
Улучшилось	6,4	9,5	3,7
Ухудшилось	53,2	42,2	62,7
Затрудняюсь ответить	5,2	6,0	4,5

Источник: данные 2ой волны авторского исследования среди жителей Санкт-Петербурга (онлайн опрос, N=2500, Ж=1340, М=1160) в рамках проекта «TRUST. The Basis for Wealth and Happiness of the Nordics».

Результаты исследования, демонстрирующие серьезные гендерные различия в оценках, подводят нас к вопросам о том, как гендерный фрейм вынуждает людей реагировать на сложные социально-экономические и социально-политические процессы по-разному. Отсюда возникает разница в формировании протестного поведения, как социальной структуризации, где почти всегда гендер работает, как фоновая идентичность [12].

Для российских мужчин архетип подозрительного актора в значительной мере более характерен, чем для женщин, что подтверждается полученными данными. Именно поэтому нарастание недоверия идет у них значительно медленнее. Фактически оно формирует последовательную политическую позицию и становится темой для общения на основе осужде-

ния тех или иных действий власти. Однако, мужчины объединяются долго и сложно; на акции протеста они выходят, скорее, чтобы продемонстрировать свое мнение, выбросить накопившийся тестостерон, а не солидаризироваться. Женщины же, напротив, склонны к солидаризации вокруг того, кому доверяют. Яркий пример тому акция «Цепь солидарности и любви», которая прошла в Москве и Санкт-Петербурге в День Влюбленных (14.02.2021). Сам принцип и цель проведения мероприятия – выражение солидарности с женщинами, которые подвергаются преследованиям за оппозиционную деятельность, и поддержка оппозиционного активиста Алексея Навального⁴.

⁴ Фохт, Е., Пушкарская, А. «Любовь сильнее страха». Женщины в Москве и Петербурге выстроились в цепь солидарности // Русская служба Би-би-си. 14 февраля 2021. URL: <https://u.to/W2AcGw> (дата обращения 15.02.2021).

В обществе принято судить о поведении других. Такого рода суждения основаны на институализированных социально-культурных правилах поведения и традициях восприятия понятий, что такое «правильно» и «не правильно» в рамках гендерных представлений о различиях и неравенстве. Так, женщин обычно осуждают, если они ведут себя слишком властно, а мужчин за уступчивость и эмоциональную слабость [13]. Уступчивость и эмоциональная слабость характерна для женщин, что их и объединяет, делая мощной силой сопротивления той ситуации, которая их не устраивает. Примером может служить поведение женщин на акциях протеста в Белоруссии. Женщины одевали белые платья, как символ чистоты своих намерений, и с цветами, что символизирует красоту и нежность, стали выходить на акции протеста, чтобы подчеркнуть их мирный характер. Они становились в кольцо вокруг мужчин, чтобы спасти их от задержания⁵.

Очевидно, что гендерная мотивация протестного поведения отличается. Мужчины временно объединяются в борьбе за власть из позиции недоверия и подозрительности. Женщины временно объединяются из позиции защиты того, кому доверяют от тех, кому не доверяют.

Таким образом, наше исследование подтвердило выводы британской исследовательницы гендерных отношений Сесилии Риджуэй, что, будучи фоновой идентичностью, гендер обычно смещает поведенческие паттерны во имя более конкретных, заранее определённых социальных

установок и архетипических ролей или идентичностей [14]. Мы также получили подтверждение её предположениям относительно того, что фоновый гендерный фрейм является первичным механизмом, посредством которого изменение системных факторов (экономические, социальные, культурные, институциональные и средовые) влечет за собой нарастающие социально-психологические эффекты, обусловленные культурой доверия или недоверия. Эти изменения приводят к последовательному, циклическому давлению, требующему корректировки диспозиций, которые существуют в обществе между мужчинами и женщинами. В этой ситуации мы видим, какие системные факторы позволяют фоновому гендерному фрейму стать важной частью процесса, посредством которого люди выполняют свои социальные и институциональные роли, определенные культурными особенностями территории событий. Учёные, такие как Патриция Мартин, продемонстрировали нам убедительные примеры этого процесса [15]. Мы же, со своей стороны, в данной статье подтвердили их актуальность на примере российской действительности.

Возвращаясь к социально-психологическому состоянию женщин в Санкт-Петербурге, хотелось отдельно отметить, что недоверие к местным региональным властям здесь за время пандемии и непопулярных карантинных мероприятий питерской власти очень серьёзно возросло. Если сравнивать с исследованиями прошлых лет, то традиционно в России недовольство и, как следствие, недоверие федеральным властям было гораздо выше, чем местным и региональным [16]. Изменение ситуации, особенно среди женщин, является

⁵ Кейнер, Д., Козенко, А. Просто надели белые платья и взяли цветы. Почему главной силой белорусских протестов стали женщины // Русская служба Би-би-си. 25 декабря 2020. URL: <https://u.to/3WEcGw> (дата обращения 09.02.2021).

следствием того, что большинство тягот самоизоляции: дистанционное обучение детей, заключение семей в четырёх стенах, переход на дистанционную работу, уменьшение финансовых потоков, необходимость поддержания жизнедеятельности всей семьи, увеличение нагрузки на бытовом уровне – легли на плечи женщин. Если прибавить к этому минимальную поддержку властей, информационное и психологическое давление, повлёкшие серьёзное ухудшение социально-психологического состояния, то становятся понятными истоки изменения уровня

недоверия именно местным властям и вся глубина ситуации.

В качестве выводов и рекомендаций для изменения ситуации и снижения напряжённости, нами предлагается обратить внимание властей на проблему, а также всю серьёзность возможных последствий и направить все возможные усилия на адресную поддержку женщин, улучшение их социально-психологического состояния. Разработка ряда поддерживающих мероприятий для улучшения положения, психологической и социальной помощи и реабилитации особо пострадавших слоёв населения.

Библиографический список

1. Великая, Н. М. Оценки эффективности деятельности органов местной власти: Методология и методика / Н. М. Великая, А. Н. Мусеева // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 1 (65). С. 55-64. DOI: 10.35775/PSI.2021.65.1.005.
2. Вершинин, С. Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. №. 7. С.61–74.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
4. Вершинин, С. Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2001. № 2. С. 58-72.
5. Заболотная, Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия: социология. 2003. № 4-5. С. 79-85.
6. Перес, К. К. Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных / Пер В. Башкировой. М. : Альпина Паблшер. 2020. 496 с. ISBN 978-5-9614-3762-1.
7. Пушкарева, Н. «Близится революция, созвучная пролетарской»: Россия до и после 1917-го года как полигон конструирования новой сексуальной культуры // Revue des etudes slaves. 2019. № 1-2. С. 125-139. DOI: <https://doi.org/10.4000/res.2826>.
8. Троцкий, Л. История русской революции. М. : Терра, Республика, 1997. 1184 с. ISBN 5-3000-1359-5.
9. Sorokin, P. Leaves from a Russian diary and thirty years after. Boston, 1950. 346 p.
10. Венгеров, А. Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49-63.
11. Козлова, Т. З. Социально-психологическое самочувствие россиян по возрастным группам // Власть. 2018. Т. 26, № 5. С. 118-125. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5832.
12. Ridgeway, C. L., Correll, Sh. J. Unpacking the gender system: A theoretical perspective on gender beliefs and social relations // Gender & Society. 2004. Vol. 18, № 4. P. 510-531. DOI: 10.1177/0891243204265269.
13. Ridgeway, C. L., Smith-Lovin, L. The gender system and interaction // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 191-216. DOI: 10.1146/annurev.soc.25.1.191.

14. *Ridgeway, C. L.* Framed Before We Know It: How Gender Shapes Social Relations // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23, № 2. P. 145-160. DOI: 10.1177/0891243208330313.

15. *Martin, P. Y.* «Said and done» versus «saying and doing»: Gendering practices, practicing gender at work // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17, № 3. P. 342-366. DOI: 10.1177/0891243203251716.

16. *Великая, Н. М.* Динамика партийно-политических ориентаций: между лояльностью власти и кризисом легитимности / *Н. М. Великая, А. В. Дорошина* // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы науч.-практич. конф. (Москва, 10 декабря 2020 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 9-20. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020.

Дата поступления в редакцию: 15.02.2021.

Принята к печати: 26.02.2021.

Сведения об авторе:

Лазукина Александра Олеговна, соискатель,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
e-mail: lexara@yandex.ru
AutorID РИНЦ: 748591

A. O. Lazukina¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

TRUST IN GOVERNMENT DURING THE PANDEMIC: GENDER ASPECT

Annotation. The article examines the differences in the choice of behavioral patterns based on social trust and distrust of men and women. The essence of the problem under consideration is that so far few researchers have studied mistrust as a phenomenon characteristic of Russians, and practically no one has considered the difference in the character of trust / distrust for men and women and the influence of these indicators on the level of socio-psychological well-being of the population and, as a consequence, on social tension in society, if we consider this problem in terms of trust and distrust to the authorities. Here are the studies that were conducted in December 2020 in the city of St. Petersburg, regarding these issues.

A study of changes in trust showed that in the northern capital of Russia, the level of mistrust for the federal government among women increased much more than among men, and a small excursion into history and analogies with revolutionary situations of the past make one think about the stability of the current system and the need for the authorities to make serious efforts to resolve an explosive situation. This situation is especially evident in St. Petersburg, because the unpopular actions of local authorities during the pandemic created the prerequisites for the fact that it was on the shoulders of women that the main burden fell, when it was necessary to actually independently educate children, continue to work in new conditions and practically fully support the life of the whole family in harsh conditions of isolation and psychological and informational pressure.

Analyzing the research data and the situation in general, this article concludes that in the current difficult conditions the authorities should pay more attention to the position of women and increase targeted support measures to improve the socio-psychological well-being of the population.

Keywords: trust, distrust, motives of association, protest behavior, gender, gender frame, political space, protest behavior, socio-psychological well-being of the population.

For citation: Lazukina A. O. (2021) Trust in government during the pandemic: gender aspect. Science. Culture. Society. Vol. 27, № 1. P. 33-44. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.3

References

1. Velikaja N. M., Moisejeva A. N. (2021). Evaluating the effectiveness of local authorities: Methodology and methodology. *Voprosy politologii*. 2021. Vol. 11, No 1 (65). P. 55-64. (In Russ.).
2. Vershinin S. E. (2007). Social distrust: analysis paradigms, sources, functions (to the problem statement). *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. Issue 7. P. 61–74. (In Russ.).
3. *Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar'*. (1983). [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. by L. F. Il'ichev. M. : Sov. Ehntsiklopediya publ. 839 p. (In Russ.).
4. Vershinin S. E. (2001). The phenomenon of mistrust in the context of post-Soviet society. *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. No 2. P. 58-72. (In Russ.).
5. Zabolotnaja G. M. (2003). The phenomenon of trust and its social functions. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: Sociologija. Russian Journal of Sociology*. No 4-5. P. 79-85. (In Russ.).
6. Perez C. C. (2020). *Invisible Women: Exposing Data Bias in a World Designed for Men*. [Russ. ed: Nevidimye zhenshchiny. Pochemu my zhivem v mire, udobnom tol'ko dlya muzhchin. Neravnopravie, osnovannoe na dannykh]. Transl. by V. Bashkirova. M. : Alpina Publ. 496 p. ISBN 978-5-9614-3762-1 (In Russ.).
7. Pushkareva N. (2019). A Revolution is coming that Echoes the Proletarian. Russia before and after 1917 and the Construction of a new Sexual Culture. *Revue des etudes slaves*. No 1-2. P. 125-139. DOI: <https://doi.org/10.4000/res.2826>. (In Russ.).
8. Trotskij L. (1997). *Istoriya russkoi revolyutsii*. [History of the Russian Revolution]. M. : Terra, Republic. P. 1184. ISBN 5-3000-1359-5 (In Russ.).
9. Sorokin P. (1950). *Leaves from a Russian Diary*. Boston. P. 3. (In Eng.).
10. Vengerov A. B. (1992). Political space and political time (Experience of structuring concepts). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No 6. P. 49-63. (In Russ.).
11. Kozlova T. Z. (2018). Social and psychological well-being of Russians by age groups. *Vlast'*. Vol. 26, No 5. P. 118-125. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5832. (In Russ.).
12. Ridgeway C. L., Correll Sh. J. (2004). Unpacking the gender system: A theoretical perspective on gender beliefs and social relations. *Gender & Society*. Vol. 18, No 4. P. 510-531. DOI: 10.1177/0891243204265269. (In Eng.).
13. Ridgeway C. L., Smith-Lovin L. (1999). The gender system and interaction. *Annual Review of Sociology*. Vol. 25. P. 191-216. DOI: 10.1146/annurev.soc.25.1.191. (In Eng.).
14. Ridgeway C. L. (2009). Framed before we know it: How gender shapes social relations. *Gender & Society*. Vol. 23, No 2. P. 145-160. DOI: 10.1177/0891243208330313. (In Eng.).
15. Martin P. Y. (2003) "Said and done" versus "saying and doing": Gendering practices, practicing gender at work. *Gender & Society*. Vol. 17, No 3. P. 342-366. DOI: 10.1177/0891243203251716. (In Eng.).
16. Velikaya N. M., Doroshina A. V. (2020). Dinamika partiino-politicheskikh orientatsii: mezhdou loyal'nost'yu vlasti i krizisom legitimnosti. *Rossiiskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proektov v usloviyakh post-pandemicheskoi real'nosti: materialy nauch.-praktich. konf.* [The second December socio-political readings "How are you, Russia?" Russian welfare state and civil society in 2020: implementation of national projects in a post-pandemic reality]. M. : FNISTS RAN publ. P. 9-20. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020. (In Russ.).

The article was submitted on February 15, 2021.

Accepted on February 26, 2021.

Information about the author

Alexandra O. Lazukina, applicant,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
e-mail: lexara@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МНЕНИЯХ ГРАЖДАН

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00013*

Аннотация: Необходимость разработки и реализации национальных целей и национальных проектов развития Российской Федерации была обусловлена фактическим торможением экономического развития страны в силу объективных обстоятельств глобального масштаба, эпидемиологической обстановки, вызовов и угроз социально-политического и внешнеполитического характера. Указы Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года и № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. сформулировали, а затем уточнили и скорректировали круг стратегических целей и первоочередных задач, решение которых обеспечит выход из кризиса. Достижение поставленных целей требует серьезных дополнительных ресурсов – финансовых, организационных, трудовых, управленческих, и переосмысления управленческих подходов. Необходимым условием реализации поставленных целей становится осознание гражданами их значимости и сознательное участие в их реализации. А это, в свою очередь, требует определенной работы со стороны общества и государства, направленной на полноценное информирование граждан о стратегических целях и задачах развития РФ и формирование в общественном сознании инновационной и устойчивой к переменам установки на необходимость решения поставленных задач как для общества, так и для каждого из граждан, поскольку национальные цели и проекты не только дают ориентиры экономического развития, но и могут служить основой для консенсуса интересов гражданского общества и государства.

Ключевые слова: национальные цели, национальные проекты, стратегические задачи, гражданское общество, социальное государство.

Для цитирования: Новоженина О. П. Национальные цели и задачи развития Российской Федерации в мнениях граждан // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 45-57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4

Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» был подписан Президентом РФ 7 мая 2018 года. Кризисные явления в экономической и социальной сферах, фактическое торможение экономического развития вызвали необходимость обратиться к модели реализации национальных проектов. В Указе были сформулированы 9 национальных целей, обеспечить

достижение которых было поручено Правительству России до 2024 года. В соответствии с национальными целями Правительству РФ, федеральным министерствам, органам власти субъектов Федерации было поручено разработать национальные проекты (программы) по следующим 12 направлениям: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные

дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт. В указе № 204 правительству жестко были поставлены задачи – прямые указания о том, что оно должно сделать до 2024 года в рамках каждого нацпроекта. Именно национальные проекты представляли собой систему целей развития, включающую и экономику, и социальную сферу, и инфраструктуру, и технологии. С точки зрения исполнения федерального бюджета, приоритетными стали именно расходы на нацпроекты.

Достижение таких масштабных целей требовало серьезных дополнительных ресурсов – финансовых, организационных, трудовых, управленческих, и переосмысления управленческих подходов к решению поставленных задач. На федеральном уровне было принято решение о полномасштабном внедрении проектного управления – реализации расходов бюджета проектным способом, то есть с конечными целями и контрольными показателями. За два последующих года государство, органы власти и управления, гражданское общество получили определенный опыт взаимодействия в рамках реализации национальных проектов, яснее оценили и весь диапазон поставленных задач, и возможные подходы к пути их решения. Кризис осени 2019 – весны 2020 года, коронавирусная пандемия и её экономические последствия привели к появлению новых угроз и вызовов, что, в свою очередь, вызвало изменение приоритетов и обусловило необходимость корректировки как самих националь-

ных целей и национальных проектов, так и подходов к их реализации. Часть целей и задач указа 2018 года потеряли свою актуальность либо не могут быть достигнуты и решены в новых условиях.

В соответствии с создавшейся ситуацией Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» были скорректированы национальные цели развития Российской Федерации. Определено 5 целей: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация. Увеличен горизонт планирования до 2030 года, а также скорректированы в соответствии с ресурсами и реальностью или установлены новые целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей развития (см. табл. 1).

Кроме того, пункт 16 Указа № 204 указывал «ежегодно при формировании проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и на плановый период предусматривать в приоритетном порядке бюджетные ассигнования федерального бюджета на реализацию национальных проектов ...». В Указе № 474 место национальных проектов заняли национальные цели: «...предусматривать в приоритетном порядке бюджетные ассигнования на реализацию национальных целей...». То есть, если ранее акцент делался на жестко структурированную систему национальных проектов, то теперь объектом финансирования становятся национальные цели. Ранее целей

было девять, большая их часть вошла в пункт 2 нового указа, в систему из 24 целевых показателей до 2030 года. Правительству РФ в срок до 30 октября 2020 года поручено привести национальные проекты в соответствие с национальными целями развития РФ на период до 2030 года, при этом

предусмотреть общественно значимые результаты, непосредственно влияющие на улучшение качества жизни граждан и условий ведения предпринимательской деятельности, представить предложения о внесении изменений в перечень ключевых параметров национальных проектов.

Таблица 1

**Национальные цели развития Российской Федерации
в соответствии с Указами Президента РФ**

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204	Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474
1. Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения России	1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей
2. Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет	
3. Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также рост уровня пенсионного обеспечения	2. Возможности для самореализации и развития талантов
4. Снижение в 2 раза уровня бедности	3. Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство
5. Улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно	4. Комфортная и безопасная среда для жизни
6. Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере	5. Цифровая трансформация
7. Ускорение технологического развития, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа	–
8. Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора	–
9. Вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира	–

Источники: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>; Указ Президента РФ от 21 июля 2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 20.12.2020).

В России в настоящее время реализуется 12 национальных проектов и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Однако расходы федерального бюджета РФ на реализацию национальных проектов и Комплексного плана в январе-сентябре 2020 года исполнены лишь на 55% (в январе-сентябре 2019 г. – 52,1%), что составляет 1,2 трлн руб. из установленных ассигнований в размере 2,19 трлн рублей (см. табл. 2).

На низком уровне (менее 50%) исполнены расходы по 4 нацпроектам: «Цифровая экономика» (20,6%), «Экология» (42,2%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (45,5%), «Международная кооперация и экспорт» (59,6%). Немногим выше половины объема средств на реализацию использованы в проектах «Образование» (53,1%), «Производительность труда и поддержка занятости» (55%), а также в рамках осуществления Комплексного плана модернизации и

расширения магистральной инфраструктуры (55%). Такие результаты в значительной мере обусловлены ситуацией с распространением ко-

ронавируса, в результате которой в зоне риска оказалась реализация многих запланированных действий и мероприятий.

Таблица 2

**Исполнение федерального бюджета по национальным проектам
на 1 октября 2020 года, %**

Проекты	% выполнения	Объем средств на реализацию, млрд руб.
Малое и среднее предпринимательство	69,2	64,8
Здравоохранение	68,8	306,7
Жилье и городская среда	65,3	118,9
Культура	58,9	16,1
Наука	57,9	45,7
Демография	55,4	735,3
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	55,0	364,6
Производительность труда и поддержка занятости	55,0	5,0
Образование	53,1	132,2
Международная кооперация и экспорт	49,6	69,3
Безопасные и качественные автомобильные дороги	45,5	156,8
Экология	42,2	71,6
Цифровая экономика	20,6	112,0

Источник: Счетная палата РФ. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Январь – сентябрь 2020 года.

Одним из важнейших факторов выполнения национальных проектов является осознание гражданами их значимости и сознательное участие в их реализации. А это, в свою очередь, требует определенной работы со стороны общества и государства, направленной на полноценное информирование граждан о стратегических целях и задачах развития РФ [1]. В информационной политике и стратегии должны присутствовать социальная адресность и содержательная конкретность, а в перспективе – формирование в общественном сознании инновационной и устойчивой к переменам установки на необходимость решения поставленных задач как для общества, так и для каждого из граждан, поскольку национальные цели и проекты не только дают ориентиры

экономического развития, но и могут служить основой для консенсуса интересов гражданского общества и государства. А для достижения такого консенсуса не только общество должно быть в полной мере и адресно информировано, но власть должна стать открытой для принятия мнения общества.

По данным исследований Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, проведенных в мае-июне 2019 г.¹, не информиро-

¹ Эмпирические исследования по проекту «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"» проводились при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31142 опн». В исследовании использована квотно-пропорцио-

ваны о национальных проектах были 51% опрошенных, только слышали о них – 31%. Более-менее значимая величина (не менее 5%) информированных респондентов имела только по трем проектам: «Здравоохранение», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Образование» – те направления, которые больше всего обсуждались в СМИ. Наименее известны были программы «Международная кооперация и экспорт» («не информированы» 73,3% опрошенных) и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (69,8%). Средний индекс информированности по всем нацпроектам, рассчитанный по пятибалльной шкале, составил 1,7 балла, причем даже по тем национальным проектам, которые были наиболее знакомы респондентам, он не превысил 2,5 балла («Здравоохранение» – 2,5; «Образование» – 2,2, «Демография» – 2,1 балла).

Аналогичные данные были получены в тот же период Аналитическим центром НАФИ. В соответствии с ними, треть (37%) россиян знали о нацпроектах в общих чертах, 7% были хорошо осведомлены о них, а 55% впервые узнали о них в ходе проведения опроса. Чаще россияне отвечали, что слышали о национальных проектах «Здравоохранение» (26%) и «Образование» (20%)².

нальная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составил 1800 респондентов. Опрос населения проведен в мае-июне 2019 г. в 22 субъектах Российской Федерации.

² Всероссийский опрос НАФИ проведен в мае-июне 2019 г. Опрошено 1600 человек в 150 населенных пунктах в 50 регионах России. Возраст: 18 лет и старше. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <https://u.to/8nMcGw> (дата обращения 20.01.2021).

Итак, год спустя после принятия Указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» граждане РФ в своей значительной части были все еще слабо информированы о сущности и характере национальных проектов, их содержании и важности реализации. С целью преодоления такой ситуации в сфере информированности о национальных проектах был предпринят ряд важных мер. В частности, создан информационный портал «Будущее России. Национальные проекты», оператором которого выступило ТАСС. Авторы портала стремились сделать информацию о проектах и их реализации максимально доступной и адресной. 10 ноября 2020 г. был запущен интернет-портал «Национальные проекты России»³, ставший преемником портала «Будущее России» (собственный сайт «Будущее России» более недоступен, идет переадресация на «Национальные проекты России»), с расширенным функционалом адресности и, главное, с обеспечением обратной связи с правительством. Центр политических технологий в сентябре 2019 г. представил доклад⁴ «Национальные проекты: открытость власти и информированность общества», где подчеркнуто, что «без «включенности» граждан достижение сколько-нибудь значимых и долгосрочных результатов госпрограмм маловероятно. Поэтому в нынешних национальных проектах коммуникации с обществом и бизнесом все чаще рассматриваются как отдель-

³ Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения 20.01.2021).

⁴ Национальные проекты: открытость власти и информированность общества // Центр политических технологий. URL: <https://u.to/OnUcGw> (дата обращения 20.01.2021).

ное и очень важное направление как регулятивной политики, так и структурных реформ.

В результате принятых мер, по данным ВЦИОМ, информированность россиян о национальных проектах в сентябре 2020 г. составляла от 56% до 85%. При этом больше всего граждане знали о таких нацпроектах как «Здравоохранение» (85%), «Образование» (80%) и «Демография» (74%). В конце списка узнаваемых нацпроектов находились «Безопасные и качественные дороги» (63%), «Цифровая экономика» (66%), «Международная кооперация и экспорт» (56%)⁵.

Расходы на информационное и экспертное сопровождение национальных проектов в СМИ и интернете в 2021-2022 годах вырастут почти на 3 млрд рублей. «Увеличение бюджетных ассигнований на осуществление информационно-разъяснительного и экспертно-социологического сопровождения результатов национальных проектов в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в 2021 году на 1 млрд 457,5 млн рублей, в 2022 году на 1 млрд 481,1 млн рублей по сравнению с объемом, предусмотренным законом № 380-ФЗ, за счет перераспределения бюджетных ассигнований с результатов иных национальных проектов», – говорится в пояснительной записке к проекту бюджета на 2021-2023 гг.⁶

Национальные проекты затрагивают каждого гражданина России. Уровень информированности о на-

циональных проектах, осознание необходимости их реализации, ощущения включенности и положительного эффекта являются важными индикаторами эффективности проектов. Мнения граждан о важности национальных проектов распределились в сентябре 2020 г. [2, с. 43] следующим образом (см. табл. 3)⁷.

С момента подписания указа прошло более двух лет. Тема национальных проектов, оставаясь актуальной для общества, отошла в ситуации коронавирусной пандемии на второй план в личных оценках граждан. Это видно по данным таблицы 3, где значимость всех без исключения национальных проектов для российского общества в целом получила гораздо больше «голосов», чем их значимость лично для респондентов.

Проект «Здравоохранение» выделяется всеми как самостоятельная, наиболее важная программа и поэтому к ней проявляется отдельный, повышенный интерес, независимо от других проектов. Остальные проекты можно объединить в две группы: проекты социальной направленности («Экология», «Жильё и городская среда», «Образование», «Культура», «Демография» – выделены в таблице заливкой) и проекты экономической направленности.

⁷ Эмпирические исследования по проекту «Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов» проводились при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00013. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составил 1607 респондентов. Опрос населения проведен в августе-сентябре 2020 г. в 14 субъектах Российской Федерации.

⁵ Национальные цели и национальные проекты: обзор // ВЦИОМ. 20 октября 2020.

URL: <https://u.to/6HUCGw> (дата обращения 20.01.2021).

⁶ Объем финансирования нацпроектов в 2021 году составит 2,2 трлн рублей // ИА ТАСС. 17 сентября 2020.

URL <https://u.to/93UCGw> (дата обращения 20.01.2021).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?»

(РФ, август-сентябрь 2020. N=1607. % от числа опрошенных.

Ответы ранжированы по столбцу «Для Вас лично»)

Национальные проекты	Для Вас лично		Для российского общества в целом	
	%	ранг	%	ранг
Здравоохранение	80	1	87	1
Безопасные и качественные автомобильные дороги	58	2	76	3
Экология	49	3	74	4
Жильё и городская среда	47	4	62	7
Образование	45	5	78	2
Производительность труда и поддержка занятости	31	6	56	8
Культура	21	7	54	9
Цифровая экономика Российской Федерации	20	8	50	11
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	18	9	54	10
Наука	18	10	62	6
Демография	14	11	63	5
Международная кооперация и экспорт	5	12	30	12
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	4	13	27	13

Для себя лично в качестве наиболее важных граждане выделили пять проектов: «Здравоохранение» (80%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (58%), «Экология» (49%), «Жильё и городская среда» (47%), «Образование» (45%). Эта группа проектов, по всей видимости, составляет базисную сферу жизнедеятельности респондентов и их семей, суть их ежедневных забот и тревог. Из них только «Безопасные дороги...» не является проектом социальной направленности. Вообще в блоке социальных проектов граждане в меньшей мере увидели для себя лично значение проектов «Демография» (14%) и «Культура» (21%). Такая иерархия оценок значимости нацпроектов социальной направленности лично для респондентов подтверждается данными о структуре тревожности: «экологическая обстановка» в сен-

тябре 2020 г. вызывала тревогу 39%, «падение нравов, культуры» – у 15% опрошенных, и о выполнении российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина: с тем, что государство обеспечивает право на жильё, согласны треть респондентов (34%), право на благоприятную окружающую среду – 20%). Среди национальных проектов экономической направленности, оцененных гражданами как важные для них лично, только «Безопасные и качественные автомобильные дороги» набрали более 50% голосов (58%). Проект «Производительность труда и поддержка занятости» сочли важным для себя лично не более трети респондентов, проекты «Цифровая экономика», «Малое и среднее предпринимательство», «Наука» – не более одной пятой части. Всего по индикатору «для себя лично» только

три проекта назвали важными 50% и более респондентов.

Для российского общества в целом более половины респондентов считают важными 11 из 13 национальных проектов. В первую пятерку, помимо «Здравоохранения» (87%), вошли «Образование» (78%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (76%), «Экология» (74%) и «Демография» (63%). Отметим, что по индикатору «для российского общества в целом», как и «для себя лично», большинство проектов имеют социальную направленность, только проект «Жильё...» сменился проектом «Демография». Гражданское общество ожидает от социального государства ответа в первую очередь на свои социальные запросы.

Проекты «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» и «Международная кооперация и экспорт» не касаются интересов большинства граждан, или эти интересы не осознаются, поэтому их полезность для себя лично отмечают 4-5% опрошенных, для общества в целом – не более трети респондентов. Соответственно, по обоим критериям эти проекты находятся на 12-13 местах.

Следует особо отметить, что российские граждане считают все без исключения национальные проекты гораздо более важными для российского общества в целом (а для граждан, в обыденном понимании, это равнозначно «государству»), чем для них лично. Такое дистанцирование личных интересов граждан от интересов общества в целом нашло своё отражение и в суждениях респондентов о жизни в стране: 58% опрошенных в сентябре 2020 г. считали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей» (и это самый низкий

процент за последние 20 лет), и только 8% – что «власть заботится о жизни простых людей». Если рассматривать «Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан» как одну из основных задач национальных проектов, то лишь 17% граждан, согласно данным мониторинга, считают, что государство справляется с решением этой задачи.

Вопрос о том, какие национальные проекты являются наиболее важными для них лично и для российского общества в целом, был задан респондентам в июне 2019 г. в рамках уже упомянутого эмпирического исследования по проекту «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу...». На графике 1 представлены сравнительные результаты ответов 2019 и 2020 годов на вопрос по критерию «для себя лично», на графике 2 – «для российского общества в целом».

За год выросла оценка значимости лично для граждан проектов «Безопасные и качественные автомобильные дороги» на 11 п.п., «Цифровая экономика Российской Федерации» на 9 п.п., «Наука» – на 6 процентных пунктов. В то же время на 12 п.п. снизилась значимость национального проекта «Жильё и городская среда». В этих данных ясно прослеживается влияние COVID-кризиса, изменяющего приоритеты общественного сознания. Острота потребности в жилье и особенно в городской среде в условиях самоизоляции отошли на второй план, а понимание значимости развития цифровой экономики в условиях удаленной работы, наоборот, возросло. Динамика остальных показателей осталась в пределах ошибки выборки.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для Вас лично»)

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для всего российского общества»)

За период с июня 2019 по сентябрь 2020 г. значимо выросла оценка респондентами важности для всего российского общества нацпроектов «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на 16 п.п., «Безопасные и качественные автомобильные дороги» на 10 п.п., «Демография» на 11 процентных пунктов. Рост внимания граждан к общественной значимости проек-

тов по малому и среднему предпринимательству и по демографии понятен (кризис особенно поразили малый и средний бизнес, а для демографической политики большую роль играют трудовые мигранты, число которых в РФ за истекший период, по данным статистической отчетности МВД России по состоянию на 30 сентября 2020 года, снизилось почти на четверть по сравнению с сентябрем прошлого года).

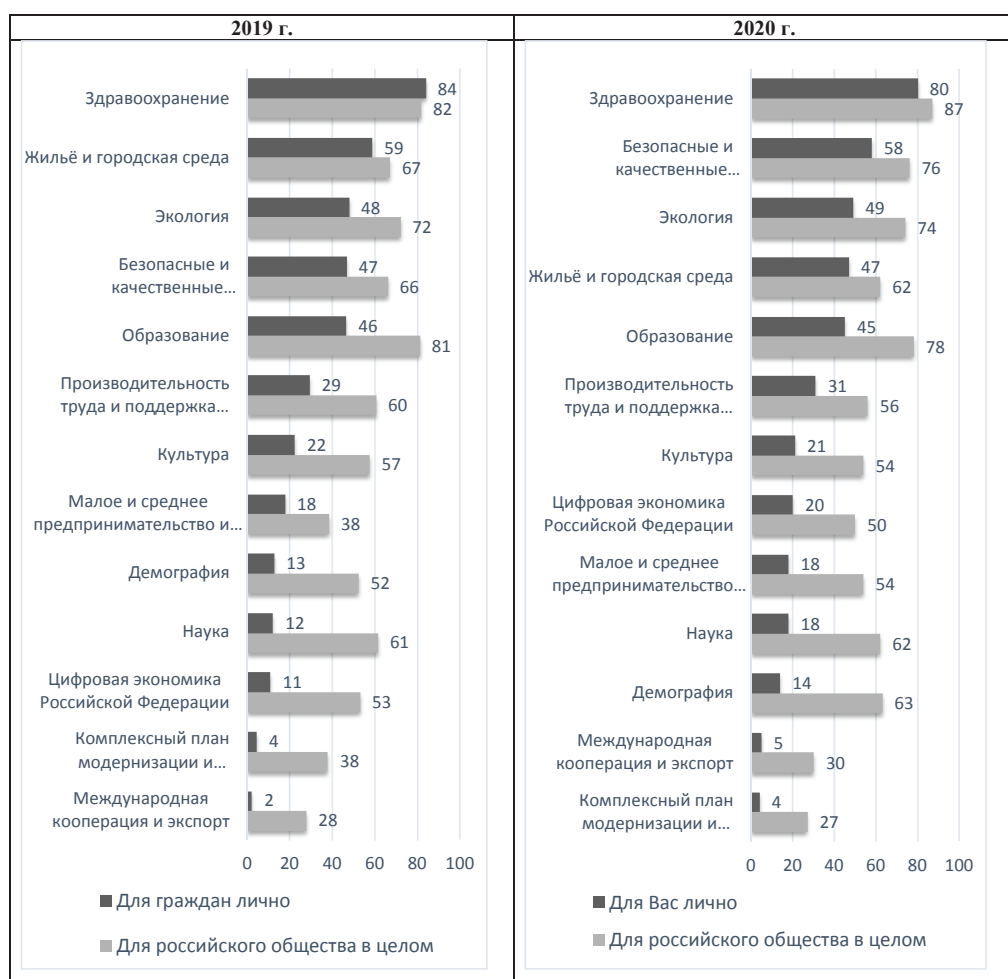

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?»

Отметим примерно равный прирост значимости проекта по безопасным и качественным автомобильным дорогам для граждан лично и для всего общества (10-11 п.п.). Наболевшая тема уже не подвержена влиянию даже таких существенных факторов, как коронавирусная инфекция. Небольшие колебания оценок важности проекта «Здравоохранение» также несущественны на фоне предельно высокого уровня его оценки и для общества, и лично для граждан, причем снова независи-

мо от проявившегося лишь в начале 2020 г. COVID-кризиса. Это также чрезвычайно острая тема общественных обсуждений.

Для наглядности на рисунке 3 представлены результаты опросов раздельно по годам, за 2019 и 2020 годы. Определенный интерес может представлять также сравнение оценок респондентов важности национальных проектов в 2020 году с процентом освоения средств на их реализацию к октябрю 2020 года (см. рис. 4).

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» в сравнении со степенью исполнения федерального бюджета по национальным проектам на 01.10.2020 (РФ, % от числа опрошенных; % исполнения расходов федерального бюджета РФ на реализацию национальных проектов в январе-сентябре 2020 года, ранжировано по % исполнения бюджетов)

Как видим (и расчеты это подтверждают), строгой зависимостью уровня признания респондентами важности национальных проектов как для общества, так и лично для граждан, от уровня освоенных на эти проекты средств пока не наблюдается. Как уже было отмечено, для признания важности проектов не только

для общества, но и для граждан, для обеспечения включенности граждан в процесс реализации национальных проектов необходимы социальная адресность и содержательная конкретность информирования о них, а также обязательная обратная связь между гражданским обществом и социальным государством [3].

Библиографический список

1. Салин, П. Б. Информационное сопровождение реализации нацпроектов как фактор стабилизации политсистемы // Власть. 2020. Т. 28, № 5. С. 53-58. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7570.
2. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: [монография] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М. : Перспектива, 2020. 64 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020. ISBN 978-5-88045-463-1.
3. Ежов, Д. А. Особенности восприятия образа национальных проектов 2019-2024 в условиях динамики уровня доверия к власти // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 22-24 DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0003.

Дата поступления в редакцию: 22.01.2021.

Принята к печати: 12.02.2021.

Сведения об авторе:

Новоженина Ольга Петровна, старший научный сотрудник,
Центр стратегических социальных и социально политических исследований,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: olganov@yandex.ru
AutorID РИНЦ: 743485

O. P. Novozhenina¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

NATIONAL GOALS AND OBJECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE OPINIONS OF CITIZENS

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00013

Abstract. The need to develop and implement national goals and national development projects of the Russian Federation was caused by the actual slowdown in the country's economic development due to objective circumstances of a global scale, the epidemiological situation, challenges and threats of a socio-political and foreign policy nature. Decrees of the President of the Russian Federation No. 204" On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024 "dated May 7, 2018 and No. 474" On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030" dated July 21, 2020 formulated and then clarified and adjusted the range of strategic goals and priorities, the solution of which will provide a way out of the crisis. Achieving these goals requires significant additional resources – financial, organizational, labor, management, and rethinking management approaches. A necessary

condition for the implementation of the stated goals is the awareness of citizens of their importance and conscious participation in their implementation. And this, in turn, requires some work on the part of society and the state, aimed at fully informing citizens about the strategic goals and objectives of the development of the Russian Federation and forming in the public consciousness an innovative and change-resistant attitude to the need to solve the tasks set for both society and each of the citizens, since national goals and projects not only provide guidelines for economic development, but can also serve as a basis for consensus of the interests of civil society and the state.

Keywords: national goals, national projects, strategic objectives, civil society, social state

For citation: Novozhenina O. P. (2021) National goals and objectives of the development of the Russian Federation in the opinions of citizens. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 45-57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4

References

1. Salin P. B. (2020). Information support for the implementation of the national projects as a factor of stabilization of the political system. *Vlast'*. Vol. 28, No 5. P. 53-58. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7570.
2. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. (2020). *Ehkspress-informatsiya. Kak zhivesh', Rossiya? 50 etap sociologicheskogo monitoringa, avgust-sentuabr' 2020* [Express information "How are you, Russia?", 50th stage of the sociological monitoring, August-September 2020]. Executive editor V. K. Levashov. M. : Perspektiva publ. 64 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020. ISBN 978-5-88045-463-1.
3. Ezhov D. A. (2020). Features of perception of the image of national projects 2019-2024 in conditions of dynamics of level trust in the government. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ehkonomika i upravlenie*. Vol. 9, No 4 (33). P. 22-24. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0003.

The article was submitted on January 22, 2021.

Accepted on February 12, 2021.

Information about the author:

Olga P. Novozhenina, Senior Researcher, Center for strategic social and socio-political research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: olganov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3511-0384

ResearcherID (Web of Science): R-5132-2019

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.5
УДК 324

Е. Ю. Берёзкина¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия

ГЕНДЕРНАЯ ТЕМА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ В 2019 г.: ДИСКУРС В СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации гендерных тем в политическом дискурсе популистских партий Италии и их лидеров. На основе проделанного качественного и количественного контент-анализа текстов и комментариев представителей политических партий в средствах массовой информации, их публикаций на официальной странице персоны в Facebook, а также текстах политических программ партий, участвовавших в выборах в Европейский парламент в 2019 г., выявляются основные гендерные темы современного итальянского общества. Автор анализирует также общую представленность женщин в избирательных списках и количество прошедших в качестве депутатов в Европарламент по итогам голосования. Основная задача – выявить, насколько гендерные темы отражены в выступлениях политиков и политических программах партий, определить актуальность данной тематики. Эмпирической базой исследования выступают публикации в СМИ, на личных страницах лидеров партий в Facebook, а также тексты политических программ итальянских популистских партий. Исследование показало, что гендерные темы не являются доминирующими в дискурсе итальянских популистов: они преимущественно сопровождают и дополняют высказывания политиков на экономические темы и темы финансовой поддержки разных групп населения. В то же время, включение женщин в списки кандидатов обусловлено требованием законодательства, а не потребностью общества. Таким образом, показан формальный подход к освещению гендерной проблематики и освещена проблема внедренных квот на присутствие женщин в Парламенте. Результаты исследования могут быть использованы в качестве вспомогательного материала при изучении особенностей итальянского популизма.

Ключевые слова: популизм, популистские партии, гендерные вопросы, выборы, гендерное равенство, избирательная кампания, Италия.

Для цитирования: Берёзкина Е. Ю. Гендерная тема в избирательных кампаниях итальянских популистских партий на выборах в Европарламент в 2019 г.: дискурс в СМИ и социальных сетях // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 58-68. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.5

Введение. Вопросы гендерного равенства и степень включенности женщин в различные сферы деятельности входят в число наиболее актуальных проблем. Обеспечение женщинам равных с мужчинами шансов на участие в политической жизни является требованием современной демократии, что особенно ярко проявляется в странах Европейского Союза, к которым относится Италия.

В то же время в итальянской политике с 2013 г. растет влияние таких политических сил, которые принято относить к популистским. Согласно гипотезе, популистские течения в Италии неоднородны, есть представители «правого» популизма, есть «левые» популисты», которые должны предлагать решать одни и те же проблемы разными способами. Именно поэтому становится актуальным изучение отражения гендерных тем в дискурсе итальянских политиков во время одной из последних избирательных кампаний – на выборах в Европейский парламент в 2019 г.

Главной задачей данной работы стал анализ включенности женщин в политическую жизнь Италии в качестве активных участников – кандидатов в депутаты, депутатов Европейского парламента и как объекта внимания итальянских политиков-популистов. Предмет исследования – анализ участия женщин Италии в политической жизни во время избирательной кампании в Европейский парламент в 2019 г. Объект исследования – участие женщин-политиков в избирательной кампании и гендерные вопросы в высказываниях лидеров итальянских популистских партий.

В российской историографии к гендерным темам в политическом дискурсе обращаются Н. М. Великая,

Е. А. Князькова [1], О. А. Воронина [2], однако, эти работы посвящены России. Несколько шире проблематику охватывают такие авторы как Ф. Сакка [3], Л. Массидда [3], С. Л. Де Ланге и Магге [4], Е. Коватс [5]. Но новые избирательные циклы и развитие политической жизни страны предполагают дальнейшее изучение проблематики для актуализации знаний и получения более новых результатов наблюдений.

Методы исследования: сужение рамок исследования до анализа политического дискурса необходимо, т.к. в публичных заявлениях политиков во время избирательной кампании наиболее ярко проявляются идеологические элементы, продвигающие интересы различных социальных групп [6]. Связь политики и гендерной проблематики, формирование идеологических установок отражается в политическом дискурсе, поскольку он оказывает влияние на формирование общественных норм и ценностей. [1, с. 27].

Фокус исследования в этой статье концентрируется на участии популистских партий, к которым относятся Lega Salvini Premier, Movimento 5 stelle, Forza Italia и Fratelli d'Italia.

Работа делится на две смысловые части – анализ партийных списков на предмет гендерного разнообразия и состав итальянского представительства в Европейском парламенте, а также анализ дискурса политических партий и их лидеров с помощью критического контент-анализа публикаций в СМИ и Facebook в период с 18 апреля по 25 мая 2019 г. Выбор гендерно-значимых тем был сделан на основе исследования отражения гендерных тем в политических программах итальянских популистских

партий, проведенного в Tuscia University [4], также использовались исследования, посвященные особенно-стям «правого популизма» [5; 6].

Особенность Европейского парламента в том, что он состоит не из национальных делегаций депутатов каждой страны-участницы, а формирует транснациональные образования, основанные на политической принадлежности каждой группы. В каждом образовании должно быть не менее 25 депутатов, избранных не менее, чем в четверти государств-членов Европейского союза.

Выборы в Европарламент состоялись 26 мая 2019 г. Согласно итальянским законам, в выборах могли принять участие все граждане, достигшие 18 лет, зарегистрированные в качестве избирателя в списках своего муниципалитета. В процессе выбора кандидатов для представления интересов страны в Страсбурге, использовалась пропорциональная система распределения голосов. Граждане могли выбрать до 3х кандидатов из своего избирательного округа, при этом было запрещено отдавать голос кандидатам одного и того же пола (нельзя было отметить 3х мужчин или 3х женщин)¹. Избирательный закон для выборов в общеевропейский парламент регулирует представленность в списках кандидатов женщин и мужчин, именно это стимулировало итальянские политические партии к поиску и выдвижению женщин-кандидатов².

До 17 апреля 2019 г. партии-участники должны были зарегистрировать списки кандидатов, а с 18 апреля

по 25 мая проходила избирательная кампания. Эта кампания примечательна тем, что избираясь в Европейский парламент кандидаты в своих выступлениях и программах акцентировали внимание на внутренних проблемах страны. Особенно ярко эта особенность проявилась в дискурсе популистских партий в СМИ и социальных сетях.

Соотношение женщин и мужчин в партийных списках и Европарламенте. В Италии выделяется 5 избирательных округов: северо-западный (регионы: Пьемонт, Валь д' Аоста, Лигурия, Ломбардия), северо-восточный (регионы: Венето, Трентино Альто Адидже, Фриули Венеция Джулия, Эмилия Романья), центральный (Тоскана, Умбрия, Марке, Лацио), южный (Абруццо, Молизе, Кампания, Апулия, Базиликата, Калабрия) и островной (Сицилия, Сардиния).

Партия Маттео Салвини – Lega Salvini Premier – выставила кандидатов, имеющих опыт административной работы, что дало ему преимущество. Среди кандидатов от Lega оказалось почти 50% женщин, среди которых бывший мэр Бергамо Хайди Андреина (Heidi Andreina), Алессандра Каппеллари (Alessandra Cappellari), Джанна Ганча (Gianna Gancia), ранее возглавлявшая провинцию Кунео в Пьемонте Лаура Молтени (Laura Molteni). Всего 35 женщин из 72 кандидатов³.

Партия Movimento 5 Stelle кандидатов отбирала с помощью голосования на платформе «Руссо» (piattaforma Rousseau). Таким образом было выбрано 76 кандидатов, из них женщин – 44⁴. При этом лидер

¹ Berlino A. Elezioni Europee, tutte le liste e i candidati all'Europarlamento // Today. 25.03.2019.

URL: <https://u.to/5asbGw> (дата обращения: 01.02.2021).

² Fracchilla A. Europee, il caso 'rosa' «Donne candidate solo come reimposta» // La Repubblica. 13.04.2019. URL: <https://u.to/bKwbGw> (дата обращения: 01.02.2021).

³ Girardi A. Elezioni europee 2019: i candidati della Lega e le liste per circoscrizione // Fanpage.it. 13.05.2019. URL: <https://u.to/BK0bGw> (дата обращения: 05.02.2021).

⁴ Ritzzuti S. Elezioni europee 2019: i candidati del Movimento 5 Stelle e le liste per circoscrizione // Fanpage.it. 06.05.2019. URL: <https://u.to/z60bGw> (дата обращения: 05.02.2021).

партии Луиджи Ди Майо в каждом избирательном округе поставил женщину во главе списков кандидатов от партии Movimento 5 Stelle. Список кандидатов северо-западного округа возглавила Мария Анжела Данци (Maria Angela Danzi), северо-восточный – Сабрина Пиньедоли (Sabrina Pignedoli), центральный – Даниэла Рондинелли (Daniela Rondinelli), южный – Мария Кьяра Джемма (Maria Chiara Gemma), островной – Алессандра Тодде (Alessandra Todde).

Партия Сильвио Берлускони Forza Italia представила 73 кандидата, из них женщин – 37⁵. Возглавляют списки двое мужчин – Сильвио Берлускони в 4х округах и Антонио Тажани (Antonio Tajani) в центральном.

Джорджа Мелони – лидер Fratelli d'Italia, которая также возглавила партию на выборах в Европарламент во всех пяти округах. Всего партия представила список из кандидатов – 72, женщин – 37⁶.

В результате выборов Италии в Европейском парламенте представляет 30 женщин из 76 парламентариев. Что касается рассматриваемых нами партий, Movimento 5 Stelle получили 10 мест в Европарламенте, Lega Salvini Premier – 29, Forza Italia – 7, Fratelli d'Italia – 67.

От Movimento 5 Stelle прошло 6 женщин: Изабелла Адинолфи (Isabella Adinolfi), Тициана Бегин (Tiziana Beghin), Лаура Феррара (Lau-

ra Ferrara), Кьяра Джемма (Chiara Gemma), Сабрина Пиньедоли (Sabrina Pignedoli), Даниэла Рондинелли (Daniela Rondinelli).

Lega представляют 15 женщин: Симона Балдассарре (Simona Baldassarre), Алессандра Бассо (Alessandra Basso), Мара Биззотто (Mara Bizzotto), Анна Бонфриско (Anna Bonfrisco), Сузанна Чеккарди (Susanna Ceccardi), Розанна Конте (Rosanna Conte), Франческа Донато (Francesca Donato), Джанна Ганча (Gianna Gancia), Елена Лиззи (Elena Lizzi), Луиза Реджименти (Luisa Regimenti), Сильвия Сардоне (Silvia Sardone), Аннализа Тардино (Annalisa Tardino), Изабелла Товальери (Isabella Tovaglieri), Лучиа Вуоло (Lucia Vuolo), Стефания Дзамбелли (Stefania Zambelli)⁸.

От Forza Italia не прошла ни одна из женщин-кандидатов, также как и Fratelli d'Italia.

Несмотря на то, что популистские партии включили в партийные списки 50% женщин, результаты выборов говорят о том, что такое гендерное разнообразие носит формальный характер – в Европарламенте от Италии всего 22,8% женщин. Женщины-кандидаты заметно менее успешны, что говорит о том, что несмотря на попытки квотирования, заключающимся в искусственном выдвижении слабых кандидатов-женщин, они не находят поддержки и обеспечивают сильным кандидатам-мужчинам гарантированную избираемость. Особенно это ярко проявляется на примере Forza Italia и Fratelli d'Italia.

Анализ дискурса в СМИ и Facebook. Политическая партия Movimento 5 Stelle свою предвыборную

⁵ Girardi A. Elezioni europee 2019: i candidati di Forza Italia e le liste per circoscrizione // Fanpage.it. 13.05.2019. URL: <https://u.to/1bIbGw> (дата обращения: 05.02.2021).

⁶ Coluzzi T. Elezioni europee 2019: i candidati di Fratelli d'Italia e le liste per circoscrizione // Fanpage.it. 12.05.2019. URL: <https://u.to/97IbGw> (дата обращения: 05.02.2021).

⁷ Список депутатов Европарламента от Италии после выборов в 2019 г. // European Parliament . URL: <https://u.to/crMbGw> (дата обращения: 05.02.2021).

⁸ Там же.

программу построила вокруг основных пунктов:

- ограничение привилегий некоторых стран в ЕС, более демократическая Европа;
- полное обеспечение рабочими местами;
- финансовая поддержка итальянских семей, в т.ч. проживающих за рубежом для увеличения рождаемости;
- сокращение вредных выбросов;
- распределение мигрантов по ЕС, а не только внутри границ Италии;
- ввести всеобщее налогообложение для всех, кто работает в Италии;
- возвращение на родину эмигрировавшей итальянской молодежи;
- защита товаров, произведенных в Италии;
- сокращение зарплаты и привилегий для европейских комиссаров;
- сокращение государственных расходов;
- увеличение инвестиций в здравоохранение, развитие инфраструктуры, безопасности без ограничений со стороны ЕС⁹.

В качестве визуального материала в своем промо-ролике используют изображения женщин разного возраста и профессий, доля «экранного» времени женщин и мужчин разных возрастов и профессий в промо-ролике примерно равны, что указывает на то, что тема гендерного равенства является одним из вопросов для решения в программе Movimento 5 Stelle.

⁹ Предвыборная программа Movimento 5 Stelle к выборам в Европарламент в 2019 г. // Money.it. URL: <https://u.to/srQbGw> (дата обращения: 06.02.2021); Промо-ролик партии Movimento 5 Stelle. URL: <https://youtu.be/h8GpduXnlTo> (дата обращения: 06.02.2021).

mento 5 Stelle. Однако при попытке отсортировать информацию на сайте партии по темам, было обнаружено, что отсутствуют теги, связанные с гендерной темой¹⁰. Это может указывать на то, что тема гендерного равенства используется партией преимущественно в избирательных кампаниях, а в межвыборный период менее актуальна.

Анализ публикаций лидера Movimento 5 Stelle Луиджи Ди Майо продемонстрировал, что гендерные темы используются в нескольких случаях:

- высказывания о детях, связанные с порицанием вовлечения детей в криминальные разборки. *Пример:* «...Continuerò a pregare per Noemi e per i suoi genitori. Questa bambina, con la sua vicenda tragica, ci mostra che la lotta a ogni genere di mafia, a ogni genere di crimine deve essere la priorità, affinché nessun bambino, nessuna persona debba più rimanere vittima di questa violenza, vittima di una ferita di guerra tra criminali. Ogni bambino, e ogni cittadino di questo Paese ha il diritto di vivere al sicuro. E tutti noi, politici e istituzioni, dobbiamo lavorare ogni giorno affinché questo diventi realtà. Un abbraccio alla piccola e alla sua famiglia. Forza. Non siete soli!»¹¹. Перевод (в пер. автора статьи): «Я продолжу молиться за Ноэми и ее родителей. Трагическая судьба этой девочки показывает нам, что борьба с мафией и любым другим криминалом должна стать нашим приоритетом, чтобы больше ни один ребенок, ни один человек больше не стал жертвой этой жестокости, жертвой криминальных разборок. Каждый

¹⁰ Официальный блог партии Movimento. URL: <https://www.ilblogdellestelle.it> (дата обращения: 06.02.2021).

¹¹ Луиджи Ди Майо Публикация в Facebook. 10.05.2019. URL: <https://u.to/dLkbGw> (дата обращения: 07.02.2021).

ребенок и каждый гражданин нашей страны имеет право на безопасность. Обнимаю малышку и ее семью. Вперед! Вы не одни!»;

– речь о необходимости обеспечения равных правах женщинам. *Пример: «...Ma a Verona non ci sono andato comunque. E sapete perché? Perché il problema è che lì, la madre, non è considerata una donna! Il problema è che lì c'è chi vuole negare i diritti degli altri. Diritti conquistati con battaglie durate anni. Queste libertà non possono essere messe in discussione per ideologia. Uno può essere contrario all'aborto e non praticarlo, ma mettere in discussione la libertà individuale su questo punto è inaccettabile. <...> Pensiamo piuttosto a dare incentivi alle giovani coppie, pensiamo agli sgravi fiscali per le famiglie monoreddito con più figli a carico, ad aiutare le mamme a conciliare tempi di vita e di lavoro.*

La famiglia non è un palco, né una piazza, è una cosa seria. E la politica ha un altro compito: oltre quello di parlare e organizzare congressi, deve risolvere i problemi!»¹². Перевод (в пер. автора статьи): «...Но в Вероне всё не так. И знаете почему? Проблема в том, что там мать не считается женщиной. Проблема в том, что там есть те, кто хочет оспаривать права других. Права, завоеванные годы назад. Эта свобода не может быть оспорена в рамках идеологии. Кто-то может выступать порте аборт и не делать их, но выносить на обсуждение индивидуальную свободу по этому вопросу недопустимо. Мы думаем о введении пособий молодым семьям, хотим снизить налоговую нагрузку для многодетных семей и помочь матерям сочетать работу и жизнь.

Семья – это не сцена, не площадь, а серьезная вещь. И политики

должны разговаривать, организовывать конгрессы, должны решать проблемы!

– часть официального поздравления с Днем матери. *Пример: «...Le famiglie non possono più aspettare ed è quello che ho ripetuto ieri ad un incontro con il Forum della Famiglia: dimezzamento delle rette degli asili nido; sconti sui pannolini, sulla baby sitter; soldi a chi fa figli, con la proposta di dare ai genitori un assegno unico mensile. <...> Il gender pay gap, cioè la disparità salariale tra uomo e donna in Italia è altissima. Nel nostro Paese c'è ancora una concezione tradizionale del ruolo delle donne nella società e una visione stereotipata delle aspirazioni; c'è una cultura aziendale maschile e, purtroppo, c'è persino la maternità che contribuisce all'ampliamento del divario retributivo»¹³.*

Перевод: «... Семьи не могут больше ждать, и я повторил это на встрече Форума, посвященного семьям: семьи должны платить вдвое меньше за детский сад, получать скидки на подгузники и няня, ежемесячные выплаты семьям с детьми. <...> Разница в оплате труда женщин и мужчин в Италии очень велика. В нашей стране до сих пор существуют традиции правил поведения женщин в обществе, стереотипные ожидания от них; в компаниях процветает культура доминирования мужчин и, к сожалению, бывают случаи дискриминации женщин из-за беременности».

Темы, которые Луиджи Ди Майо использует в своих сообщениях, приведены в таблице 1.

Луиджи Ди Майо в своих выступлениях затрагивает экономические проблемы, связанные с существованием в стране гендерного неравенства. В основном упоминания касаются

¹² Луиджи Ди Майо Публикация в Facebook. 30.03.2019. URL: <https://u.to/57kbGw> (дата обращения: 07.02.2021).

¹³ Луиджи Ди Майо Публикация в Facebook. 12.05.2019. URL: <https://u.to/4LAbGw> (дата обращения: 07.02.2021).

ся экономических проблем женщин, детей и итальянских семей.

Таблица 1

**Распределение упоминаний
гендерно-значимых тем в выступлениях
Луиджи Ди Майо**

родительство	3
беременность, беременные женщины	1
усыновление	1
порнография	0
сексуальные меньшинства	0
алименты	0
традиционные семейные ценности	2
аборт, прерывание беременности	1
брак	1
развод	0
отец/отцы, отцовство	0
детский сад	1
равные права для мужчин и женщин	1
субсидии для молодых и многодетных семей	1
насилие в отношении женщин	1
материнство, мать, матери	2
мужчина, мужской	0
многодетные семьи	1
женщина	3
пособие при рождении, по уходу за ребенком	0
семья	2
работающие женщины	1
трудовые гарантии женщин	1
брачный возраст	0
трудовые права беременных женщин и молодых матерей	1
права для родителей (матерей и отцов) при приеме на работу	0
социальную поддержку одиноких родителей	1

Lega. Традиционно партия Lega выступила в качестве евроскептиков, за отмену единой валюты и пересмотра иммиграционного законодательства Евросоюза и других договоров ЕС, в том числе Маастрихтского, а также за пересмотр отношений с Россией с сохранением союза с США¹⁴.

¹⁴ Предвыборная программа Lega к выборам в Европарламент в 2019 г. // Policy Maker. 20.05.2019. URL: <https://u.to/HcEbGw> (дата обращения: 07.02.2021).

При этом сообщений, относящихся к гендерной тематике, в исследованных публикациях периода предвыборной кампании обнаружено не было. Также не было обнаружено подобных высказываний на личной странице Маттео Сальвини в Facebook (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение упоминаний
гендерно-значимых тем в выступлениях
Маттео Сальвини**

родительство	0
беременность, беременные женщины	0
усыновление (патронатные семьи)	0
порнография	0
сексуальные меньшинства	0
алименты	0
традиционные семейные ценности	0
аборт, прерывание беременности	0
брак	0
развод	0
отец/отцы, отцовство	0
детский сад	0
равные права для мужчин и женщин	0
субсидии для молодых и многодетных семей	0
насилие в отношении женщин	0
материнство, мать, матери	0
мужчина, мужской	0
многодетные семьи	0
женщина, Женские	0
пособие при рождении, по уходу за ребенком	0
молодая семья	0
семья	1
работающие женщины	0
трудовые гарантии женщин	0
брачный возраст	0
трудовые права беременных женщин и молодых матерей	0
права для родителей (матерей и отцов) при приеме на работу	0
социальную поддержку одиноких родителей (матерей и отцов)	0

Как следствие, неудивительно, что партия Маттео Сальвини, также как и партия Сильвио Берлускони, критикуется за формальный подход к

выдвижению женщин-кандидатов, используя их исключительно для соблюдения законодательства и заполнения квот – ‘*quota rosa*’. Используется выражение – *riempilista* (итал. – заполнитель, наполнитель) в отношении женщин-кандидатов от Lega¹⁵.

Forza Italia. Партия Сильвио Берлускони, как уже было сказано, критикуется за формальное включение женщин в списки кандидатов исключительно из-за обязательной квоты¹⁶, при этом выдвигаются заведомо слабые кандидаты женского пола, не способные получить достаточное количество голосов. Тем не менее, женщины-кандидаты от Forza Italia по крайней мере представлены в информационном пространстве: в частности, Дафне Мусолино (*Dafne Musolino*) дает комментарии La Repubblica относительно включенности женщин-кандидатов в работу партий.

При изучении публикаций Сильвио Берлускони в Facebook было обнаружено, что гендерная политика, вопросы прав женщин и семейных ценностей встречаются исключительно как второстепенные темы при освещении позиций Сильвио Берлускони и Forza Italia по вопросам экономического развития и финансовой поддержки итальянской молодежи (см. табл. 3).

В предвыборной программе партии Forza Italia не отражена гендерная проблематика, единственный пункт, косвенно имеющий отношение к гендерной теме – финансовая поддержка молодежи¹⁷.

¹⁵ *Fraschilla A.* Europee, il caso ‘rosa’ «Donne candidate solo come reimposta» // La Repubblica. 13.04.2019. URL: <https://u.to/A8YbGw> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Предвыборная программа Forza Italia к выборам в Европарламент в 2019 г. // Money.it. URL: <https://u.to/GsobGw> (дата обращения: 10.02.2021).

Таблица 3

**Распределение упоминаний
гендерно-значимых тем в выступлениях
Сильвио Берлускони**

родительство	0
беременность, беременные женщины	0
усыновление (патронатные семьи)	0
порнография	0
сексуальные меньшинства	0
алименты	0
традиционные семейные ценности	0
аборт, прерывание беременности	0
брак	0
развод	0
отец/отцы, отцовство	0
детский сад	0
равные права для мужчин и женщин	0
субсидии для молодых и многодетных семей	1
насилие в отношении женщин	0
материнство, мать, матери	0
мужчина, мужской	0
многодетные семьи	0
женщина, Женские	0
пособие при рождении, по уходу за ребенком	0
молодая семья	1
семья	0
работающие женщины	0
трудовые гарантии женщин	0
брачный возраст	0
трудовые права беременных женщин и молодых матерей	0
права для родителей (матерей и отцов) при приеме на работу	0
социальную поддержку одиноких родителей (матерей и отцов)	0

Fratelli d’Italia. Упоминание Fratelli d’Italia чаще других популистских партий встречается в информационном пространстве в контексте вопросов, связанных с гендерным равенством и социальными вопросами. Во многом это происходит из-за того, что партию возглавляет женщина – Джорджия Мелони, – которая возглавила партийные списки во всех 5 избирательных округах Италии на выборах в Европарламент в 2019 г. Джорджия Мелони – основной спикер партии. В избирательную

кампанию 2019 г. она больше других представителей освещала проблемы равноправия и защиты женщин и традиционных семейных ценностей (см. табл. 4). В частности, Джорджия Мелони выступала за ужесточение наказания за распространение личных интимных фото/видео¹⁸, высказывалась против усыновления однополыми парами и суррогатного материнства¹⁹.

Таблица 4
**Распределение упоминаний
гендерно-значимых тем в выступлениях
Джорджии Мелони**

родительство	2
беременность, беременные женщины	2
усыновление (патронатные семьи)	1
порнография	2
сексуальные меньшинства	1
алименты	0
традиционные семейные ценности	2
аборт, прерывание беременности	0
брак	0
развод	0
отец/отцы, отцовство	1
детский сад	0
равные права для мужчин и женщин	1
субсидии для молодых и многодетных семей	1
насилие в отношении женщин	2
материнство, мать, матери	1
мужчина, мужской	0
многодетные семьи	0
женщина, Женские (ая, ое)	4
пособие при рождении, по уходу за ребенком	1
молодая семья	0
семья	3
работающие женщины	0
трудовые гарантии женщин	1
брачный возраст	0
трудовые права беременных женщин и молодых матерей	0
права для родителей (матерей и отцов) при приеме на работу	0
социальную поддержку одиноких родителей (матерей и отцов)	0

¹⁸ Джорджия Мелони Публикация в Facebook. 01.04.2019. URL: <https://u.to/2cobGw> (дата обращения: 08.02.2021).
¹⁹ Джорджия Мелони Публикация в Facebook. 10.04.2019. URL: https://u.to/_MobGw (дата обращения: 08.02.2021).

В избирательной программе партии акцентируется внимание на экономических проблемах итальянцев (обеднение населения, безработица), Fratelli d'Italia единственные из популистов упоминают финансовую поддержку семей по праву их места рождения (il sostegno all famiglia e all natalita') и введение «общеевропейского материнского капитала» (l'introduzione del 'reddito di maternita' europeo'), льготы при устройстве на работу молодых матерей и женщин детородного возраста (incentivi all'assunzione di neomamme e donne in eta' fertile)²⁰.

Таблица 5
**Гендерные темы
в дискурсе итальянских представителей
популистских партий**

	общее количество проанализированных сообщений	кол-во релевантных упоминаний	фокус на гендерной теме	гендерная тема как второстепенная тема	вовлеченность в гендерную тематику
Movimento 5 Stelle (Луиджи Ди Майо)	230	23	5	16	10 %
Lega (Маттео Сальвини)	270	1	1	0	0,3 %
Forza Italia (Сильвио Берлускони)	95	2	2	0	2,1 %
Fratelli d'Italia (Джорджия Мелони)	132	24	16	8	18 %

Вывод. В ходе избирательной кампании в Европейский парламент в 2019 г. социальные темы, к которым относятся и гендерные вопросы, были неосновными. По дан-

²⁰ Предвыборная программа Fratelli d'Italia к выборам в Европарламент в 2019 г. // Money.it. URL: <https://u.to/j80bGw> (дата обращения: 08.02.2021).

ным исследования Университета Сиены, социальные темы занимали всего 7-14% от общего объема выступлений политиков. Результаты исследования указывают на то, что больше всего социальные вопросы освещались в выступлениях Маттео Сальвини – 17%, Луиджи Ди Майо – 10%. У Сильвио Берлускони этот показатель всего 3%, данных о процентном соотношении тем в дискурсе Джорджии Мелони не приводится²¹.

На основании проведенного контент-анализа и данных исследования Университета Сиены можно утверждать, что гендерная тема в дискурсе итальянских политиков-популистов освещена мало. Чаще всего гендер-

ные темы упоминаются в сочетании с освещением экономических проблем и финансовой поддержкой незащищенных слоев населения. Ди Майо и Мелони – лидеры по количеству использования гендерных тем в своих выступлениях, при этом Луиджи Ди Майо в большей степени выражает либеральные ценности и акцентирует внимание на роли государства при взаимодействии с семьями и женщинами. Джорджия Мелони выступает в роли защитника традиционных ценностей, также как и Ди Майо в основном говорит о финансовой поддержке и обеспечению равных с мужчинами прав, но её отличительная особенность – привлечение внимания к проблеме физического и психологического насилия над женщинами.

²¹ Elezioni europee 2019. Media Elettori Risultati. URL: <https://u.to/q80bGw> (дата обращения: 08.02.2021).

Библиографический список

1. Великая, Н. М. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России / Н. М. Великая, Е. А. Князькова // Женщина в российском обществе. 2021. № 0 (специальный выпуск). С. 25-37. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.2.
2. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / Отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М.: МАКС Пресс, 2008. 768 с. ISBN 978-5-317-02300-3.
3. Sacca, F., Massidda, L. Women and Political in Populist Times. A case study. The 2018 Italian Electoral Campaign // Russian Revolutions and Women's Issue: Ideological Heritage, Political Transformations and New Social Practices: [collection of articles] / Social-Democratic Union Women of Russia; eds. by N. M. Velikaya (executive ed.), A. A. Goloseeva and A. N. Moiseeva. М.: Kluch-S, 2018. С. 85-110. ISBN 978-5-6040535-6-0.
4. De Lange, S. L., Mugge, L. M. Gender and right-wing populism in the Low Countries: ideological variations across parties and time // Patterns of Prejudice. 2015. Т. 49, № 1-2. Pp. 61-80. DOI: 10.1080/0031322X.2015.1014199.
5. Kovats E. Questioning consensus: Right-wing populism, anti-populism, and the threat of gender ideology // Sociological Research Online. 2018. № 23(2). Pp. 528-538. DOI: 10.1177/1360780418764735.
6. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. ISBN: 5-02-026810-0.

Дата поступления в редакцию: 09.02.2021.

Принята к печати: 26.02.2021.

Сведения об авторе:

Берёзкина Елена Юрьевна, аспирант 1 года обучения,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: euproskurina@gmail.com
AutorID РИНЦ: 733398

GENDER RELATED TOPICS IN THE EUROPEAN PARLIAMENT ELECTION CAMPAIGNS OF THE ITALIAN POPULIST PARTIES IN 2019: IDEAS REFLECTION IN THE MEDIA AND SOCIAL NETWORKS

Abstract. The author studies how gender related topics are presented in the Italian populist parties and the populist political leader's discourse. Based on the qualitative and quantitative content analysis of the texts of the representatives of political parties in the media and their posts on their Facebook page, as well as the texts of political programs of political parties that participated in the elections to the European Parliament in 2019, the main gender themes of contemporary Italian society are highlighted. The second part of the paper is devoted to the analysis of women representation in the parties' election lists for the European Parliament elections. The aim of the paper is to identify how gender topics are reflected in the speeches of politicians and political programs of the parties, to determine the relevance of this topic. The empirical basis of the study are the text units (comments, articles, posts in the social media), and the texts of political programs of Italian populist political parties. According to the article gender topics are usually integrated in the themes of economy development and financial support for different groups of the population. However, the gender related themes are not dominant in the discourse of Italian populists. The established populist parties cover gender issues much less than parties-newcomers. The reason of presence of women in the lists of candidates mainly is a legal requirement, but not a public need. The research results can be used as an auxiliary material in the study of the key peculiarities of Italian populism.

Keywords: populism, populist parties, gender issues, discriminations, elections, gender equality, election campaign, Italy.

For citation: Berezkina E. Y. (2021). Gender related topics in the European parliament election campaigns of the Italian populist parties in 2019: ideas reflection in the media and social networks. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 58-68. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.5

References

1. Velikaya N. M., Knyazkova E. A. (2021). The reproductive rights of women in the political discourse of modern Russia. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. P. 25-37. (in Russ.).
2. *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov*. (2008). [Gender equality in the modern world: a role of national mechanisms]. Ed. by O. A. Voronina. M.: MAKS Press. 768 p. ISBN 978-5-317-02300-3. (in Russ.).
3. Sacca F., Massidda L. (2018). Women and Political in Populist Times. A case study. The 2018 Italian Electoral Campaign. *Russian Revolutions and Women's Issue: Ideological Heritage, Political Transformations and New Social Practices: [collection of articles]*. M.: Kluch-S. C. 85-110. ISBN: 978-5-6040535-6-0.
4. De Lange S. L., Mugge L. M. (2015). Gender and right-wing populism in the Low Countries: ideological variations across parties and time. *Patterns of Prejudice*. Vol. 49, No 1-2, P. 61-80.
5. Kovats E. (2018). Questioning consensuses: Right-wing populism, anti-populism, and the threat of gender ideology. *Sociological Research Online*. No 23(2). P. 528-538. DOI: 10.1177/1360780418764735.
6. Habermas J. (2001). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*. [Moral conscious and communicative action]. Transl. from Deutsch. Sklyadnev. SPb.: Nauka. ISBN: 5-02-026810-0.

The article was submitted on February 09, 2021.

Accepted on February 26, 2021.

Information about the author

Elena Y. Berezkina, post-graduate student,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: euproskurina@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВО ВЛАСТНЫХ СТРУКТУРАХ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И МИРА

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу гендерных особенностей социальной мобильности во властных структурах России и других стран. Под «особенностью» мы имеем в виду факт возможности и самого присутствия женщин во властных структурах по сравнению с мужчинами. Среди «других стран» в данной статье, в первую очередь, рассматриваются ведущие экономики мира, а также приводятся интересные примеры гендерных особенностей социальной мобильности в странах БРИКС и развивающихся государствах. В рамках России анализируются и сравниваются не только те властные структуры, которые являются федеральными, но и те, которые управляют регионами.

Гендерные фреймы рассматриваются не только в международном и внутрироссийском контексте, но и в исторической парадигме. Так первая часть статьи посвящена историческим этапам развития женского движения в России и в мире. Рассматривая концепцию Питирима Сорокина об источниках вертикальной социальной мобильности на тех или иных территориях, статья повествует о решении вопросов равенства относительно политических прав и свобод женщин в динамике их развития.

В статье также показывается на статистическом материале, как гендерное равенство в России утратило лидирующие позиции в мире в последние 30 лет. Сравнительный анализ с целым рядом Европейских стран наглядным образом демонстрирует, что этажи власти для женских социальных лифтов в России пока остаются «сломанными», а эффекты гендерного неравенства в политической карьере обрели не самые приятные метафоры: «липкий пол» и «стеклянный потолок».

Ключевые слова: гендер, гендерное равенство, гендерное неравенство, женские движения, власть, гендерные рамки, социальная мобильность, социальные лифты.

Для цитирования: Громова Е. И. Гендерные особенности социальной мобильности во властных структурах разных регионов России и мира // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 69-79. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.6

«Достижение гендерного равенства, и расширение прав и возможностей женщин и девочек являются незавершенной задачей нашего времени и величайшей проблемой в области прав человека в сегодняшнем мире»¹

(Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш)

Основой для статьи послужил факт того, что на преодоление гендерного неравенства направлены множественные усилия всего междуна-

родного сообщества, включая ООН, в контексте достижения 17 целей устойчивого развития (ЦУР). Следует отметить, что в рамках ЦУР за женщинами признается исключительно важная роль: большинство постав-

¹ Гендерное равенство // Официальный сайт ООН. URL: <https://u.to/7ukbGw> (дата обращения 07.02.2021).

ленных целей способствует расширению всех их прав и возможностей как в качестве цели, так и в качестве её достижения. В частности, цель № 5 ЦУР состоит в «обеспечении гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек»². Этот международный документ в очередной раз подчёркивает, что тема гендерного равенства в мире крайне важна и актуальна, поскольку до сих пор неравенство полов проявляется даже в тех организациях и странах, которые стараются быть более эгалитарными, максимально гибкими и осознанно равноправными. Другими словами, социальная мобильность, как вертикальная, так и горизонтальная, всё ещё характеризуется разными параметрами для мужчин и для женщин. В России это особенно характерно для т.н. социально-политических «лифтов»: они, как правило, застревают, не достигая верхних этажей власти.

Под социальной мобильностью мы понимаем, вслед за крупнейшим социологом прошлого века, автором теории стратификации Питиримом Сорокиным, изменение индивидом/ группой места в социальном пространстве, которое включает экономическое, политическое или профессиональное подпространства [1]. Он описывает мир в виде социальной Вселенной, заполненной социальными связями и отношениями. Все они образуют многомерную систему координат, в которой выделяются две главные оси – ось X (горизонтальная мобильность) и ось Y (вертикальная мобильность). В данной статье речь идет о вертикальной мобильности, которая получила метафоричное на-

звание «социальный лифт». Среди основных «лифтов», которые выступают в качестве каналов вертикальной мобильности, Питирим Сорокин выделял такие социальные институты как армия, церковь, институт образования, правительственные группы, политические организации, политические партии, профессиональные организации, семья и брак, СМИ. Они актуальны и по сей день. Интересно, с нашей точки зрения, то, что даже 150 лет спустя (после старта борьбы женщин за свои права в России), для мужчин и женщин эти лифты работают «по-разному», определяя место гендера в социальной стратификации.

Эта особенность гендерного «лифтинга» связана с доступностью или недоступностью целого комплекса политических, экономических и культурных ресурсов. В рамках теории Пьера Бурдьё эти ресурсы, условно, располагаются в тех самых трех социальных полях [2], которые очень близки подпространствам социальной вселенной Питирима Сорокина:

- В социально-политическом поле значимыми ресурсами выступают: а) обладание властью; б) выполнение управленческих функций; в) руководство людьми.
- В социально-экономическом поле автор называет такие ресурсы, как: а) владение собственностью, в том числе производственной; б) управление собственностью; в) доходы.
- В социокультурном поле формируются такие ресурсы, как: а) уровень образования; б) квалификация, профессия; в) самоидентификация; г) потребности; д) интересы; е) ценности.

² Цели в области устойчивого развития // Официальный сайт ООН. URL: <https://u.to/hOobGw> (дата обращения: 07.02.2021).

Если в двух последних полях сформированные ресурсы вполне доступны женщинам нашей страны исторически, то в социально-политическом поле карьерные лифты для женщин работают иначе, чем для мужчин. Этот эффект «сломанного социального лифта» для женщин разные авторы определяют, как правило, через очень говорящие метафоры: «липкий пол» и/или «стеклянный потолок» [3].

Таким образом, несмотря на то, что вопросы гендерного равенства рассматриваются в социально-политической среде на территории нашей страны уже почти 150 лет, сегодня эта тема в России вновь обретает актуальность. Этот факт не вызывает удивления, ведь страна находится в глубочайшем комплексном кризисе, который характеризуется не только финансово-экономическими проблемами, но и кризисом власти, нарастанием неконтролируемых информационных потоков через Интернет и полной сменой парадигмы коммуникаций: масочный режим, работа из дома (онлайн), социальные сети.

Почему мы говорим «вновь» и увязываем актуальность вопросов гендерной мобильности с кризисными явлениями? Активация внимания к проблемам гендерной мобильности в России неразрывно связана не просто с женским движением, а с его периодическим волновым оживлением в периоды глобальных перемен. Тем самым явлением, которое Питирим Сорокин называл флуктуацией и увязывал его с социально-политическими потрясениями [4; 5]. Интересно, что и активация проблемы женского равенства в вопросах социальной мобильности тоже приходится на эти сложные периоды тектонических сдвигов в

социально-политическом пространстве [6].

Первая волна движения женщин за равноправие (в том числе и в контексте социально-политической мобильности) зародилась в середине 1850-х гг. на фоне первого мирового экономического кризиса, который отразился и на России, проявив глубокие проблемы социально-политического характера и запустив механизм кризиса российского самодержавия в контексте сопутствовавшего ему общедемократического подъёма [7].

Этот период женского движения в России связан с благотворительной, культурно-просветительской и социальной работой. Женщины хотели и стремились проявить себя в общественной жизни. Они боролись, в первую очередь, за возможность получать высшее образование и право на труд, соответствующий данной квалификации, поскольку их имущественные права (в отличие от Англии, Франции и США) были защищены значительно лучше, чем в названных странах. О политических правах на тот момент речи не шло. Однако важно отметить, что по итогам этой борьбы в России были выделены деньги на финансирование образования для женщин. Благодаря тем женщинам, чьи усилия были направлены на получение возможности учиться, в Российской империи в то время появились женщины-преподаватели, инженеры, врачи, архитекторы и агрономы. Появились женщины-ученые, чьи имена остались навечно вписаны в историю: Мария Складовская-Кюри и Надежда Прокофьевна Сулова, которая стояла у истоков фельдшерских курсов для женщин в России, Юлия Всеволодовна Лермонтова, женщина-химик, которая

внесла неопределимый вклад в развитие нефтяной промышленности России. Многие из них были первыми женщинами в мире в своей отрасли: первая женщина-профессор математики – Софья Васильевна Ковалевская, первая женщина-аэролог – Татьяна Николаевна Кладо, первая женщина-климатолог Евгения Самойловна Рубинштейн³.

Вторая волна женского участия в политической жизни страны и самого феминистского движения также, как и в первом случае, приходится на тяжелейший социально-экономический и политический кризис времен Первой мировой войны, когда (в том числе, под давлением шествия голодающих женщин) было инициировано свержение самодержавия – предтеча социалистической революции, после которой женщины получили во многом равные права с мужчинами.

Справедливости ради, надо сказать, что шествие голодающих женщин в феврале 1917 не было связано с политической деятельностью феминисток и не сопровождалось никакими политическими требованиями. Тем не менее, в Российской империи существовали мощные женские политические движения, которые активно требовали для женщин избирательного права, а также других равных с мужчинами прав и свобод. Это были общества, союзы, лиги и даже Женская прогрессивная партия, но у них не было единой идеологии и программы действий [8]. Их мощь была столь велика, что политического равноправия, в плане женского из-

бирательного права, притесняемый гендер Российской империи добился в два этапа:

- Сначала в 1906 г. на территории Великого княжества Финляндского, которое пользовалось широкой автономией, но входило в состав Российской империи.
- 20 июля 1917 г. под давлением российских феминисток Временное правительство ратифицировало решение, позволяющее предоставлять избирательные права всем женщинам, которые достигли 21 года.

После этого Россия стала первой крупной мировой державой, в которой женщины начали голосовать наравне с мужчинами. Более того, Временное правительство за короткий срок своего существования провело целый ряд реформ, которые закрепили равноправие женщин в России [9; 10]:

- в мае был создан первый в мире женский военный батальон, что было абсолютно фантастическим и беспрецедентным событием для начала прошлого века;
- в июне женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой;
- в июне женщины были включены в состав суда присяжных;
- в августе женщинам были гарантированы равная оплата труда с мужчинами;
- и, наконец, самое главное, женщинам было гарантировано право занимать государственные должности.

Надо отметить, что уже на момент осени 1917 г. во Временное правительство входили женщины, напри-

³См. *Зубачева, К.* Пять великих женщин-ученых России // *Russia Beyond*. 14.05. 2019. URL: <https://u.to/m-AbGw> (дата обращения 09.02.2020); *Нестеренко, А.* Топ-7 женщин-ученых: первые в России // *Российское образование. Федеральный портал*. 04.03. 2016. <https://u.to/L-EbGw> (дата обращения 09.02.2020).

мер, графиня Софья Владимировна Панина, которая была заместителем министра просвещения с 14 августа того же революционного года [11].

Надо отметить, что и Совет народных депутатов, который пришел к власти в результате Октябрьской революции, ввел в свой состав женщин, среди которых была и первая в мире женщина-министр. Это была Александра Михайловна Коллонтай – символ русского феминизма и сексуальной революции, которая, вопреки сложившимся традиционным устоям, развелась с мужем, закончила высшее образование за рубежом, вошла в состав Президиума II Всероссийского съезда Советов, и 30 октября (по старому стилю) 1917 г. получила лично из рук Владимира Ильича Ленина мандат о полномочиях министра социальной защиты или, как звучало это тогда, народного комиссара общественного призрения.

Надо отметить, что в тяжелые годы после гражданской войны и голода женщины России сыграли огромную роль в восстановлении народного хозяйства. Они не только лечили, учили, строили, но и управляли крупными стройками, заводами, стояли на передовой научного знания, например, Зинаида Виссарионовна Ермольева – «госпожа Пенициллин» – одна из родоначальниц отечественной микробиологии; Лина Штерн – первая женщина-академик СССР, приехавшая в 1925 г. в страну, будучи профессором Женевского университета, по приглашению, чтобы возглавить кафедру физиологии; Ольга Александровна Ладыженская – выдающийся математик и другие.

Когда во всем остальном мире разворачивалась активная борьба женщин за свои права, в России жен-

щины многие годы были вне поля тех проблем, которые волновали всех женщин мира: равные с мужчинами права на образование, работу, право голосования и т.п. СССР все это дало женщинам и более того, были учтены и чисто женские потребности, такие как: декретный отпуск, сохранение рабочего места по уходу за ребенком, обеспечение детей местами в учреждениях дошкольного воспитания и системой продленного дня в школах для того, чтобы женщины могли спокойно работать. Практически не существовало профессий, в которых не было бы места женщинам. Этому способствовала и трагедия Великой Отечественной войны (Вторая мировая война), когда женщины были вынуждены заменить мужчин, ушедших на фронт, на всех тыловых работах, включая самые тяжелые в физическом смысле. Всего этого не было в других странах.

Следует отметить, что в состав коллегиального органа государственной власти СССР – Президиума Верховного Совета, который был заменен в 1989 г. постом единоличного главы государства – Председателя Верховного совета СССР, а затем и Президента, начиная с момента его создания (1938 г.), входили выдающиеся женщины: Надежда Крупская, Клавдия Николаева, Анна Панкратова, Екатерина Фурцева, Ёдгор Насрединова, Турсуной Ахундова, Зоя Пухова, Валентина Терешкова, Римма Гаврилова, Екатерина Мухина. Фактически, женщины участвовали в управлении страной на самом высоком уровне. Это было характерно также для ГДР и Польской народной республики, где в коллегиальный орган управления государством входили женщины.

Другая картина наблюдалась в развитых капиталистических стра-

нах. Так, например, в Англии – родине феминизма, где зародилось само движение суфражисток (от англ. Suffrage – «голос, право голоса») еще в самом начале XIX в., женщины получили избирательное право уже в 1918 г. Однако это право было дано не всем женщинам, а только дамам старше 30 лет, которые являлись главой семейства или состояли в браке с главой семейства, либо окончили университет. Только в 1928 г. женщины Великобритании получили равные избирательные права с мужчинами.

В США женщины боролись за избирательные права сложно и долго. И несмотря на то, что в 1920 г. была принята специальная XIX поправка к Конституции, её ратифицировали не все штаты страны, а только 36. В отдельных штатах ратификация этого женского права на голосование затянулась на долгие годы⁴:

- в 1923 г. приняли поправку Вермонт, Коннектикут, Делавэр и ряд штатов на юге страны;
- в 1941 г., уже спустя 18 лет, штат Мэриленд;
- ещё через 11 лет, в 1952 г. штат Вирджиния;
- в 1953 г. присоединилась Алабама;
- в 1969 г. штаты Флорида и Южная Каролина;
- в 1972 г. Джорджия, Северная Каролина и Луизиана;
- в 1984 г., уже 64 года спустя, ее ратифицировали в штате Миссисипи, после того как поправка была принята на национальном уровне.

Фактически в США часть штатов согласилась с правом участия

⁴ Памятка женского избирательного права, США. URL: <https://u.to/i-YbGw> (дата обращения 07.02.2021).

женщин в выборах лишь под давлением третьей волны активности мирового женского движения, которая пришла на 60-е годы XX в., когда женщины многих стран получили право участвовать в голосовании, равные права на образование и работу. Именно в это время появляются женщины – Главы государств и правительств. Самой первой женщиной в мире, которая заняла пост Главы правительства в 1960 г., стала Сиримава Бандаранаике – Премьер-министр Цейлона. Первая женщина, занявшая пост президента страны – это Изабель Мартинес де Перон из Аргентины, которая в 1974 г. как вице-президент, после смерти мужа заняла пост президента. Первая женщиной, избранная президентом страны – Вигдис Финнбогаттир, уроженка Исландии, победила на президентских выборах 1980 г.⁵

Четвертая волна феминизма, которая охватила мир в 90-е гг. XX в., дала возможность женщинам в большинстве стран мира не только избирать, но и быть избранными, а также занимать должности на руководящих постах в правительствах городов и стран. Социально-политические «лифты» заработали для женщин во многих странах мира. Однако по сей день сохраняется проблема разницы заработных плат. Во многих странах женщины получают значительно меньшую заработную плату за тот же произведенный труд. В России разрыв в оплате труда мужчин и женщин тоже довольно высок. Его средний показатель – 0,648, что означает разницу почти на 35%. При этом, чем ниже социальный слой и менее квалифицирован труд, тем больше раз-

⁵ Список избранных и назначаемых глав государств и правительств женщин. URL: <https://u.to/VfcbGw> (дата обращения 07.02.2021).

рыв⁶. Получается, что деньги не являются в этом смысле мерой труда, а представляют из себя, в том числе, меру гендерного равенства.

Анализируя данные относительно вертикальной мобильности в социально-политическом поле, мы выяснили, что до сбалансированного гендерного равенства карьерных «лифтов» еще достаточно далеко, хотя, безусловно, XXI в. – это век торжества феминизма. Во всяком случае, мировое сообщество движется в этом направлении, хотя и неравномерно. Как обычно, есть лидеры и отстающие [12].

До сегодняшнего дня в 87 странах мира женщины возглавляли правительства или были главами государств. Из них 23 являются избранными или назначенными руководителями стран сегодня, а также еще 5 (3 – в Швейцарии и 2 – в Судане) являются членами коллегиальных глав государств и правительств и еще 4 главами государств в чине Генерал-губернаторов, представляющих королевских особ на зарубежных территориях. Таким образом, 32 женщины управляют странами в настоящий момент (на начало 2021 г.). Членов правительства разных стран, конечно, значительно больше⁷.

Премьер-министр Канады Джастин Трюдо впервые создал кабинет с равной долей мужчин и женщин, мотивировав это тем, что на дворе уже 2015 г.⁸

Самым «женским» правительством на сегодняшний день можно

однозначно признать руководство Финляндии. В конце 2019 г. кресла в кабинете министров Финляндии заняли 7 мужчин и 12 женщин. В каком-то смысле очевидный гендерный дисбаланс в пользу женщин шокировал мировую общественность и политические круги. Однако для Финляндии этот факт – абсолютно естественный ход событий. В этой Северной стране для женщин в политике нет ни «липкого пола», ни «стеклянного потолка». В одном из своих воспоминаний министр образования Финляндии Ли Андерсон, которой сейчас 33 года, говорит: *«Если посмотреть на то, как это было, пока я росла, то в то время президентом Финляндии была Тарья Халонен. Она была иконой, по крайней мере, для тех, кто занимался политикой. Тогда в Финляндии дети могли спросить родителей, возможно ли, чтобы президентом стал мужчина, потому что они привыкли видеть женщину-президента»*⁹. Тарья Халонен, безусловно, заслуживает такой оценки. Она правила страной 12 лет (2000–2012), и за это время Финляндия полностью изменилась: вырос уровень образования, доверия к власти, уровень жизни, уровень счастья в стране, в том числе поменялся и международный имидж государства. Из маленькой, мало кому известной страны, она превратилась в лидера по инновациям и уровню образованности граждан. В целом, страна под её руководством совершила колоссальный прорыв, что ставит её в один ряд с такими женщинами-руководителями стран как: Маргарет Тэтчер (премьер-министр Великобритании), Индира Ганди (премьер-министр Индии), Ангела Меркель (канцлер Германии).

⁶ Страновой отчет о гендерном разрыве: Россия – 2018 // The World Economic Forum. URL: <https://u.to/3fGbGw> (дата обращения 07.02.2021).

⁷ Памятка женского избирательного права, США. URL: <https://u.to/i-YbGw> (дата обращения 07.02.2021).

⁸ *Прасад, Р.* В кабинете Джо Байдена белые мужчины составляют только треть. Почему это важно // BBC: Русская служба. 21.01.2021. URL: <https://u.to/FPwbGw> (дата обращения 09.02.2021).

⁹ *Виноградова, А.* Так привычнее: почему Финляндией правят женщины // Газета.ру. 16.12.2019. URL: <https://u.to/RPsbGw> (дата обращения 09.02.2021).

Россия, к сожалению, за последние 30 лет не может похвастаться хорошо работающим социально-политическим «лифтом» для женщин. Сегодня еще далеко до достижения сбалансированного участия и женщин, и мужчин в принятии политических и общественных решений в Российской Федерации. Изданный в октябре 2019 г. отчет о лучших европейских практиках самым наглядным образом демонстрирует проблемы вертикальной мобильности в социально-политическом поле. Об этом свидетельствуют и низкие уровни представительства женщин на руководящих должностях по показателям GGI (123 место из 149 государств) и GII (0,257, где максимум 1,00)¹⁰.

Надо отметить, что и на выборах должностях, в частности, в нижних палатах парламентов государств – членов Совета Европы, куда входит 47 государств, к концу 2019 г. Россия оказалась лишь на 5 месте с конца этого рейтинга (по данным Межпарламентского союза 2019):

- 6 стран превысили порог целевого показателя женского членства в 40%, среди них: Андорра (50,0%), Испания (47,4%), Швеция (47,3%), Финляндия (47%), Бельгия (42,7%) и Норвегия (40,8%);
- 15 государств не достигли 40%, но превысили 30% членства женщин в нижних палатах своих парламентов;
- В 17 странах Совета Европы 20–29% представителей, из-

бранных в нижние палаты парламента, были женщинами;

- Только в 9 странах гендерное равенство можно поставить под сомнение, поскольку членство женщин в нижних палатах их парламентов не достигло и 20%: Кипр (17,9%), Греция (18,7%), Турция (17,5%), Российская Федерация (15,8%), Азербайджан (16,8%), Грузия (14,8%), Лихтенштейн (12%), Мальта (11,9%) и Украина (11,6%).

Еще 11 стран за пределами региона СЕ достигло порога 40% – это Руанда (61,25%), Боливия (53,1%), Куба (53,2%), Мексика (48,2%), Гренада (46,7%), Намибия (46,1%), Коста-Рика (45,6%), Южная Африка (45,7%), Никарагуа (44,6%), Сенегал (41,8%) и Новая Зеландия (40,8%).

В Верхних палатах парламентов гендерное неравенство более явно, хотя в России в состав Совета Федерации (Верхняя палата) входит 33 женщины-сенатора, что составляет около 20% состава, с учетом Валентины Ивановны Матвиенко, которая возглавляет этот законодательный орган с 2011 года¹¹.

Наш анализ также показал, что среди руководителей 85 регионов страны на настоящий момент представлена только одна женщина – Наталья Владимировна Комарова, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, которая возглавляет его с 01.03.2010 г.¹²

Изучив официальные сайты региональных правительств, мы выяснили, что среди заместителей Председа-

¹⁰ Хоаре, Дж. Достижение сбалансированного участия женщин и мужчин в принятии политических и общественных решений в российской федерации. Отчет о лучших европейских практиках / Дж. Хоаре, М. Муравьева // Council of Europe: [сайт]. Октябрь 2019. URL: <https://u.to/av0bGw> (дата обращения 09.02.2021).

¹¹ Сенаторы РФ // Совет Федерации: [сайт]. URL: <https://u.to/UP4bGw> (дата обращения 09.02.2021).

¹² Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Уральском Федеральном округе. URL: <https://u.to/Qf8bGw> (дата обращения 09.02.2021).

дателей региональных правительств и вице-губернаторов женщины составляют только 21%. Следует отметить, что положение женщин в верхних эшелонах власти неравномерно распределено по стране. Есть регионы, где женщины «замы» составляют почти 50%. Они относятся к Северо-Западному Федеральному округу, где исключение составляет Санкт-Петербург, и к Республике Крым. Самое незначительная доля женщин руководителей высшего звена – в Северо-Кавказском федеральном округе (3 из 55). Интересно, что женщин-министров в региональных правительствах

уже больше, а чиновников-женщин, в целом даже больше, чем мужчин.

Таким образом, становится очевидным, что, к сожалению, Россия утратила свои лидирующие позиции гендерного равенства в области вертикальной социальной мобильности, характерные для советского периода. Сегодня структура женского участия в социально-политическом поле России похожа на пирамиду, где вертикальная мобильность крайне затруднена и, в отличие, например, от Финляндии пол в этой пирамиде «липкий», а потолок «стеклянный».

Библиографический список

1. *Сорокин, П. А.* Социальная стратификация и мобильность. М. : Директ-Медиа, 2007. 346 с. ISBN 978-5-94865-910-7.
2. *Бурдые, П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр., ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей, 2005. 576 с. ISBN 5-89329-761-X.
3. *Ильиных, С. А.* Гендерный фактор в карьере: «стеклянный потолок» и/или топ-менеджмент // *Materiály X mezinárodné vědecko-praktické conference. «Efektivní nastroye moderních věd – 2014».* Praha: Publishing House «Education and Science», 2014. С. 84–91.
4. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ., ред. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 542 с. ISBN 5-250-01297-3.
5. *Буланова, М. Б.* П. Сорокин: уроки революции как «социального бедствия человечества» // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2017. № 4/1. С. 50-56.
6. *Великая, Н. М.* Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России / *Н. М. Великая, А. А. Голосеева, Н. И. Белова, А. А. Хохлов.* М. : Ключ-С, 2016. 224 с. ISBN 978-5-906751-57-7.
7. *Юкина, И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетей, 2007. 539 с. ISBN 978-5-903354-21-4.
8. *Стайтс, Р.* Феминистское движение и большевики: Февральская и октябрьская революция 1917 года // *Гендерная реконструкция политических систем: сборник статей / под ред. Н. М. Степановой, М. М. Кириенко, Е. В. Кочкиной.* СПб. : Алетей, 2004. С. 300-318. ISBN 5-89329-613-3.
9. *The Russian Provisional Government, 1917.* In 3 vols. Vol. 1. / Ed. by R. Browder, A. F. Kerensky. Stanford, 1961. 477 с.
10. *Бочкарева, М. Л.* Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы : В записи Исаака Дон Левина. М. : Воениздат, 2001. 444 с. ISBN 5-203-01909-6.
11. *Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956).* Материалы Международного научного colloquium (Москва, 29-31 мая 2011 г.) / Сост. М. Ю. Сорокина ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. М. : Белый ветер, 2012. 271 с. ISBN 978-5-905714-06-1.

12. Великая, Н. М. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России / Н. М. Великая, М. Ю. Милованова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 127-129.

Дата поступления в редакцию: 09.02.2021.

Принята к печати: 26.02.2021.

Сведения об авторе:

Громова Евгения Игоревна, Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия.
e-mail: jennygrom@gmail.com

E. I. Gromova¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

GENDER FEATURES OF SOCIAL MOBILITY IN POWER STRUCTURES OF DIFFERENT REGIONS OF RUSSIA AND THE WORLD

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of gender characteristics of social mobility in the power structures of Russia and other countries. By “peculiarity” we mean the fact of the possibility and the very presence of women in power structures in comparison with men. Among the “other countries”, this article primarily examines the leading economies of the world, and also provides interesting examples of gender characteristics of social mobility in the BRICS countries and developing countries. Within the framework of Russia, not only those power structures that are federal, but also those that govern the regions are analyzed and compared.

Gender frames are considered in the article not only in the international and domestic Russian context, but also in the historical paradigm. So the first part of the article is devoted to the historical stages of the development of the women's movement in Russia and in the world. Considering the concept of Pitirim Sorokin about the sources of vertical social mobility in certain territories, the article tells about the solution of issues of equality regarding the political rights and freedoms of women in the dynamics of their development.

The article also shows, using statistical material, how gender equality in Russia has lost its leading position in the world over the past 30 years. Comparative analysis with a number of European countries clearly demonstrates that the levels of power for women's social lifts in Russia are still “broken”, and the effects of gender inequality in political careers have found not the most pleasant metaphors: “sticky floor” and “glass ceiling”.

Keywords: gender, gender equality, gender inequality, women's movements, power, gender frames, social mobility, social elevators.

For citation: Gromova E. I. (2021) Gender features of social mobility in power structures of different regions of Russia and the world. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 69-79. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.6

References

1. Sorokin P. A. (2007). *Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost'*. [Social stratification and mobility]. M. : Direct-Media. 346 p. ISBN 978-5-94865-910-7. (In Russ.).
2. Bourdieu P. (2005). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. [Espace social: champs et pratiques]. Transl. from fr. and ed. by N. A. Shmatko. SPb. : Aleteya; 576 p. ISBN 5-89329-761-X. (In Russ.).
3. Ilinykh S. A. (2014). Gender factor in a career: “glass ceiling” and/or top management. *Materiály X mezinárodní vědecko-praktické konference. «Efektivní nastroye moderních věd – 2014»*. Praha : Publishing House «Education and Science». Pp. 84–91. (In Russ.).
4. Sorokin P. A. (1992). *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo*. [Man. Civilization. Society]. Transl. from eng. and ed. by A. Yu. Sogomonov. M. : Politizdat. 543 p. ISBN 5-250-01297-3. (In Russ.).

5. Bulanova M. B. (2017). P. Sorokin. Lessons of revolution as a “social disaster of humanity”. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No (4/1). P. 50-56. (In Russ.).
6. Velikaya N. M., Goloseeva A. A., Belova N. I., Khokhlov A. A. (2016). *Mestnoe samoupravlenie: kachestvo vlasti i kachestvo zhizni v malykh i srednikh gorodakh Rossii*. [Local government: the quality of government and the quality of life in small and medium-sized cities of Russia]. M. : Klyuch-S. P. 224. ISBN 978-5-906751-57-7. (In Russ.).
7. Yukina I. I. (2007). *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti*. [Russian feminism as a challenge of our time]. SPb. : Aletheya. 539 p. ISBN 978-5-903354-21-4. (In Russ.).
8. Stites R. (2004). The Feminist Movement and the Bolsheviks: The February and October Revolution of 1917. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem: sbornik statei*. [Gender reconstruction of political systems: Collection of articles]. Ed. by N. M. Stepanova, M. M. Kirienko, E. V. Kochkina. SPb. : Aletheya. P. 300-318. ISBN 5-89329-613-3. (In Russ.).
9. *The Russian Provisional Government, 1917*. (1961). In 3 vols. Ed. by R. Browder, A. F. Kerensky. Stanford. 477 p. (In Russ.).
10. Bochkareva M. (2001). *Yashka: Moya zhizn' krest'yanki, ofitsera i izgnannitsy*. [Yashka: My life as a peasant, officer and exile]. Recorded by Isaac Don Levin. M. : Voenizdat. 444 p. ISBN 5-203-01909-6. (In Russ.).
11. *Myslyashchie miry rossiiskogo liberalizma: grafinya Sof'ya Vladimirovna Panina (1871-1956). Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. (2012). [The Thinking Worlds of Russian Liberalism: Countess Sofya Vladimirovna Panina (1871-1956). Materials of the international scientific colloquium]. Comp. by M. Yu. Sorokin. M. : White Wind publ. 272 p. ISBN 978-5-905714-06-1. (In Russ.).
12. Velikaya N. M., Milovanova M. Yu. (2012). Women's public associations as a social resource of political modernization in modern Russia. *Historical and socio-educational idea*. No 4 (14). P. 127-129. (In Russ.).

The article was submitted on February 09, 2021.

Accepted on February 26, 2021.

Information about the author

Evgenia I. Gromova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

e-mail: jennygrom@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

DOI 10.19181/nko.2021.27.1.7

УДК 316.012

А. В. Яковлев¹

¹ Институт Африки РАН.
Москва, Россия

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СЛОВ «КОММУНИЗМ» И «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. А. ЕФРЕМОВА О ДАЛЁКОМ БУДУЩЕМ

Аннотация. В статье рассматривается полисемия слов «коммунизм» и «коммунистический». Уделяется преимущественное внимание каноническому значению: бесклассовое общество, в котором осуществится принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Картина такого общества была дана проф. И. А. Ефремовым, каноническое же определение было официально принято в 1961 году. В настоящее время такое понимание вытесняется другим, традиционным для Запада и обозначающим фактически существовавший строй, который И. А. Ефремов называл «лжесоциализмом». Совершающееся в русском языке изменение семантики слова «коммунизм» ведёт к коммуникативным неудачам при восприятии текстов, в которых слово «коммунизм» употреблено в каноническом значении. Наряду с несомненной полисемией имени существительного «коммунизм» (и прилагательного «коммунистический») – коммунизм как общественное движение *versus* коммунизм как общественный строй *versus* коммунизм как мировоззрение следует констатировать лексическую неоднозначность этих слов применительно к общественному строю.

Ключевые слова: полисемия, многозначность, семантика, прагматика, Ефремов, коммунизм, социализм, лжесоциализм, восприятие литературного произведения.

Для цитирования: Яковлев А.В. Семантика и прагматика слов «коммунизм» и «коммунистический» и некоторые проблемы восприятия произведений И. А. Ефремова о далёком будущем // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 80-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.7

Семантика – раздел лингвистики, который изучает, как при помощи естественного языка осуществляется передача информации. Механизмы выражения говорящим

коммуникативного намерения своего высказывания и понимания этого намерения слушающим изучает лингвистическая прагматика, рассматриваемая как интегральная

часть лингвистической семантики [1, с. 164].

В связи с семантикой указанных в заглавии слов вспомним, что обычно различают два типа лексической неоднозначности: недоопределенность, называемую также речевой многозначностью, и (языковую) многозначность, или полисемию.

И. М. Кобозева уточняет: «О недоопределенности, или речевой многозначности мы говорим тогда, когда некоторые характеристики денотата слова, которые в его лексическом значении не зафиксированы, в разных ситуативных контекстах могут «определиться» по-разному. Так, изолированное от контекста предложение *Иван кашлянул* оставляет нас в неведении относительно того, действовал ли Иван намеренно, или с ним это произошло помимо его воли. В конкретной ситуации употребления оно может обозначать либо намеренное действие человека, желающего привлечь к себе внимание или прочищающего горло перед тем, как запеть и т.п., либо рефлекторную реакцию его организма на какие-либо раздражители. Но главное, что вполне возможно и такое употребление, в котором говорящий имеет в виду только информацию о характере произведенного кем-то звука, не зная, либо не считая важным, аспект намеренности / ненамеренности этого действия. <...>

О полисемии, или языковой многозначности мы говорим тогда, когда при употреблении неоднозначного слова в контексте ситуации говорящий обязательно имеет в виду только одно из его значений. Так, глагол уточнить имеет два значения: 1) 'сообщить более точную информацию о чем-л.', как в (12); 2) 'сделать так, чтобы получить более точную

информацию о чем-либо', как в (13) и (14). Изолированное от контекста предложение (15) можно понять в любом из этих значений:

(12) Он уточнил, что придет не раньше восьми вечера.

(13) Медсестра уточнила у Петра его отчество.

(14) Ученик уточнил написание слова по словарю.

(15) Таксист уточнил, с кем сегодня играет «Ак Барс».

Но говорящий, употребляя (15) в речи, должен иметь в виду только одно из них. Неопределенность в подобных случаях исключается» [1, с. 187-188].

Разграничение недоопределенности и полисемии не столь отчетливо и очевидно, как кажется на первый взгляд. Так, слово «палец» в русском языке может означать и палец руки, и палец ноги; иная ситуация во французском языке, где *doigt* – это только палец руки, *orteil* – только палец ноги, и нет – по крайней мере, среди слов высокой степени освоенности – общего обозначения для пальцев рук и ног. Поэтому в русском предложении «Матушка растёрла Егорке закоченевшие пальцы» с точки зрения носителя русского языка имеет место скорее недоопределенность, с точки же зрения носителя французского – неоднозначность.

Лексическая неоднозначность слова «коммунизм» обнаруживается уже в «Немецкой идеологии» – труде, созданном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1845-1846 гг. и впервые полностью изданном в Москве в 1932 г.; читатель видит, что наряду с общественным строем, свободным от отчуждения прибавочной стоимости, этим словом обозначается и общественное движение: «Коммунизм для нас не состояние, которое

должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [2, с. 34]. В русском языке людей, родившихся и выросших в СССР, такое значение слова «коммунизм» либо отсутствовало, либо воспринималось как устаревшее.

В августе – сентябре 1917 г. В. И. Ленин, интерпретируя отдельные положения «Немецкой идеологии», разделил узкий и широкий смыслы слова «коммунизм» как обозначения общественного строя: **«научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества.** Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что **это не полный коммунизм»** [3, с. 98]. Расширительное понимание «коммунизма», включающее как «полный коммунизм», так и социализм, существовало и существует только в научной, но не в так называемой «наивной» картине мира.

Представление о коммунизме в узком смысле слова («полном коммунизме») как бесклассовом общественном строе, в котором осуществится принцип *«от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»*, бытовавшее в нашем Отечестве с начала XX века, по итогам длительного всенародного обсуждения, инициированного Центральным комитетом КПСС, обрело каноническую формулировку в материалах XXII съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1961 г.: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй

с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [4, с. 274].

В МГУ на вступительных экзаменах по истории проверяли знание этого определения наизусть. Будем называть такое понимание слова «коммунизм», как и само определение, каноническим.

Развёрнутая картина именно такого общества – и именно с таким названием – дана в романах д-ра биол. наук, проф. И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка» – естественно, в жанре научной фантастики, коль скоро речь идёт о будущем. Важные суждения, касающиеся коммунизма как общественного строя, содержатся также в его повести «Сердце Змеи». (Четвёртое произведение И. А. Ефремова о далёком будущем – короткий рассказ «Пять картин» – здесь не рассматриваем.) «Туманность Андромеды» была написана в 1956 году, год первой журнальной публикации – 1957, первой полнотекстовой книжной публикации – 1958. Роман сразу же стал издавать-

ся миллионными тиражами, на десятках языков. Повесть «Сердце Змеи» была написана на одном дыхании с «Туманностью Андромеды» в 1958 году и многократно издавалась начиная с 1959 года. Библиографии этих произведений, включённые в издание 1975–76 года, включают 30 пунктов по «Туманности Андромеды» и 10 – по повести «Сердце Змеи» [5, с. 380-381]. Заметим в скобках, что внимательное чтение «Сердца Змеи» приводит к выводу, очевидному не для всех: действия романа и повести происходят в разных временных развёртках: события, описанные в «Сердце Змеи», не могут быть по отношению к событиям «Туманности Андромеды» ни прошлыми, ни будущими, ни одновременными. Ефремовское коммунистическое будущее разновариантно. Заметим также – и отнюдь не в скобках – что роман польского писателя Станислава Лема «Магелланово облако», опубликованный впервые на языке оригинала в 1955 году, а на русском языке в 1960, также разворачивает перед читателем картину общества, пусть во многом отличного от ефремовского, но вполне соответствующего идеалам, давно уже владевшим умами и отражённым чуть позже в процитированном здесь каноническом определении, официально утверждённом 31 октября 1961 года. К «Магелланову облаку» мы ещё обратимся в связи с «покаянием» С. Лема.

Общественный строй, существовавший в СССР и обычно именовавшийся у нас «социализмом» (со второй половины 70-х годов XX в. в официальных текстах также «реальным социализмом»), а в ефремовской среде – «лжесоциализмом», и на уровне деклараций увязывавший-

ся с принципом «от каждого – по способностям, каждому – по труду», воспринимался обыденным сознанием не как начальная стадия коммунизма, а как строй, *предшествующий* коммунизму, как элемент парадигмы «1) первобытно-общинный строй; – 2) рабовладение; – 3) феодализм; – 4) капитализм; – 5) социализм; – 6) коммунизм».

Заметим попутно: в аспекте речевой прагматики появление новой лексической единицы «реальный социализм» как связанного словосочетания свидетельствовало о том, что официальная пропаганда уже не могла игнорировать очевидный факт: представление о нереализованных, альтернативных, моделях «социализма» стало фактом общественного сознания. Слова «альтернативный», «альтернатива», «модель» вызывали насторожённость, их операциональное употребление в позднебрежневском СССР было нежелательным.

Усиленное различие понятий «социализм» и «коммунизм» в указанном выше понимании нашло выражение, во-первых, в текстах официальной пропаганды, таких как лозунги «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», «Мы придём к победе коммунизма», «Коммунизм в нашей стране будет в целом построен к 1980 году»; во вторых, в обиходно-разговорной речи, в частности в многочисленных анекдотах, которые не всеми ещё забыты: «Ой, не доживу!» (ответ Господа Бога на вопрос советского человека: «Когда будет коммунизм?» в анекдоте о беседах Всевышнего с белым южноафриканцем, евреем из Израиля и советским человеком), «А если вы нам земли до Урала отдадите, мы вам коммунизм построим» (последняя фраза

анекдота о переговорах с японцами) и т.д.

На первый взгляд кажется поразительным – но приведённое выше каноническое определение основывается на более раннем, прозвучавшем в 1927 году в беседе И. В. Джугашвили с делегацией американских рабочих: «Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество: а) где не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная; б) где не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; г) где не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством; д) где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; е) где наука и искусство будут пользоваться условиями достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного расцвета; ж) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к «сильным мира», станет действительно свободной. И т. д. и т. п.» [6, с. 134]. Это определение содержится, в частности, в Кратком философском словаре издания 1954 года [7, с. 547].

Изложенное особенно интересно в свете того, что сегодняшние поклонники так называемого «товарища Сталина» (здесь не рассматри-

ваем вопрос о соотношении объекта их поклонения с реальным историческим прототипом) совершенно не интересуются коммунистической перспективой, всегда уходят от ответа на вопрос о том, каким представляют себе бесклассовое коммунистическое общество, в котором осуществился бы принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям», сразу же подменяя тему; их мечта обращена не в будущее, а в прошлое, и притом – воображаемое прошлое. Констатируем противоречие, анализ которого относился бы к сфере социальной психологии: именно эти люди, не интересующиеся коммунистическим обществом и проблемами его построения, воспринимаются массовым сознанием как самые что ни на есть настоящие коммунисты, тогда как мировоззрение коммунистов, негативно относящихся к практической деятельности И. В. Джугашвили и его окружения, воспринимается – в лучшем случае – как некий компромисс между коммунистической идеологией и чем-то ей внешнеположным, чтобы не сказать – чуждым.

Можно предвидеть упрёки деонтологического характера в адрес автора статьи. Выступая как писатель и как участник дискуссий *ad hoc*, он неоднократно заявлял, что считает большевизм в любых его проявлениях самой изощрённой формой антикоммунизма, а здесь, тем не менее, даёт пространные цитаты из В. И. Ульянова (Ленина), И. В. Джугашвили (Сталина) и материалов съезда КПСС. В действительности противоречия нет. Большевики потому и маскировали свою деятельность под строительство социализма и коммунизма, потому и использовали коммунистическую риторику, что мечта о коммунизме владела в конце XIX в. и

в XX в. – примерно до начала 70-х лет – широкими массами народа. Естественно, что руководители большевизма стремились придать в своих текстах отточенную форму идеям, образно говоря, носившимся в воздухе. Другой вопрос, далеко выходящий за изучение семантики и прагматики слов – имела ли их практическая деятельность – в первую голову, в экономическом своём содержании – хотя бы точечное соприкосновение с их декларациями.

Десятки лет каноническое понимание коммунизма было для большинства советских людей, в частности для автора этих строк, единственным. Более того, в 1994 году в ходе путешествия по Югу Африки и обстоятельных бесед с бурами на политические темы автор сталкивался с коммуникативными неудачами, вызванными тем, что он не знал о западной традиции употреблении слова «коммунизм» для обозначения лжесоциализма (по официальной советской терминологии – «реального социализма»), а его собеседники не знали о каноническом (для советского человека) представлении о коммунизме. Вот характерный дискурс: «Насколько вероятным вы считаете откат России назад к коммунизму? – А как это – “назад к коммунизму”? Разве вы не знаете, что нам так и не удалось построить коммунизм? – Как это – не удалось построить? Но у вас же был коммунизм!» Полтора года спустя, читая в Университете Претории лекции по новейшей истории России, автор специально заострял внимание аудитории, состоявшей из коллег-преподавателей (автор – преподаватель бурского языка) на различии в понимании термина «коммунизм». В ходе бесед с менее образованными бурами обнаружилось, что в обыден-

ном сознании «коммунизм» – это, с их точки зрения, атеистическое общество, в котором попытки отправления религиозных культов преследуются в уголовном порядке (по их мнению, именно так и было в СССР).

Неканоническое (для нас) употребление термина «коммунизм» было привнесено в русскую устную и письменную речь из английского языка, в отношении которого его атрибуция в качестве «неканонического» едва ли могла бы быть оправдана. Важно, что при таком переносе слова «коммунизм» на совершенно иной денотат (лжесоциализм) для коммунизма в каноническом понимании термина, то есть для воображаемого общественного строя, в котором осуществился бы принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям» и который описан, в частности, в произведениях И. А. Ефремова о далёком будущем, никакого альтернативного термина не предлагается. Таким образом, коммунизм (в каноническом, в частности ефремовском, понимании) превращается в понятие, лишённое означающего и в силу этого постепенно устраняется из системы означаемых, то есть устраняется даже из инклюзивной картины мира, включающей как реальные, так и нереализованные элементы. В этом вытеснении состоит прагматический аспект тотального изменения семантики слова «коммунизм» с канонической на неканоническую в текстах СМИ, хотя англоязычные словарные определения, строго говоря, оставляют возможность «встроить» и каноническое значение – в качестве частного случая. Таково например определение коммунизма (communism) в Вебстеровском школьном словаре: «1 : общественный строй с обще-

ственной собственностью на материальные блага; *тж*: теория, обосновывающая необходимость такого строя

2 К. а : учение, основанное на революционном Марксовом социализме и на Марксизме-ленинизме – официальной идеологии Союза Советских Социалистических Республик, Китайской Народной Республики и ряда стран-сателлитов **б** : тоталитарная система власти, при которой единственная партия управляет находящимися в государственной собственности средствами производства с заявленной целью построения общества без государства». Оригинал: «**1** : a social system in which property and goods are owned in common; *also* : a theory advocating such a system **2 cap a** : a doctrine based upon revolutionary Marxian socialism and Marxism-Leninism that is the official ideology of the Union of Soviet Socialist Republics, the Chinese People's Republic, and several satellite nations **б** : a totalitarian system of government in which a single party controls state-owned means of production with the professed aim of establishing a stateless society»¹.

В наши дни попытки объяснить семантику слова «коммунизм» всё чаще встречают возражения, основанные на логической ошибке, связанной с подменой оспариваемого тезиса: вам в ответ принимаются объяснять, что такого общественного строя не может существовать в реальной действительности, и лишь *продолжая* мысль оппонента, можно было бы добавить: «и поэтому его определение не заслуживает внимания». Между тем – *что* такое объект, обозначаемый таким-то словом (например словом «нарвал»²,

или «единорог», или «кентавр»), существует ли такой объект в реальной действительности, может ли в принципе существовать такой объект – это три разных вопроса.

Можно сказать, что употребление слова «коммунизм» в XXI веке в ефремовской среде оказалось, в основном, таким же неправильным, как употребление слова «фашизм» в СССР – и, по-видимому, эта неправильность в той же мере необратима. Вспомним факт, мало известный широкой публике: советские офицеры, участвовавшие в допросах пленных немцев в годы Великой Отечественной войны, удивлялись, слыша заявления: «Я национал-социалист и не имею ничего общего с этой фашистской сволочью». Подчеркнём: речь идет не о сравнении общественных систем, а о сравнении особенностей употребления лексических единиц, обозначающих совершенно разные общественные системы.

Совершающееся в русском языке изменение семантики слова «коммунизм» ведёт к коммуникативным неудачам при восприятии текстов, в которых слово «коммунизм» употреблено в каноническом значении – в нашем случае это ефремовские тексты, в первую очередь произведения Ивана Антоновича о далёком будущем. Современный молодой человек, приступая к чтению «Часа Быка» и встретившись в первых же абзацах пролога с прилагательным «коммунистический», ошибочно считает, что речь идёт о том строе, который существовал в СССР и других подобных странах в реальной действительности, и у него возникает ложное впечатление, что роман И. А. Ефремова есть апология этого строя, то есть лжесоциализма. В действительности острое идейно-политического содер-

¹ Webster's School Dictionary. Springfield: Massachusetts, U.S.A. 1986. P. 179.

² Нарвал (лат. Monodon monocerus) – очень редкий вид морских млекопитающих – рогатый дельфин.

жания «Часа Быка» направлено против лжесоциализма – вспомним: на вымышленной планете Торманс, где происходит основная часть действия романа, никакой буржуазии (в общепринятом понимании термина) нет.

Вот несколько цитат из романа «Час Быка» с прилагательным «коммунистический».

1) Учитель знал – после молчания последуют вопросы [...]

– Следует ли понимать так, что начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? – продолжал он.

– Формулировка неверна [...] – возразил учитель. – Нельзя приравнивать процесс общественного развития к двум чашам весов. Среди знакомых нам [...] цивилизаций известны случаи быстрого и легкого перехода к высшему, коммунистическому обществу. Мы только что говорили о самоуничтожении разобщенного мира, достигшего больших научных и технических познаний. Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война – и так несколько раз, пока производительные силы планеты не истощались и технически не деградировали. Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками [...]

– Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

– Разумеется!

– Тогда я неправильно поставил вопрос, – после некоторого раздумья сказал [...] – Известны ли случаи, когда человечество на какой-нибудь другой планете достигало высоко-

го уровня науки, техники, производительных сил, но не становилось коммунистическим и не погибало от страшных сил преждевременного познания? Много ли таких исключений из общего закона развития, который, если он общий, должен их иметь? (8, с. 8-10).

2) Для Кин Руха [...] эта диорама стала связующей с теми давно исчезнувшими людьми, наследником мыслей и чувств которых он явился, чтобы оценить и понять неизмеримую силу их подвигов. Тех, кто не примирился с безвыходным кругом страданий, страха, болезней и тоски, оцепившими Землю с древних геологических эпох и до той поры, когда [...] удалось наконец построить подлинно высшее общество – коммунистическое. (8, с. 33).

3) Девяносто миллиардов людей прошли под косою времени, начав с шатких шалашей на ветвях деревьев или узких щелей в обрывах скал, пока с победой разума и знания, с наступлением всепланетного коммунистического общества не кончилась ночь несчастий, издавна сопутствовавшая человечеству (8, с. 52).

4) Только теперь не умом, а сердцем поняла [...] всю неизмеримость цены, заплаченной человечеством [...] за его коммунистическое настоящее (8, с. 184).

5) Такая структура не могла вывести планету из ее современного нищенского состояния. В то же время этот строй обеспечивал высочайшие привилегии олигархической верхушке. Хотя сумма преимуществ оказывалась убогой в сравнении с открытой, ясной и здоровой жизнью коммунистического строя Земли, поверить в это и отдать свои привилегии олигархи [...], конечно, не могли (8, с. 222).

б) Для построения коммунистического общества необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма каждого человека (8, с. 228).

Определение коммунизма как строя, существовавшего де-факто в СССР и других странах, называвшихся у нас «социалистическими», – не единственное из его общественно значимых неправильных определений. Так, например, в «Законе о подавлении коммунизма», принятом в Южно-Африканском Союзе в 1950 году (Закон № 44) и переименованном 1976 году в «Закон о внутренней безопасности», содержится определение коммунизма, с нашей точки зрения совершенно невообразимое.

«...Социалистическое учение Маркса в толковании Ленина или Троцкого, III Коммунистического интернационала (Коминтерна) или любые родственные формы этого учения, распространяемые или пропагандируемые в [Южно-Африканском] Союзе для насаждения [в нём] основных принципов этого учения, в том числе ((в особенности) всякой доктрины и всякого плана, которые

а) ставят своей целью установление деспотической системы правления, основанной на диктатуре пролетариата, при которой признаётся только одна политическая организация, а все другие политические организации подавляются или уничтожаются, или

б) ставят своей целью осуществление любых политических, промышленных, социальных или экономических преобразований в [Южно-Африканском] Союзе путём организации волнений или беспорядков, путём незаконных действий

или бездействия, или путём применения угрозы таких действий или бездействия, или с помощью средств, включающих организацию волнений или беспорядков, незаконных действий или бездействия, или угрозы ими, или

в) ставят своей целью осуществление любых политических, промышленных, социальных или экономических преобразований в [Южно-Африканском] Союзе в соответствии с директивами, или под руководством, или в сотрудничестве с любым иностранным правительством или с любым иностранным или интернациональным учреждением, чьей задачей или одной из задач (провозглашаемых открыто или тайно) является помощь установлению в [Южно-Африканском] Союзе любой политической, промышленной, социальной или экономической системы, аналогичной или идентичной любой системе, существующей в какой-либо стране, принявшей систему правления, охарактеризованную в пункте (а), или

г) ставят своей целью разжигание чувств вражды между проживающими в [Южно-Африканском] Союзе европейской и неевропейскими расами в расчёте использовать результаты этой вражды для достижения какой-либо из целей, перечисленных в пунктах (а) и (б)» [9, с. 199-200].

Таким образом, наряду с несомненной полисемией имени существительного «коммунизм» (и прилагательного «коммунистический») – коммунизм как общественное движение versus коммунизм как общественный строй versus коммунизм как мировоззрение (пример см. чуть ниже в цитате из С. Лема) – следует констатировать лексическую

неоднозначность этих слов применительно к общественному строю. Во-первых, мы имеем дихотомию «коммунизм как общественно-экономическая формация, включающая две стадии – социализм и «полный коммунизм» (и это расширенное понимание коммунизма существовало только в научном сознании и отсутствовало в обыденном) versus «полный коммунизм», то есть коммунизм в каноническом понимании в соответствии с официальным определением, принятым 31 октября 1961 года. Во-вторых, в употреблении указанных имен (существительного и прилагательного) мы имеем добавившуюся на памяти ныне живущего поколения дихотомию «коммунизм в каноническом понимании – как бесклассовый общественный строй, в котором осуществился бы принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”» versus «коммунизм в неканоническом понимании, то есть общественный строй, фактически существовавший в СССР и других подобных странах».

На первый взгляд, во всех случаях имеет место полисемия, но при более внимательном рассмотрении нелишни всё же некоторые оговорки. Здесь будет в высшей степени показателен феномен покаяния Станислава Лема, сожалевшего о написании романа «Магелланово Облако», который многих, по его выражению, «соблазнил». В этом романе С. Лем не только не подвергает сомнению, что коммунистическое общество вырастет из того строя, который существовал де-факто в странах так называемого «социалистического содружества»,

но там даже есть целая глава под названием «коммунисты». Вот одно из свидетельств раскаяния: С. Лем запретил переводить «Магелланово облако» на японский язык, со следующей формулировкой: «Япония не знала коммунистического режима, и если мой роман обратит в коммунизм хотя бы одного-единственного японца, мне суждено гореть в аду»³. Восприятие – и не кем-нибудь, а автором, – литературного произведения, в котором дана развёрнутая и в высшей степени привлекательная картина жизни в коммунистическом обществе (в каноническом понимании термина) как пропаганды лжесоциализма (то есть того строя, к которому стали лукаво применять термин «коммунизм» в его неканоническом значении), едва ли возможно объяснить с позиций одной только логики без обращения к психолингвистике. Приходится констатировать как бы «мерцающий» характер полисемии и недоопределённости – по крайней мере, у части носителей тех языков, для которых актуальны как каноническое, так и неканоническое употребление рассматриваемых здесь интернациональных слов.

В качестве завершающего штриха добавим: по свидетельству семьи И. А. Ефремова, с которой автор дружит с 1976 года, автор «Туманности Андромеды» отказался от предложения советского руководства – в следующей редакции романа «поставить» в коммунистическом обществе памятник В. И. Ленину и получить за это Ленинскую премию.

³ Вернувшийся со звезд (интервью С. Лема) // Общая газета (М.). 2000. 20-26 янв. № 3. С. 16.; Лем, С. Молох. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 371.

Библиографический список

1. Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик [и др.]; под ред. О. В. Фёдоровой и С. Г. Татевосова. М. : Буки Веди, 2019. 672 с. ISBN 978-5-4465-2188-3.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Собрание сочинений (2-е изд.). Т. 3. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1955. 689 с.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений (5-ое изд.) Т. 33. Государство и революция. М. : Политиздат, 1969. 433 с.
4. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт. В 3х томах. Т. III. М. : Госполитиздат, 1962. 592 с.
5. Ефремов, И. А. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Книга вторая. М. : Молодая гвардия, 1976. 384 с.
6. Сталин, И. В. Сочинения. Т. 10. М. : ОГИЗ, Госполитиздат, 1949.
7. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М. : Госполитиздат, 1954. 704 с.
8. Ефремов, И. А. Час Быка. СПб : Азбука, 2015. 512 с.
9. Бантинг, Б. Становление Южно-Африканского Рейха. М. : Мысль, 1965. 391 с.

Дата поступления в редакцию: 10.01.2021.

Принята к печати: 1.03.2021.

Сведения об авторе:

Яковлев Андрей Викторович, кандидат филологических наук, ассоциированный член Центра исследований стран Юга Африки, Институт Африки Российской академии наук. Москва, Россия.
e-mail: teyram@mail.ru

A. V. Yakovlev¹

¹Institute for African Studies of the RAS. Moscow, Russia

**SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE NOUN COMMUNISM
AND OF THE ADJECTIVE COMMUNIST AND CHALLENGES
IN UNDERSTANDING PROF. EFREMOV'S SCIENCE FICTION NOVELS
ABOUT REMOTE FUTURE**

Abstract. The paper deals with the polysemy of the word *communism*, focusing on its canonical meaning – “From each according to his ability, to each according to his needs” classless society, depicted in Prof. Efremov’s SF novels and which assumed official definition in 1961. This meaning is now being ousted by the one traditional for the West and referring to what Prof. Efremov called pseudosocialism. The change in the semantics of the word “communism” in the Russian language leads to communicative failures in the perception of texts in which the word “communism” is used in the canonical meaning. Along with the undoubted polysemy of the noun “communism” (and the adjective “communist”) – communism as a social movement versus communism as a social system versus communism as a worldview, it is necessary to state the lexical ambiguity of these words in relation to the social system.

Keywords: vagueness, polysemy, ambiguity, semantics, pragmatics, Prof. Ivan Efremov, communism, socialism, pseudo-socialism, perception of literary works.

For citation: Yakovlev A. V. Semantics and pragmatics of the noun communism and of the adjective communist and challenges in understanding prof. Efremov's science fiction novels about remote future. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 80-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.7

References

1. *Vvedenie v nauku o yazyke*. (2019). Ed. by O. V. Federova, S. G. Tatevosova. M. : Buki Vedi. 672 p. ISBN 978-5-4465-2188-3. (In Russ.).
2. Marks K., Ehngel's F. (1955). *Sobranie sochinenii* (2-e izd.). T. 3. *Nemetskaya ideologiya*. [Die deutsche Ideologie]. M. : Politizdat, 689 c. (In Russ.).
3. Lenin V. I. (1969). *Polnoe sobranie sochinenii* (5-oe izd.) T. 33. *Gosudarstvo i revolyutsiya*. [The State and Revolution]. M. : Politizdat. 433 p. (In Russ.).
4. *XXII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz*. (1962). [The 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. V 3kh tomakh. T. 3. M. : Gospolitizdat. 592 p. (In Russ.).
5. Efremov I. A. (1976). *Sochineniya v 3-kh tomakh*. T. 3. *Kniga vtoraya*. M. : Molodaya gvardiya. 384 p. (In Russ.).
6. Stalin I. V. (1949). *Sochineniya*. T. 10. M. : OGIZ, Gospolitizdat. (In Russ.).
7. *Kratkii filosofskii slovar'*. (1954). [Short Philosophical Dictionary]. Ed. by M. Rozen-tal', P. Yudin. M. : Gospolitizdat. 704 p. (In Russ.).
8. Efremov I. A. (2015). *Chas Byka*. [The Bull's Hour]. SPb : Azbuka. 512 p. (In Russ.).
9. Banting B. (1965). *Stanovlenie Yuzhno-Afrikanskogo Reikha*. M. : Mysl'. 391 p. (In Russ.).

The article was submitted on January 10, 2021.

Accepted on March 01, 2021.

Information about the author:

Andrei V. Yakovlev, Candidate of Philology, Associate Member
of the Southern African Studies Center, Institute for African Studies of the RAS. Moscow, Russia.
e-mail: teyram@mail.ru

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

Дирекция и Ученый Совет ИСПИ ФНИСЦ РАН

30 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И РОССИИ

Для цитирования: Дирекция и Ученый Совет ИСПИ ФНИСЦ РАН. 30 лет на службе науке и России // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 92-95.

Институту социально-политических исследований – обособленному подразделению Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук исполнилось тридцать лет. Встреча юбилей, принято оглянуться на пройденный путь и подвести итоги проделанной за прошедшие годы работы.

В 1991 году перед созданным по решению Президиума АН СССР институтом была поставлена задача изучения социальной ситуации, сложившейся в стране в результате проводимых реформ, определение их последствий и возможных сценариев дальнейшего развития. Сегодня целью и предметом деятельности института являются проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований в области социального знания и связанных с ним разработок, обеспечивающих научное управление обществом.

В начале 90-х годов в обществе, государстве и науке стал проявляться кризис достоверного понимания

процессов, происходящих в стране. В этих условиях центральной проблемой для коллектива института стало определение методологии и методов решения поставленных задач. Постепенно по результатам организованных и проводимых на систематической основе обсуждений в институте сложился исследовательский подход как к самой проблемной ситуации, так и к способам и методам её анализа. В его основе лежало представление о том, что обстановка в обществе и государстве является производной не только от положения дел в экономике. Не меньшую роль в её динамике играют социальные и политические процессы, обладающие относительной самостоятельностью в системе общественных отношений. Обязательного учёта также требуют культурные, нравственные, психологические, этические и религиозные факторы, определяющие в своём интегральном воздействии менталитет гражданского общества. Серьёзное воздействие на массовое сознание и политическое поведение российских граждан оказывает историческая па-

мять. Наряду с внутренними важную роль играют и внешнеполитические факторы, процессы и события, затрагивающие национальные интересы России.

На основе комплексного по своей сути подхода учеными института был сделан вывод, что сложившаяся в стране ситуация чревата катастрофой, если не будет изменен курс реформ. Этот вывод был отражен в докладе директора Института академика РАН Г. В. Осипова Президиуму РАН (февраль 1992 г.) и в коллективной монографии «Реформирование России: мифы и реальность», положившей начало подготовке многотомному изданию «Летопись реформ», позволившему увидеть процесс трансформации социально-экономического уклада и политического строя России в его динамике и системной сложности. В основе каждой из этих книг лежали годовые доклады Института, составленные на базе обобщенных данных всероссийских и региональных социологических исследований. Разработанная учеными Института система предельно-критических показателей позволила количественно охарактеризовать происходящие под влиянием неолиберальных реформ процессы в различных сферах общественной жизнедеятельности.

Эмпирические исследования позволили сделать выводы, что у подавляющей части населения сложилось устойчивое негативное отношение к приватизации, большинство опрошенных считали себя обманутыми государством и выражали ему свое недоверие. Следствием неудачного реформирования явилось резкое ухудшение демографической ситуации, выразившейся, в частности, в углублении процесса депопуляции.

Одним из негативных следствий реформ и ошибочной внутренней политики явилось усиление напряженности в межнациональных отношениях и рост противоречий во взаимодействии Центра и регионов. Проводимые регулярно массовые и экспертные опросы позволили выявить наиболее сложные и актуальные проблемы в этой сфере. Полученная информация была использована при разработке концепции государственной национальной политики.

Исследования показали, что кризисная ситуация тяжело сказалась на положении молодёжи. Обозначилась устойчивая тенденция ухудшения её социального положения, рост молодёжной безработицы приобрёл хронический характер, резко усилилась криминализация молодёжной среды. Кризисное состояние общества обострило проблемы национальной безопасности. Институтом были разработаны в кратчайшие сроки проекты «Глобальные изменения и социальная безопасность», «Армия России: состояние и перспективы выхода из кризиса». Были опубликованы труды по экономической и экологической безопасности.

На основе созданной опросной сети систематически проводились в режиме мониторинга социологические исследования электорального поведения населения как в ходе парламентских, так и президентских выборов. Сделанные на их основе прогнозы оказались весьма близки к реальным результатам и получили высокую оценку Центризбиркома. С учетом специфики российских условий созданы концепция и модель устойчивого развития общества, базирующаяся на разработанной системе социальных показателей и индикаторов.

Мониторинг массового сознания населения России показал низкий уровень межличностного доверия, отчужденность многих групп населения от участия в общественной жизни и вместе с тем высокий рейтинг социальной справедливости. Учеными Института был не только подвергнут критическому анализу проводимый до прихода к власти В. В. Путина курс, но и сформулированы основные положения нового курса реформирования, определены основные ресурсы и механизмы его реализации в рамках научно-исследовательской программы Отделения философии, социологии, психологии и права РАН «Социальная и социально-политическая трансформация российского общества на рубеже XXI века».

В новых условиях XXI столетия продолжая мониторинг социально-политической ситуации ученые Института сделали вывод о возрастании роли государства в регулировании всей системы общественных отношений, включая рыночные. Предложены меры по укреплению доверия населения к власти, меры по оптимизации налоговой политики, распределению материальных и финансовых ресурсов страны, способные снизить социальную поляризацию и повысить уровень социальной консолидации и интеграции.

Возможные варианты развития страны в исторически новых условиях получили отражение в разработанных учеными Института сценариях. В качестве наиболее предпочтительного представлен сценарий социальной солидарности, предполагающий объединение усилий всего общества в преодолении кризисного состояния и выход на путь устойчивого развития.

В практику работы Института прочно вошло систематическое ин-

формирование о результатах научных исследований властных структур: Администрации президента РФ, Правительства, Совета Федерации, Комитетов Государственной Думы, Совета Безопасности, Правительства Москвы, а также через СМИ широкую общественность. В разные годы директор Института, его заместители и другие сотрудники входили в состав Научного Совета при Совете Безопасности, экспертные Советы Госдумы и Совета Федерации, министерств и ведомств. Социологические исследования последнего времени позволили увидеть новый класс проблем, возникший перед российским обществом в условиях пандемии и предложить пути их оптимального решения.

За минувшие тридцать лет своего существования Институт добился полноценной интеграции в международное научное сообщество. Сотрудники Института регулярно участвовали в международных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, в реализации международных научных программ. Составной частью международных контактов Института явилась плодотворная деятельность Международной кафедры ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам, созданной в 1993 году на основе соглашения, заключенного Институтом с ЮНЕСКО. Наряду с активным участием в проведении целого ряда международных мероприятий кафедра организовала лекционные курсы для аспирантов, докторантов и стажеров с привлечением к ним видных зарубежных ученых.

Институт поддерживает регулярные научные контакты с учеными Белоруссии, Германии, Италии, Франции, Казахстана, Китая, Югославии, Израиля, Ирана, США,

Таджикистана и др. Особое внимание уделяется изучению процессов интеграции стран СНГ, проблемам сближения России и Белоруссии, создания единого Союзного государства. Учитывая возрастающее влияние процессов глобализации, ученые Института активизировали научные поиски в области проблем нового мирового порядка, культурно–цивилизационных трансформаций, противоречий и конфликтов.

Институт уделяет постоянное внимание популяризации научных знаний и своих исследований в том числе. Значительную роль в этой связи играет созданный в 1995 году общественно-политический журнал «Наука. Культура. Общество». В его издании в разное время принимали участие ученые из различных научных центров столицы. Более других – ученые Института психологии РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Государственного университета нефти и газа им. М. И. Губкина, Московского института социально-культурных программ при Правительстве г. Москвы.

Получили признание научной общественности фундаментальные труды Института: энциклопедии, словари, учебники, коллективные монографии. В Институте успешно работали докторантура, аспирантура и

Диссертационные советы, сыгравшие положительную роль в подготовке социологов и политологов высокой квалификации. Ряд ученых Института были удостоены государственных наград и наград Президиума РАН.

Сегодня, подводя итоги тридцатилетней деятельности Института, у нас есть достаточно оснований утверждать, что наши исследования позволили не только получить новые эмпирические данные о состоянии российского общества, но и использовать их для принятия социально и политически эффективных управленческих решений.

Мы живем в трудное время исторических перемен, чреватых новыми потрясениями и катастрофами. Но хочется верить, как уже не раз было в истории, что российский народ сумеет сохранить страну и воспрянуть духом для новых грандиозных свершений. И в это благородное дело мы тоже сможем внести свой достойный вклад.

Благодарим за сотрудничество всех коллег, которые в прошлом и настоящем связали свою научную судьбу с нашим институтом, российских и зарубежных друзей и желаем долгих лет творческого вдохновения и радости научного познания на благо нашей любимой Родины!

Directorate and academic council ISPR FCTAS RAS

30 YEARS IN THE SERVICE OF SCIENCE AND RUSSIA

For citation: Directorate and AC ISPR FCTAS RAS (2021). 30 years in the service of science and Russia. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 1. P. 92-95.

М. А. Ананьин^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия

² Министерство иностранных дел РФ.
Москва, Россия

Л. С. РУБАН: ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Для цитирования: Ананьин М. А. Л. С. Рубан: жизнь в науке // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 1. С. 96-101.

«В глубине человека заложена творческая сила, которая способна создать то, что должно быть, которая не даст нам покоя и отдыха, пока мы не выразим это вне нас тем или иным способом».

Иоганн Вольфганг Гёте

В 2021 году профессор Рубан Лариса Семёновна, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и руководитель международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») отмечает 40-летний юбилей научно-преподавательской деятельности.

Этот славный путь я наблюдал не со стороны, а, как говорится, находился в гуще событий, так как являюсь участником международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции», работаю в Отделе исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН и готовлю диссертацию под руководством Ларисы Семёновны. Ещё будучи студентами ИСАА, мы бегали слушать лекции Ларисы Семёновны в Российскую академию государственной службы при Президенте

Российской Федерации по региональной и глобальной безопасности, а также по разрешению конфликтов и ведению переговорного процесса, что очень мне пригодилось во время работы в Министерстве иностранных дел России и заграничных командировках.

Деятельность Ларисы Семёновны тесно связана с МИД РФ. Ещё в 2003 году она прошла стажировку в Рабочей группе по Каспию в МИД России под руководством В. И. Каложного, который является председателем Совета «Наука и инновации Каспия», а Лариса Семёновна – его заместителем в этой структуре. Она работала в МИДовских архивах, когда готовила свою фундаментальную монографию «Каспий – море проблем». Эта книга положила начало трилогии по Каспийскому региону, включающую «Каспий – море возможностей» (авторы Катаева Е. Г. и Рубан Л. С., 2008) и «Сотрудничество на Каспии – путь к успеху и процветанию» (авторы Каложный В. И. и Рубан Л. С., 2011).

Другой крупный проект, не имеющий аналогов в нашей стране и за рубежом, был посвящён исследованию ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и поиску эффективных направлений сотрудничества России со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Результаты международных экспертных опросов, проводившихся в 16-ти странах АТР: государстве Бруней-Даруссалам, Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Малайзии, Монголии, Мьянме, Непале, Республике Корея, Российской Федерации, Сингапуре, США, Таиланде, Филиппинах и Японии, были опубликованы в целой серии монографий. Среди них: «Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке» (авторы Рубан Л. С., Катаева Е. Г., Хегай В. К., 2006), «Восточный маршрут российских углеводородов» (автор Рубан Л. С., 2008), коллективной монографии «Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР» (в экспертных оценках) (коллективная монография под ред. Л. С. Рубан. М.: Academia, 2010) – за неё Лариса Семёновна была награждена золотым дипломом Торгово-промышленной палаты за подписью Е. М. Примакова и памятным знаком ТПП «Меркурий»; «Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества» (в экспертных оценках) (коллективная монография под ред. Л. С. Рубан. М.: Academia, 2012 г. – 1-е издание и 2013 г. – 2-е издание); «Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире» (энергетический аспект) (под ред. Л. С. Рубан. М.: Academia, 2014); «Комплексная характеристика ситуации в АТР» (по результатам международных экспертных опросов в

2005-2014 гг.) (под ред. Л. С. Рубан. М.: Academia, 2016), в которой были обобщены результаты опросов за 10 лет с 2005 по 2014 гг. и контрольных интервью, проведенных в 2008-2009 гг. и в 2015 г.

В 2016 г. вышло первое издание аналитического доклада профессора Рубан Л. С. «Азиатско-Тихоокеанский регион и новая глобализация в экспертных оценках (2005-2016 гг.)», а в 2019 г. проект был завершён и выпущена итоговая монография «АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.)». За эту книгу Ларисе Семёновне в 2019 г. была объявлена благодарность Министром энергетики России А. В. Новаком и Министром правительства города Москвы – руководителем Департамента внешнеэкономических связей и международного сотрудничества С. Е. Черёминым.

Как указывается в начале монографии «АТР глазами экспертов»: «Это исследование носило не абстрактный, а конкретный характер и отвечало строгим требованиям, таким как: оперативность, достоверность, корректность, конфиденциальность, учитывались региональные и национальные характеристики и особенности зарубежных партнёров, рассматривалось их отношение к Российской Федерации и её деятельности на Дальнем Востоке и в АТР.. Всё это в настоящий момент определяется особым интересом к восточному направлению, развитием внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, что актуализирует исследовательское направление по изучению роли субъективного фактора с учётом его восточной специфики [1, с. 9].

Эта тема явилась продолжением развития проблематики, изложенной профессором Рубан Л. С. в коллективных монографиях Санкт-Петербургского университета «Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки» (2013) и «Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки» (2013), где Лариса Семёновна заостряет внимание на том, что «при анализе ситуации в сфере региональной безопасности мы затрагиваем сферу межгосударственных отношений, и здесь необходимо не только тонкое дипломатическое чутье и дар предвидения, но и точное знание и учёт мнения другой стороны, её позиций, традиций, и, разумеется, объективных факторов, определяющих события. Кроме того, необходим учёт субъективного фактора, то есть действий лиц, принимающих решения» [2, с. 408].

Еще один уникальный проект, продолжавшийся 30 лет, посвящён лонгитюдному исследованию формирования гражданского сознания трёх поколений школьной молодёжи (последнего советского, переходного периода и постсоветского) в 12-ти регионах России: в г. Астрахани и Астраханской области, Грозном, Иваново, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Москве, Назрани, Нальчике, Пскове, Ставрополе. Результаты опросов были обработаны и изданы в электронной монографии Рубан Л. С. «Формирование гражданского сознания школьной молодежи в полиэтничных регионах» (2020) и втором издании учебного пособия «Молодёжь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации (г. Астрахань и Астраханская область)» (1-е издание

в 1999 году, 2-е – в 2020 году – электронная версия).

Как указывается в учебном пособии, цель программы «Молодёжь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации» заключается в том, чтобы «помочь в воспитании личности молодого человека, устойчивого к воздействию неблагоприятных жизненных факторов и умеющего преодолевать жизненные трудности, сдерживать конфликтные реакции, умеющего отстаивать свои собственные интересы и уважать интересы других, тем самым развивать в молодёжной среде умение приходить к культуре согласия и толерантности» [3, с. 34].

Кроме того, Ларисой Семёновной были подготовлены и выпущены монографии: «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз)» (1998), «Молодёжь на пути к культуре мира и согласия» (2003) и «Дилемма XXI века: толерантность и конфликт» (2006). В «Дилемме...» профессор Рубан Л. С. чётко указывает, что «не только общество влияет на социального индивида. Индивид является социально активным и, в свою очередь, может воздействовать на развитие общества. Это двустороннее влияние проявляется и реализуется через социализацию. Таким образом, чтобы выяснить причины возникновения конфликтов и найти пути перехода от конфликта к консенсусу через конкретный механизм управления и регулирования конфликтными процессами, мы анализируем процесс социализации на предмет выяснения сущности и механизма формирования конфликтного и консенсусного потенциала в обществе» [2, с. 19].

Профессор Рубан Л. С. прекрасный педагог. Она преподавала с

1996 по 2009 гг. в московской школе № 1277, где вела курс конфликтологии и где организованы проекты «Детский город», «Не хочу ненавидеть», «Мой мир – твой мир», «Зазеркалье». Читала лекции и проводила тренинги в Астраханском государственном университете, Академии управления МВД, Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, МГИМО МИД России, Шанхайском педагогическом университете и Университете Цинхуа, Китайском нефтяном университете, в которых она является членом учёных Советов. Ей присвоено звание «Почётный доктор» Китайской ассоциацией стратегических исследований в 2009 году и «Почётный профессор» – Институтом стратегического сотрудничества Китая и России Университета Цинхуа в 2017 году.

Лариса Семёновна тесно сотрудничает с органами образования РФ, выполняя огромную методическую работу. Ею подготовлен ряд учебников и учебных пособий: Процесс социализации учащихся (анализ этнонациональных проблем в условиях школы) (Человек и общество, 1993); Московские школьники: взгляды, позиции, ориентации (Этнокультурное (национальное) образование на пороге XXI в. 1999); два издания учебного пособия «Как разрешать конфликты» (2007, 2008 – Рубан Л. С. за эту книгу была награждена орденом «За вклад в просвещение»), учебное пособие «Формирование толерантности в полиэтничных регионах» (2011) и два издания «Как формировать толерантность в полиэтничных регионах» (2012, 2013 – автору была вручена медаль Московского университета МВД России).

Книги и аналитические материалы оперативно передаются в про-

фильные Министерства и ведомства России, а также зарубежным партнёрам, изучающим русский язык. За проведение этого проекта Ларисе Семеновне была объявлена благодарность Министром по делам Федерации и национальностей России (1999), её наградили Почётной грамотой Министерства Внутренних дел Российской Федерации (2007), медалью «За развитие образования» (2009), были получены: благодарственное письмо Управления Президента Российской Федерации по внешней политике (2014), Почётная грамота Комитета энергетики Государственной Думы Федерального Собрания России (2015), Почётная грамота Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2017) и объявлена благодарность Министром образования и науки России О. Ю. Васильевой (2017).

За пропаганду русского языка, литературы и культуры за рубежом Рубан Л. С. получены Почётные грамоты от APWG (Дипломатической женской Тихоокеанской группы) и Посольства Филиппин (2010), премия Министра культуры и туризма Непала (2011); медаль «20 лет СНГ» (2011); благодарность Посла Вьетнама в России (2012); Почётные грамоты Посольства Венесуэлы (2017) и LAD – Латиноамериканского Дома в РФ (2019), благодарственное письмо от Департамента внешнеэкономических и международных связей правительства г. Москвы (2019 г.).

В 2020 г. Московская городская писательская организация Союза писателей России наградила профессора Рубан Л. С. Дипломом имени И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» с вручением медали «И. А. Бунин (1870-1953)»,

а как лауреата конкурса «Преодоление» – Дипломом литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» имени А. И. Куприна с вручением медали Куприна. В 2021 г. Рубан Л.С. была награждена медалью «За вклад в развитие культуры».

Знаменитый советский лётчик, Герой Советского Союза Валерий Чкалов на пике своей активности так озвучил своё жизненное кредо:

«Если быть, то быть лучшим!», думается, что этот девиз очень хорошо подходит к описанию научной и преподавательской деятельности профессора Рубан Л. С.

Мы от души поздравляем Ларису Семёновну с 40-летием научно-педагогической деятельности и хотим пожелать ей неиссякаемой энергии, здоровья и новых творческих успехов.

Библиографический список

1. АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.): коллективная монография / Отв. ред. Л. С. Рубан. М. : ИСПИ РАН, МГИМО МИД РФ, КНУ, Цинхуа, 2019. 360 с. ISBN 978-5-87532-128-3.
2. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: коллективная монография / [Алексеев А. К. и др.]; Отв. ред. В. Н. Колотов. СПб : Студия НП-Принт, 2013. 575 с. ISBN 978-5-91542-244-4.
3. Рубан, Л. С. Молодёжь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации (г. Астрахань и Астраханская область): учебное пособие. Астрахань : АГПУ, 1999. 91 с. ISBN 5-88200-394-6.
4. Рубан, Л. С. Дилемма XXI века: толерантность и конфликт. Москва : Academia, 2006. 240 с. ISBN 5-87532-062-1.

Сведения об авторе:

Ананьин Максим Алексеевич, Первый секретарь 1-го Департамента СНГ, Министерство иностранных дел РФ, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: ananjin@mail.ru

М. А. Анан'ин^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

² The Ministry of Foreign Affairs of Russia

L. S. RUBAN: LIFE IN SCIENCE

For citation: Anan'in M. A. (2021) L. S. Ruban: Life in science. Science. Culture. Society. Vol. 27, № 1. P. 96-101.

References

1. *ATR glazami ehkspertov (mezhdunarodnaya ehkspertiza 2005-2019 gg.)*. (2019). [APR views of the experts (International Expertise 2005-2019)]. Ed. by L. S. Ruban. Moscow : ISPR RAS publ. 360 p. ISBN 978-5-87532-128-3. (In Russ.).
2. *Evraziiskaya duga nestabil'nosti i problemy regional'noi bezopasnosti ot Vostochnoi Azii do Severnoi Afriki*. (2013). [Eurasian Arc of Instability and Regional Security Issues from East

Asia to North Africa]. Ed. by V. N. Kolotov. SPb : Studiya NP-Print. 575 p. ISBN 978-5-91542-244-4. (In Russ.).

3. Ruban L. S. (1999). *Molodezh' v poliehtnichnom regione: vzglyady, pozitsii, orientatsii (g. Astrakhan' i Astrakhanskaya oblast'): uchebnoe posobie*. [Youth in Polyethnic Region: Views, Positions, and Orientations (Astrakhan and Astrakhan Region)]. Astrahan' : AGU publ. 91 p. ISBN 5-88200-394-6. (In Russ.).

4. Ruban L. S. (2006). *Dilemma XXI veka: tolerantnost' i konflikt*. [The 21st Century Dilemma: Tolerance and Conflict]. Moscow : Academia. 240 p. ISBN 5-87532-062-1. (In Russ.).

Information about the author

Maxim A. Anan'in, First Secretary of the 1-st Department CIS,
The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Senior researcher of the Department for Researches of the Problems in International Cooperation,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: ananjin@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) — слева;
- название статьи на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация на русском языке
- название статьи на английском языке;
- фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список на русском и английском языках;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

Аннотация — 150–250 слов; Ключевые слова: слова и словосочетания — не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля — 2,0 см, интервал 1,5 см, выравнивание — по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») — 1,25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1-5; 9]). *Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован в СМИ
(ПИ № ФС77-75451 от 05.04.2019).

Учредители:

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:

В. К. Левашов

Адрес регистрации:

117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru

Контакты редакционного отдела:

119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Ответственный секретарь – Гребняк Оксана Валерьевна

Материалы журнала размещены на сайте <http://scienceculturesociety.ru/>
Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

ISSN 2308-829X

Подписано в печать 05.03.2021 г. Формат 70x108 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,5. Заказ 3256 Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2 Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru

